

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

2 '90

192

Геннадий Устюжанин.

Фото Александра Рыжкова

У НАШИХ ВОРОТ ВСЕГДА ХОРОВОД!

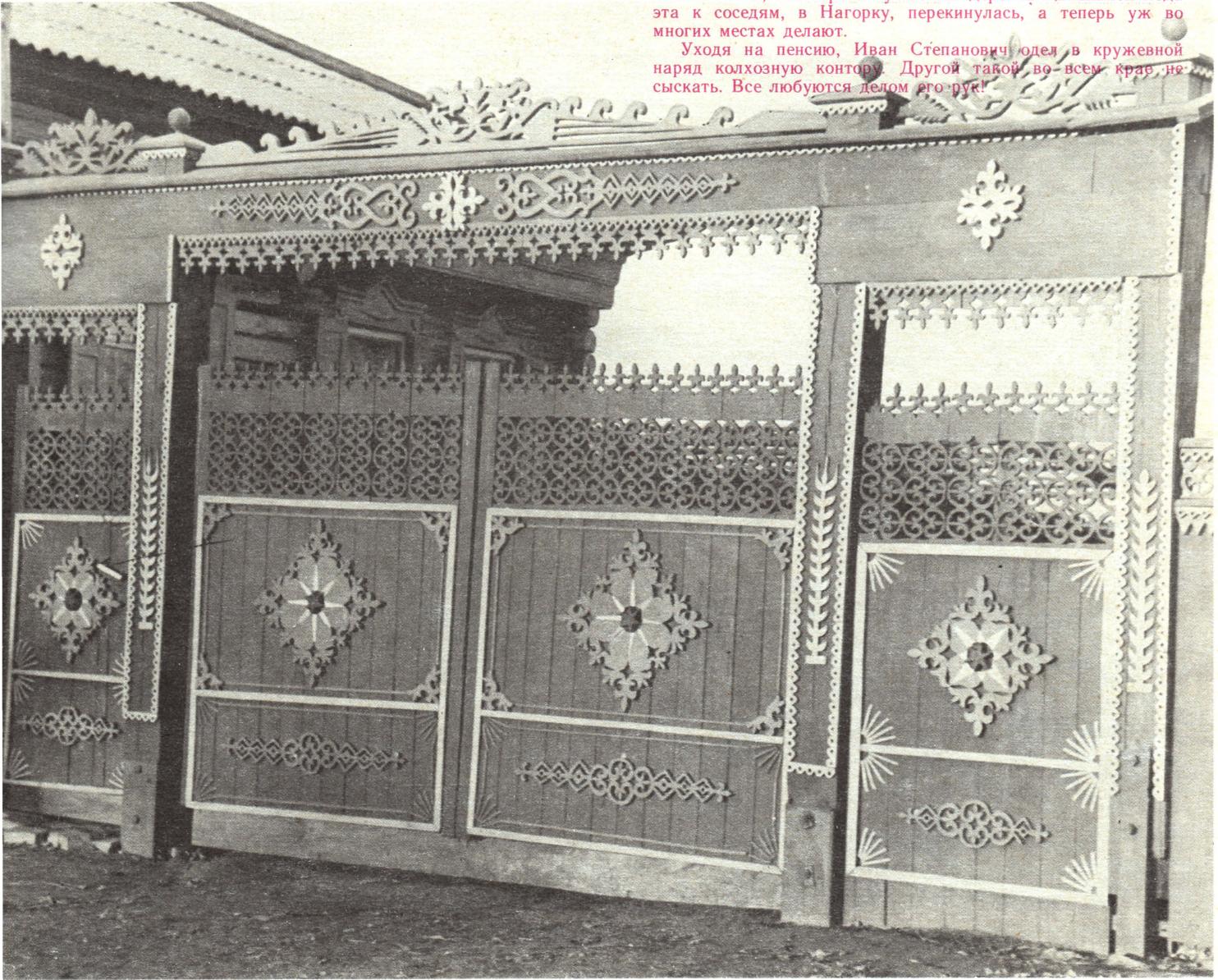
Когда едешь из Кургана в Казахстан Звериноголовским трактом мимо села Камышного, невольно хочется остановить машину и полюбоваться резными воротами у домов колхозников. Многие так и делают: останавливаются, фотографируют на память.

И я не удержался. Свернул с тракта на улицу и не спеша прошел в деревню. Причудливые деревянные кружева украсили многие ворота, наличники окон, карнизы домов. Впечатление такое, будто здесь мастера состязались в выдумке и затейливости узоров.

— Вот, примечаю, вы от ворот к воротам ходите... Для своих, поди, узор облюбовали? — сказала мне встречная женщина. — Да уж вижу, что нравится! Началось с чего?.. А с Ивана Степановича Павлова, нашего колхозного бухгалтера. Он, как вернулся с войны, перво-наперво ворота у своего дома украсил. Вся деревня ходила любоваться. Потом дочки его подросли, замуж выходить стали. Как внук родится — так в подарок молодым у Степаныча уже резные ворота готовы...

Красота имеет свою притягательную силу. Сначала приглашали Павлова, просили «такие же» ворота сделать; потом многие сами научились резбе, поднатюрили — соревноваться стали, чьи ворота лучше. Из деревни Камышной мода эта к соседям, в Нагорку, перекинулась, а теперь уж во многих местах делают.

Уходя на пенсию, Иван Степанович одел в кружевной наряд колхозную контору. Другой такой во всем крае не сыскать. Все любят дело его рук!

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

2 '90

В НОМЕРЕ:

Н. Гощицкий ЛАБЫТНАНГСКИЙ ДНЕВНИК	2
О. Капорейко ЖИВАЯ — МЕРТВАЯ ВОДА	6
Л. Нечаев НЕЩЕЧКО. Повесть	10
Б. Козулин СЕСТРА КОМИССАРА	20
Р. Мошинская «РОМАН НАПОДОБИЕ ВАЛЬТЕР СКОТТА»	22
Э. Кудрявцев КОЛЛЕКЦИЯ РЫБАКОВА	24
Б. Бероев ПОКОРИТЕЛЬ ГОР	25
Л. Богоявленский КАК ВАЛ ГРЕЧНЕВУЮ КАШУ СЪЕЛ	26
В. Стахеев СЕМЕЙНЫЕ РЕЛИКВИИ	27
Л. Сорокин Я ВИЖУ ТО, ЧТО СКРЫЛОСЬ ВДАЛЕКЕ. Стихи	28
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
И. Тяглов КРУГИ МАГИСТРА. Повесть	29
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	53
Н. Черных КАК ВЯТСКИЙ МУЖИК ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ	55
Ю. Дунаев ШИШИМ	56
А. Матвеев ПРОПАВШАЯ ВЕРШИНА	57
М. Петров ВЗРЫВ ВМЕСТО ЗУБИЛА	68
Д. Хеммет «СМЕРТЬ И К ^о »	71
Л. Блок УДАЧНЫЙ ВЕЧЕР БИЗНЕСМЕНА	76
МИР НА ЛАДОНИ	79
А. Максяшин СДЕЛАНЫ ИЗ МЕДИ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

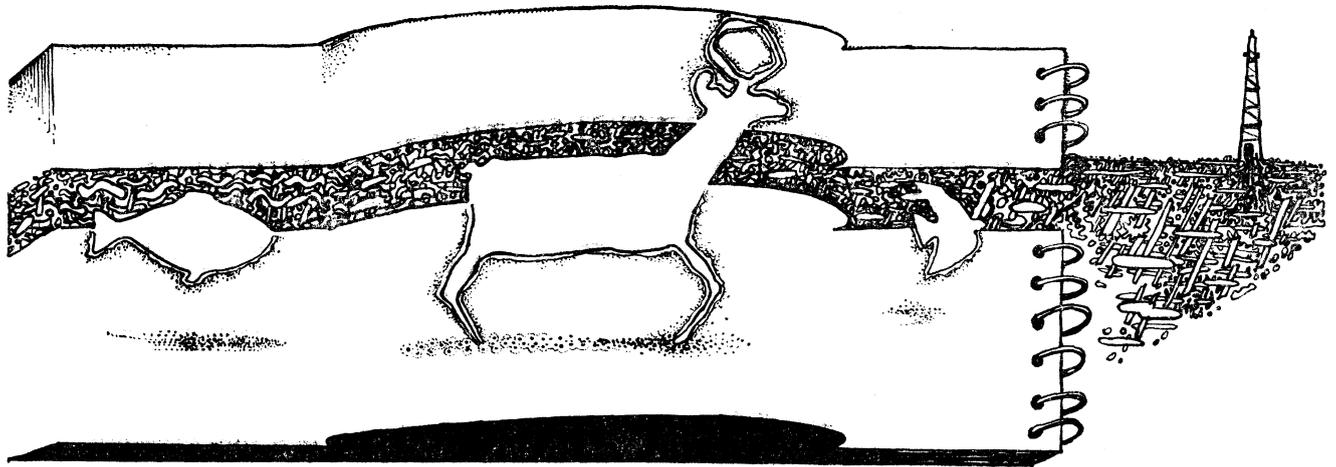
Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (прозы и поэзия),
22-45-01 (краеведения,
фантастики),
22-10-74 (публицистики,
молодежных проблем),
22-04-81 (науки и техники,
писем, секретариат).

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати». Бракованные экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий».

Сдано в набор 06.11.89.
Подписано к печати 21.12.89.
НС 15208.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,3.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 490 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Заказ 527.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
620219, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки фотоэтиюд О. Капорейко к очерку «Живая — мертвая вода».

ЛАБЫТНАНГСКИЙ ДНЕВНИК

Николай ГОЩИЦКИЙ

Рис. Владимира Ганзина

Дни, проведенные в Лабитнангах...

Как не увидеть опять стаю брызнувших из-под колес куропаток — тучу белых комочков с черным пятнышком на хвостах, мгlistый день, посеревшую тундру, долгий снег на холмах и дорожную нитку, петляющую у горизонта... Выйти к ночному поезду, идя от зажатой горами избушки на Красном Камне, и долго стоять, ожидая его огней. Совсем одиноким в спокойно оцепеневшем Полярном крае...

Двухчасовой полет над укрывшей все темнотой от скромного Березова, приютившего когда-то светлейшего князя Меньшикова, до столичного Салехарда. Ни огонька вокруг на сотни километров, и вдруг — целая россыпь их под крылом заходящего на посадку самолета.

Встретившая в аэропорту машина несет по зимнику через Обь к Лабитнангам. Вечер принес знакомство с Шишмаревым, директором Салехардского стационара; теплый дом и поздний ужин для гостя. Потом, когда вышли из дому, на пути к балку, где я должен был ночевать, вновь окунулись в светлое зарево. Слепила глаза цепь огней в отдалении, и я поинтересовался у провожавшего меня Шишмарева, что это там. «Зона...» — ответил он, хмыкнув. — Пора убирать уж ее, стоит чуть ли не в самом центре города... Но это не самое главное здесь, как вы понимаете.

«Семь Лиственниц» — так переводятся Лабитнанги, поселок или «город», как называют его лабитнангцы. Говорят, где-то семь лиственниц этих растут, но я их не видел. В округе деревьев мало, и все они против наших малорослы и некрасивы, как то подобает лесотундре. Когда-то на месте города существовало небольшое селение, позднее, в ходе бурного освоения края, Лабитнанги росли и ныне соперничают уже с Салехардом. История же самой «метрополии» уходит корнями к концу XVI века — к Обдорску, что позволяет его жителям несколько свысока смотреть на подростящего «не по годам» соседа. Впрочем, и лабитнангцы поспеиваются над деревянной одноэтажностью столицы округа.

Что отличает Лабитнанги, так это «минипарк», который поднялся на территории биостационара. Усилиями всех сотрудников «вырос настоящий зеленый оазис среди

унылых улиц северного поселка — наглядная агитация, как можно и нужно озеленять северные города». И улица, по которой стационар расположен, носит название «Зеленая горка».

СТАЦИОНАР

Датой его рождения считают год 1954-й. Поначалу Салехардский научно-исследовательский стационар располагался в столице округа, но с 1959 года был переведен в Лабитнанги. Становление и развитие его неразрывно связывают с именем Станислава Семеновича Шварца — движителя, идеолога всех изысканий научного плана, которые велись, ведутся и будут еще вестись в стационаре. Уважение к этому человеку неизменно встречаешь у всех, с кем доводится говорить сегодня.

А тогда, тридцать лет назад, все только еще начиналось. Появились первые две лаборатории и сразу же занялись делом: гидробиологическая — изучением промысловых рыб в Обской и Тазовской губах, зоологическая — птицами и млекопитающими Субарктики, в том числе отработкой методик прогноза численности песца на Ямале. О технической оснащенности работ в этот период и говорить не приходится: основное транспортное средство — лошадь.

«...Кошуха уволить по собственному желанию... и временно поручить уход за лошастью, а также ответственность за телегу, ходо, упряжь и дугу...» — гласит один из приказов. На лошадях выезжали на полевые работы, на них же держалось все хозяйство. Во время передвижений в поле использовали оленей. По рекам двигались на весельных лодках.

В. М. Шишмарев, директор Салехардского научно-исследовательского стационара, кандидат биологических наук:

— С. С. Шварц был все же настолько мудрым человеком, что в свое время именно сюда поставил этот стационар и привлек специалистов. Задумывался он как базовый, для разъездов по территориям сотрудников Института экологии и не только его. Не знаю наверняка, но первоначальные мысли Шварца были, по-видимому, именно такими.

Постепенно стационар терял чисто базовое значение, стали проводиться кое-какие научные исследования. Образовались лаборатории ихтиологии, зоологии, немного позднее ботаники, выросли свои научные кадры. Многие, вырастая, из стен улетали, и нигде стационару и институту за них не стыдно.

Понемногу наладилось дело с техникой, появились моторы к лодкам, два катера, с 1955 года на работах внутри поселка — грузовая машина, а с 1962 года — первый вездеход «ГАЗ-47», который «с ходу» включился в работы на Полярном Урале.

В середине 60-х годов была создана ихтиологическая группа. В составе Полярно-Уральской экспедиции она разработала метод оценки численности стада рыб на основе фонда отложенной икры, средней плодовитости самок и соотношения полов в стаде. В то же время зоологи и часть ихтиологов изучали в рамках Международной биологической программы вторичную продуктивность биогеоценозов лесотундры Нижнего Приобья.

В начале 70-х годов ихтиологи изучали условия естественного воспроизводства сиговых и лососевых рыб в бассейне Северной Сосьвы и разработали рекомендации по рациональному использованию их запасов. Зоологи исследовали фауну Северного Приобья, особенно редких и ценных видов животных. Начались планомерные работы ботанического характера. Важнейшими из них стали разработка рекомендаций по видовому составу растений, пригодных для декоративного озеленения северных поселков, а также работы по продуктивности пойменных лугов как кормовой базы животноводства округа, проведенные Ю. Ф. Рождественским.

Ю. Ф. Рождественский, директор стационара в 1972-1987 гг., кандидат биологических наук:

— У станции много работы — вплоть до консультации по озеленению: к нам постоянно обращаются различные организации. Станция дает рекомендации по правильному использованию пойменных лугов, северных лесных и вообще растительных резерватов, по охране отдельных видов растений и т. д. Кроме того, большая нужда в семенах растений, пригодных для рекультивации поврежденных земель Севера. Прежде чем организовать семенное хозяйство, необходимо испытать многие виды растений, чтобы выяснить их устойчивость к жестким климатическим условиям, способность формировать дернину и плодородность. Все эти вопросы может и должна решить группа ботаники стационара. Это задача номер один — решение биологической рекультивации. Ведь сейчас в Ямало-Ненецком автономном округе повреждено уже более 6 млн. гектаров земли, и с каждым годом площади повреждений увеличиваются.

В. М. Шишмарев: «Я не знаю, какую здесь реку называть, где бы я не был, проплыв и поработав на них всех...» — смеется он, отвечая на мои расспросы. От порога его квартиры до дверей кабинета в лабораторном корпусе — полторы-две минуты спокойным шагом. Полторы-две минуты среди сугробов, задавших дорожку, и поднявшейся хвойной поросли. Так все здесь: живут, где работают; работают, где живут. И дом, и работа сотрудников уместились на одной территории.

— После доклада на конференции по загрязнению Оби нашли меня как-то японцы — у них ведь тоже проблема загрязнения особенно стоит — что у нас в рыбах есть, спрашивали. Проще ответить, чего там нет! И пестициды, и гербициды, и дефолианты, много всяких нефтепродуктов. Недаром уловы сейчас так упали, особенно ценных видов рыб, — страшно подумать, что нас ждет впереди... В наших северных городах нет ни одного нормально работающего очистного сооружения. Взять хотя бы окружной центр — Салехард — их не строить, невыгодно. Это непродовственная сфера и прибыли не дает. То же самое в Лабитнангах, правда, недавно прошла информация, что введут, наконец, очистные сооружения, но как-то слабо верится: корпуса уже стоят давно, а «начинки» в них нет. И дадут ее, по сведениям недавно образовавшегося

у нас отделения Госкомприроды, не ранее конца 1990-1991 гг. А до этого времени так и будет продолжаться: вывоз в лагуны, лагуны будут прорываться, и все, так или иначе, будет поступать в Обь. Рыба из нее попадает на наш стол, и круг замыкается. Что называется, безотходное производство... Но дело еще в том, что ни один очистные сооружения в мире не дают стопроцентной очистки. Даже пятипроцентные сбросы из года в год, изо дня в день все равно накапливают большое количество вредных веществ. А там, глядишь, не сработало что-то, произошла авария, залповый сброс, и все идет известным образом.

— А что тогда делать, сбрасывать отходы все равно куда-то надо?

— Сточные воды имело бы смысл после очистки пустить на технологические линии по замкнутому циклу, а не сливать их в реки. Можно часть возить в котельные, как это сделано у нас. Правда, и здесь, в Лабитнангах, свои странности — в отопительную систему включен и водопровод. Я не знаю, где еще можно найти город, чтобы ванны наполнялись водой, которая бежит по отопительным трубам. Любая авария — и все, что угодно, может политься в наши квартиры. Тем не менее, только на отопительную систему пускать эту вторичную воду вполне можно.

Так вот, если где-то говорят, что очистные сооружения пущены, то это еще палка о двух концах. Всегда привожу в пример Харп. Там на мощном заводе ЖБИ тоже не было очистных сооружений долгое время, и обстановка была настолько накалена, что грозились вообще закрыть этот завод. «Благодаря» его сбросам на Соби отмечалась вообще полная гибель рыб. Даже воспроизводство в отдельные годы было отрицательным: рыба отложила икру, ждет потомства, а в конечном итоге гибнет и потомство, и сама рыба, которая пришла на зимовку. Пустили очистные сооружения, но тем не менее в воде реки Соби присутствуют постоянно какие-то посторонние вещества — те же нефтепродукты, фенолы, взвешенные частицы и т. д. В верховьях реки ниже Харпа много органики, поскольку там развилась донная растительность, а должен быть чистый галечник.

Но это еще не все. Возьмем на Оби малые поселки. Мы-то возим питьевую воду в Лабитнанги с рек Ханмей и Соби. Там же этого нет. Все поселки стоят на возвышенностях, колодца не выроешь, и воду приходится брать с Оби. Иной раз сутками не взять эту воду: на реке нефтяная пленка, вода пропитана запахом нефти, и пить ее невозможно... А те же пестициды! Они ведь не имеют запаха, и люди потребляют их совершенно спокойно, не зная о том, что они пьют. Это настолько серьезно, что может расцениваться как покушение на жизнь человека...

ПРОГНОЗЫ

Их дает так называемая «Территориальная комплексная схема охраны природы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса», разработанная на 1988 год Ленгипрогором. Из схемы следует, что если продолжать освоение региона на уровне действующих ныне методов, технологий, — к 2005 году можно ожидать следующих результатов:

Ущерб рыбным запасам составит 30 тыс. тонн ежегодного улова. Это, примерно, столько, сколько вылавливается сейчас. Следовательно, рыбные запасы сводятся полностью на нет.

Ущерб от загрязнения почв до 1985 года составил 3102 тыс. рублей. К 2005 году он составит 6477 тыс. рублей.

Ущерб от нарушений литогенной основы: существующий — 10,2 млрд. рублей, на 2005 год «просктируется» 22,6 млрд. рублей.

Ущерб лесному хозяйству: 1986 год — 70 млн. рублей, 2000-й — 343 млн. рублей. Ущерб животному миру на момент разработки «Схемы» составляет 11,8 млн. рублей, а к 2005 году он вырастет до 23,9 млн. рублей.

Ущерб от загрязнения воды огромен: сейчас поступает загрязнителей около 380 тыс. тонн в год. К 2005 году поток возрастет до 458 тыс. тонн. По Тюменской области с начала года освоения по 1985 год в загрязнение попало 12 млн. тонн нефти, в том числе 3,9 млн. тонн в речную сеть. Ущерб составляет 346 млрд. рублей, а в 1996-2005 годах — уйдет уже 20,8 млн. тонн нефти, что составит 598 млрд. рублей ущерба. Потери нефти только по Миннефтепрому с 1964 по 1985 год дошли до 35 процентов, а на 1996-2005 годы планируется при существующем уровне технологии 51 процент, и суммарный экологический и экономический ущерб составит 1,5 триллиона рублей!

Направляется вывод: **ОСВОЕНИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА НУЖНО ИЛИ НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЬ, ИЛИ ХОТЯ БЫ ПРИОСТАНОВИТЬ ДО ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ РЕСУРСОСБЕРЕГАЮЩИХ И СОВЕРШЕННО БЕЗВРЕДНЫХ ДЛЯ ПРИРОДНЫХ КОМПЛЕКСОВ ТЕХНОЛОГИЙ.**

Это заключение совпадает с мнением многих специалистов, ученых и практиков. Однако какую же бурю вызывает сама мысль: прекратить освоение до лучших времен — у тех, кто имеет здесь свой интерес и совсем не желает расстаться со средствами, на эти цели отпущены. Министерства и ведомства едины в порыве: не допустить! На конференции по Ямалу, проходившей в Надыме, где представители министерств встречались с учеными, последним довелось испытать всю силу натиска первых, когда министры, забывшись, кричат в микрофон, как у себя на селекторном совещании, а рабочие руки в зале вздымают плакаты: «Даешь Ямал!», «Ученых из кабинетов — на Ямал!» и так далее. Ученые, к чести сказать, держались твердо и точку зрения свою все равно отстаивали, ту, которая сформулирована выше. Однако отстоять — еще не значит убедить.

«...Когда пролетаешь над Ямалом, — писала газета «Красный Север», — видишь глубокие шрамы — колеи вездеходов, пересекающие весь полуостров. Черные полосы, местами затопленные водой, сходящиеся к местам промбаз и поселков — это страшные шрамы, по ним идет разрушение покрова, смывается почвенный слой, обнажается мерзлый грунт, начинается его протаивание — растут овраги один за другим, постепенно гибнет уникальный регион планеты... Природа тысячелетиями отбирала виды фауны и флоры в районах Крайнего Севера. Промышленное же освоение Ямала будет столь быстро, что может привести к стрессовому состоянию живой природы и даже к его гибели на больших территориях полуострова». С полным основанием сказанное можно отнести ко всему региону Тюменского Севера.

Человек в промышленных освоенных районах Субарктики изменил природу не за тысячу, а за десять — тридцать лет. И речь не просто о судьбе целого края нашей страны, хотя и это немало. Север, наряду с тропическими лесами, относится к числу регионов, от которых в решающей мере зависит сохранение экологических параметров биосферы, и потому сохранить его природу — непреложное условие существования человека на Земле.

ЯМАЛ

*«И скважины пядь за пядью
Вонзаются в грудь Ямала.
Кинжальной рукоятью
Каждая вышка встала...»*

С детских лет помню набившие слух сочетания типа «Север — стране!», «Кладовые Севера», «Нефтяные богатства Севера — народу» и т. д. Пропаганда делала свое дело, создавалось устойчивое впечатление, что Север задолжал стране, и взять это должно — наша задача. Взять, не считаясь с потерями. Лубочные картинки из жизни жителей Севера убеждали: все это в их интересах. Кто же станет оспаривать блага попутного их приобщения к нашей цивилизации. Попутного и, так сказать, по «ускоренной программе». Однако блага эти радовали дале-

ко не всех. Во всяком случае, и в годы застоя находились люди, отказывающиеся понять, почему право людей ходить по земле, где гоняли оленей их деды и прадеды, должно попирается во имя каких-то целей. Находились такие среди «приезжих», находились и среди коренных ненцев, хантов, других народностей Севера. Один из таких — Леонид Лапцуй, поэт, автор строк, приведенных в эпитафии и написанных в годы застоя.

Теперь нам понятно: нельзя ожидать другого от системы, построенной на попирании прав меньшинства большинством. Действительно, когда выселяешь народы, взрываешь храмы и топишь земли, когда бесконечно уверен в своей правоте — в течение целой эпохи — смешно церемониться с амбициями оленеводов.

Дожили, однако, до новых времен. С трибуны партийного съезда, спохватившись, признали, что надо «заставить понять всех и вся, что суровый этот край нужно не осваивать, а обживать. Обживать основательно, обживать умно, обживать предусмотрительно».

Именно предусмотрительно. На очереди Ямал... Месторождения Бованенковской группы, открытые на полуострове, сделали его сегодня объектом повышенного внимания со стороны промышленников, ученых, местной общественности. Последняя, например, создала комитет за комплексное развитие Ямала, впервые в Союзе добилась создания экологической инспекции при окрисполкоме и т. п. Похоже, к Ямалу уже не подступиться со старыми мерками. Проблемы его нашли отражение в выступлениях делегатов первого съезда народных депутатов и кандидата накануне его. «Умеренный» Ругин, писатель и активный член упомянутого комитета — за комплексное освоение и, стало быть, за разработку месторождений Ямала при условии соблюдения требований экологии полуострова. Крайний и «жесткий» Езенги, партийный работник, пониженный в годы застоя за споры «по делу» с начальством — хотел бы видеть Ямал недоступным промышленным разработкам, проектам и стройкам. За крайность суждений слывет «националистом», но при этом вполне европейское учение население биостационара поддерживает его программу, а не конкурента.

В. М. Шишмарев:

— Что касается перспективы освоения Ямала, то мы не в состоянии сейчас решить многие вопросы. Вся стратегия освоения региона определялась призывом «Даешь Ямал! Даешь Новый Уренгой, даешь Ямбург... Наворочали там очень много ошибок. И каждый раз, говоря: «Давайте учиться на ошибках», — повторяли их на каждом новом строительстве. Мы знаем, что каждое месторождение на Ямале имеет свою структуру. Бованенковское отличается от Харасавейского, а то, в свою очередь, — от Крузенштерна (это самая северная оконечность Ямала). Выясняется, что Ямал настолько молод, что применять там какой-то другой опыт, Ямбурга, например, совершенно опрометчиво. Можно натворить колоссальное количество ошибок и лишиться вообще всей территории полуострова.

Железная же дорога, которую планируется построить на Ямале, мне представляется скорее благом, но здесь нужно исходить из определенных целей: если мы строим ее только на Бованенково, то она во вред, — маленький этот кусочек земли быстро может исчезнуть. А если рассматривать железную дорогу как средство стратегического развития всего региона, то, может быть, надо строить ее вообще в другом направлении. Не должна стратегическая цель замыкаться на какой-то маленькой площади. Это главное. Через двадцать лет месторождение иссякнет, что дальше?

Конечно, цивилизация Ямала в какой-то мере неизбежна. Взять хотя бы вопросы снабжения, вывоза продукции. Накладные расходы на транспорт сегодня съедают колоссальные деньги. Если, как это и положено, развивать там оленеводство, рыболовство и рыболовство, то наверняка надо организовать и вывоз готовой продукции. И если мы сейчас пока плохо еще осваиваем эти озера, то оленеводство и пушной промысел уже дают богатый, выход. Это нельзя сбрасывать со счетов. Тем более, что

запасы газа и нефти исчерпаемы, в конце концов их не будет. Запасы же пушного зверя, оленей, рыбы при рациональном их использовании неиссякаемы. В этом смысле, я повторяюсь, строительство железной дороги следует рассматривать не только для какого-то определенного отрезка времени, но и на постоянное пользование.

Кстати, железнодорожный транспорт — самый экологичный. Если мы возьмемся строить, например, зимники вокруг Бованенковского месторождения для доставки туда грузов, а строят эти зимники с четырех сторон, то каждый сезон будет происходить накатывание и утаптывание снега на широких площадях. С приходом весны такие места тают позже, а это приводит к задержке роста на них растений, которые затем запаздывают в развитии и, не давши побегов, семян, в конце концов погибают. При ежегодном повторении таких процессов произойдет деградация тундровых биоценозов, и при условии дальнейших разработок и освоения можно вывести из строя значительную часть ямальной тундры. К тому же зимники не решают проблемы легкой доставки грузов, поскольку вся техника, которая у нас выпускается, настолько экологически неприемлема, что ее даже близко подпускать на почвы Ямала нельзя. Могу об этом судить, поскольку при нашем стационаре планируется создать полигон для экологических испытаний новой техники, и кое-что мы уже испытали.

НА КРАСНОМ КАМНЕ

Иду на лыжах. Огромных, неповоротливых, просунув валенки в ременные петли... С каким трудом иду! И падаю. В снег лицом. Пытаюсь встать — упираюсь ладонью в снег, и вместе с рукой ухожу под наст, царапаю щеку о твердые крошки...

Когда Балахонов, подвижный, всегда приветливый, спросил, не поеду ли я вместе с ним на Красный Камень, никто из нас не подозревал, что встанет так много проблем: и валенок нет, и одежда не та, и к утру надо быть в Лабитнангах у авиакасса. Но все разрешилось. Нашлись и тулуп, и валенки, а все остальное тихо отошло в сторону, раз есть возможность хоть полдня провести у Полярных гор. И медленный поезд увозил нас дорогой, которой, наверно, тысячи раз проезжали сотрудики, «гости» стационара; которой проехал когда-то и сам Станислав Семенович Шварц, приметивший это удобное для полевых работ место. Действительно, между прямым и обратным поездом есть время, и люди выходят на маленьком полустанке в долину, где между гор протекает чистейшая речка, где все поросло высоким кустарником, где можно набрать материал и спокойно уехать обратно.

Одна из вершин — Красный Камень — дала название всей площадке. Избушка, построенная Балахоновым. Уютная печь, пара нар, съестные припасы, журналы на полке и стол. Среди банок и кружек на нем — прибор, замеряющий температуру на высоте снежного наста. Эти температуры играют определенную роль в зимней жизнедеятельности грызунов, которыми Балахонов и занимается. «А есть ли они тут вообще?» — шучу я. «Есть, — откликается он, — кого только нет. Однажды проснулись под утро, а в это оконце царапает крыса... Должно быть, от горносталя бегала».

Над входом висит коромысло, оно-то и стоило мне тревожных минут. Когда растопили печку, Владислав Сергеевич взялся за ведра, спросил: «Пойдете?» Ну как не пойти! На лыжах я с детства, беру коромысло, встаю на широкие лыжи, пошел за широкой спиной Балахонова... Когда я понял ошибку, избушка была уже далеко. Неумелая, неприспособленная нога вихляла по лыже, не чувствовала и не могла управлять. На каждом изгибе лыжни я падал. Глубоко проваливаясь тяжким телом, барахтался, силясь встать, точно мышь в сметане. Я удивлялся паденьям, потом вдруг подумал: а как Балахонов там с полными ведрами?.. Он выехал из-за кустов, держа по ведру в каждой руке. Увидев меня, ничего не сказал. Я стоял на лыжне, оперевшись на коромысло, и было

смешно и стыдно. «Поедете дальше?» — спросил он без тени иронии. «Поеду». — решил я и отдал ему коромысло.

Добравшись до речки, я выехал к польняе. Прилег возле крошки, тронул чистейшую воду рукой, и пил из ладони, и видел движенья холодной струи, дрожанье студенистых камней на дне. Темнело, и небо очистилось, и там, в высоте, обнажились вершины; кричали, взлетая, какие-то птицы, а эхо вторило им гулко, подчеркивая вечный покой этих мест. Вот так протекали здесь сотни и тысячи лет... Прибрежный кустарник не вдруг раздавался, и взгляд открывал далеко уходящий пустырь, заснеженный и неровный.

Когда я вернулся, мы пили чай. Горела свеча, и сладко гудела печка, а в воздухе пахло промокшим бельем и тем особым запахом, каким обладает только тепло горячего очага. В отблесках света плясали по брусчатым стенам тени, звучал его льющийся говорок, и с тихим скрипом крутилась пленка.

В. С. Балахонов, кандидат биологических наук:

— Что, холодновато? Надо спину придвинуть ближе к печке, а стул развернуть в сторону... Во!.. И согреется. Так вот, два года я в этой избушке. Долго думал, где мне поставить ее для зимних работ. Вообще-то много народу ездит на этот Красный Камень, поднимаются на метеостанцию. Места очень красивые, и летом, осенью особенно, здесь просто паломничество. Вдруг, думаю, разорять будут. Но когда построил, то оказалось, что не ошибся: избушка живет пока, и желающих оказалось много приехать и поработать в ней.

— А раньше тут было что-нибудь?

— Когда-то здесь старый лагерь был, там, за рекой, куда мы ходили, до сих пор еще проволока колючая находится — остатки от бараков. Можно увидеть и двери с глазками...

— Как же я ничего не заметил?

— Сейчас-то под снегом все. Громадный лагерь был там, где кусты вот эти. Кладбище есть, т. е. остатки кладбища вольных, а кладбища зекон нет. Говорят, специальная была учреждена экспедиция где-то после 53-го года энкавэдэшниками, они ходили по таким вот стройкам и уничтожали все. Об этом я в «Красном Севере» прочитал, там печатают репортажи о 501-й стройке: уже в наше время корреспонденты прошли пешком от Салехарда до Надыма по старой мертвой железной дороге и собрали материал.

— А сами-то вы здесь давно?

— Когда еще студентом был, в 1965 году попал в Институт экологии. Потом, с осени, защитил диплом и сразу туда — как раз ставки были стажеров-исследователей... Поработал немного, пришел к Шварцу и говорю: «Станислав Семенович, можно я на Север поеду», — как раз с жильем у меня не получилось... «Ну, мы приветствуем» — и я поехал. И с тех пор здесь. Двадцать лет уже.

— Грызуны, которыми вы занимаетесь, это что, самоцель для вас?

— Грызуны — как модель жизненной формы вообще — используются нами для заключений более широких. Такие модели биологи очень любят, лягушек, например, мышей белых: их много, и можно получить хороший статистический материал. Некоторые закономерности, которые мы открываем на мышах, можно ведь распространить и на человека. Человек, как сейчас говорят, существо биосоциальное, но био-то стоит впереди, и все законы биологические на него тоже действуют. И если существуют экологические цепи питания в природе, то человек является одним из звеньев этих цепей — высшим звеном. Мыши находятся ниже, накопление вредных веществ из той же нефти (например, бензапирена) поступает в их биологическую цепь питания и заражает хищников, питающихся мышами. Аналогично корова ест траву, которая заражена бензапиреном, человек потребляет молоко, мясо и тоже заражается.

— Владислав Сергеевич, вы ведь Ямалом тоже занимаетесь?.. Ну вот, насколько я знаю, существует гипо-

теза, по которой Ямал представляет осколок ледникового покрова арктического бассейна, погребенный под наносными слоями, или попросту — глыба льда. Теперь представим, найдутся такие, кто скажет: «Возьмем с Ямала, что можно, а там и пусть пропадает. Не будет его — что случится по крупному счету-то?»

— Скажу однозначно: если так вопрос будет поставлен, получится натуральный геноцид. На Ямале живут ненцы, и люди приезжие этого просто не понимают. Это их земля, и у каждой семьи — свои территории. Вот я знаю, например, ненца, он ежегодно стоит и пасет своих личных оленей на одном месте. Я, говорит, умру, и мой сын здесь будет пасти. Это только в наших головах дурацких представляется, что там пустое место. Сейчас около пятидесяти-шестидесяти семей уже лишены своих территорий на Ямале. В результате одних только разведочных работ. Это очень много. Вот мы пришли к ним, и ничего не спрашивая, начали у них хозяйствовать. А если бы к нам в квартиру зашли и развернули бы там все по-своему? Это проблема нравственная, люди могут лишиться родины. Некоторые так говорят: «А что, мы ненцев куда-нибудь переселим!» Ну как же, если фактически пятьдесят семей лишили их дома! Эту землю у них забрали, испоганили, а на другую-то их не пустят, ведь это земля другой семьи. Мы не можем понять, что их дом — это участок тундры, что так веками заведено. Если кто-то лишился дома, то я могу пустить его на квартиру, но он так и будет — жилец. Это в нашем понятии тундра вот такая огромная, общая, а на самом деле все знают, где чья территория. Там до речки граница, тут по озеру — так и ведется. Теперь голоса раздаются: «Вот, нужно личных оленей сокращать!.. У нас перевыпас на Ямале, не хватает корма...» Они не понимают простой вещи, что сократить — значит лишить того количества оленей, которое необходимо для жизни: двести оленей на семью, расчет в первом номере «Северных просторов» писательница Анна Неркаги приводит. А им разрешалось только 75 держать! Ну что это такое, когда им 50 нужно, чтобы только чум перевезти. Они ведь маленькие, олени, как собаки...

Ненцы — это такой народ, который не может сказать «нет», а мы этим пользуемся. Он очень гостеприимный, очень приветливый, скажут ему: «Надо!» — «Ну, нато... рас нато... Та...» Вот Ругин, депутат от округа, говорит: «Да, Ямал нужно осваивать — стране нужны нефть и газ, но все это надо развивать в комплексе...» По мне, так как раз и не надо осваивать. Оставить на будущее. Где наши внуки брать будут все это, если, как выясняется, весь нефтяной пояс расположен по одному меридиану: Западная Сибирь, Кавказ, Ирак, Аравия и тому подобное? Летом я познакомился с Анной Неркаги. Это была случайная встреча на буровой, где она хотела нас «арестовать». Потом, когда разговорились и я сказал, что фамилия моя Балахонов и что это я писал в «Красный Север» об американском опыте развития Аляски, она обрадовалась. «А! Так это вы писали... А я давно мечтаю с вами поговорить. Ваша статья последнее время у меня на столе...» А я написал там специально, чтобы национальные чувства ненцев задеть. Эскимосы Аляски, писал, к тому времени достигли такого уровня образования, что среди них появились юристы, которые сумели доказать, противостоять нажиму промышленников. Ну и на Ямале сейчас создали то же, что-то типа народного фронта. Борьба-то за Ямал идет, но они пока еще не совсем, видимо, представляют, как нужно делать...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

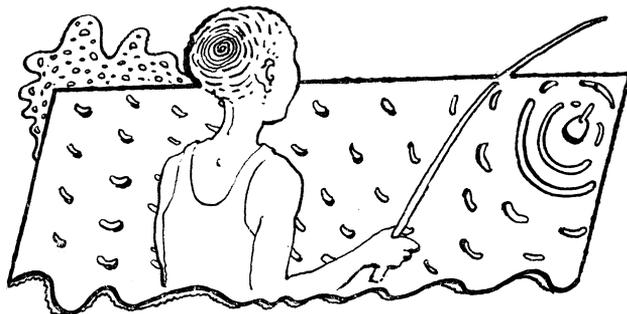
Живет еще Север... Живет своей жизнью и детище Шварца — стационар в Лабитнангах, и делит судьбу с этим северным краем. Мысли его создателя — как напутствие тем, кто останется здесь и продолжит работу дальше.

...Должен вам сказать, что природа не умрет. За тысячи лет она отпрепарирует и исправит все, что мы с вами натворили. Вечен космос. Мы с вами умрем, вот в чем дело...

Лабитнанги — Свердловск.

ЖИВАЯ -

Экологические размышления

Однажды в лесу я поймал себя на страшной мысли... Нет, это был не безотчетный страх. В лесах я провел несчетное число дней, прошел в глухих местах тысячи километров. И это не была также боязнь хищников, какими нас в детстве пугали, чтоб не уходили слишком далеко от дома.

Я вдруг понял, что боюсь обыкновенной воды, и больших рек, и маленьких лесных речушек, и ключиков! Из этих ключиков и речушек мы пили вдоволь жаркими летними днями. Пили без опаски ее, холодную водицу, зачерпнув ладошкой, кружкой, или просто прижав к земле всем телом, касаясь жаркими губами упругих струй.

А тут объявилась опаска. И неспроста.

«...В реке Исеть ниже Свердловска высоки концентрации азота аммония, азота нитратов.

Концентрация хрома шестивалентного в реке Чусовой ниже Первоуральска превысила норму в 1100 раз. Высоко также содержание меди.

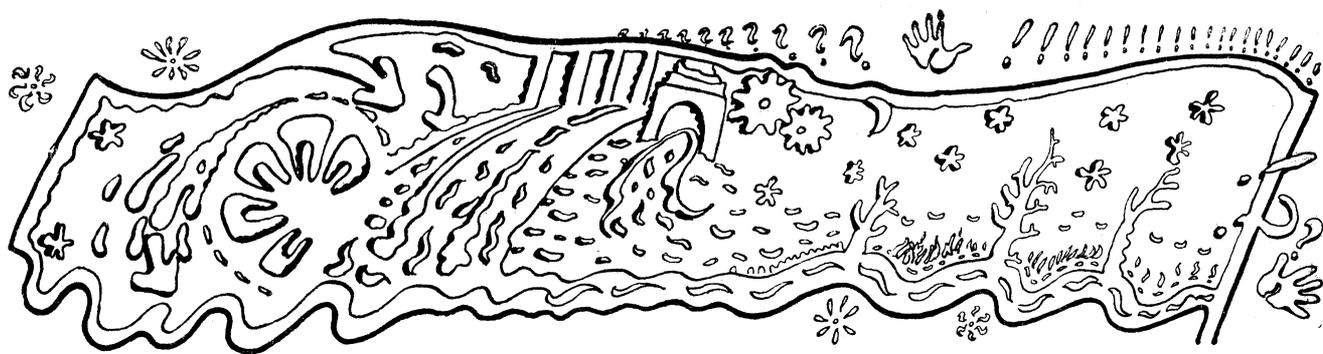
Выше города Березовского в реке Пышме содержание никеля превышено в 13 раз, меди в 140 раз.

В реке Тагил наблюдается высокое содержание азота нитратов, цинка».

Перед вами далеко не полный перечень загрязненных рек Урала, взятый из ежемесячных отчетов территориального центра наблюдений за загрязнением природной среды и государственной инспекции по охране атмосферного воздуха Уралгидромета. Конечно, список можно было продолжить и без отчета Уралгидромета, называя безошибочно любую реку, не только крупную, получившую изрядную дозу шестивалентного хрома, азота патрия, азота аммония, хрома, меди...

Из тех рек, что уже «испили» и продолжают потреблять химические отходы заводов, фабрик, хозяйственно-бытовых и промышленных сточных вод, не напьешься просто так жарким днем, не искупаешься в них, не порыбачишь. И количество таких рек не уменьшается.

С тревогой думая об этом, невольно начал прокручивать свою жизнь в обратную сторону, возвращаясь к детству, когда впервые увидел речушку, что показалась самой большой, и пруд нап, что был для нас огромным. И задал себе десяток вопросов. Как же случилось, что реки, пруды, озера не стали притягивать к себе мальчишек, чтобы искупаться, посидеть с удочкой на берегу, переночевать у костра, встречая летние рассветы. Почему это произошло и происходит теперь, сейчас, не на какой-то соседней планете и даже не в соседнем государстве? Что может быть страшнее,

Олег КАПОРЕЙКО

Рис. Владимира Гавзина

МЕРТВАЯ ВОДА

когда рядом губятся река, пруд, озеро, и ты сам ничего не можешь сделать?

...Была у нас в детстве в летнюю жаркую пору любимая рыбалка — в забродку. Зайдя в реку Чусовую по пояс, мы выстаивали в воде с удочкой по целому дню. Не выходя на берег, складывали улов в майку, заправленную в трусы, здесь же держали баночку с наживкой, с червями. Прелесть такой необычной рыбалки, как вспоминаю сейчас, заключалась не только в удачном улове, но и во всем том, что окружало нас. Ясное, голубое небо, яркое солнце и прозрачная вода помогали подсмотреть потаенное, что творилось на дне реки. Вот она, небозливая речная мелочь, рядом: окунишки, чебачишки стучат своими посами, будто молоточками, в ноги, словно требуя корма. Кипешь хлебных крошек, набрасываются сразу. Рыба, что покрупнее, осторожная, держалась на расстоянии. Мы видели тяжелых окуней, плотву, темноспинных голавлей, стремительных щук. Когда крупная рыба приближалась к висевшему у самого дна аппетитному червяку, обо всем забывалось на свете.

Таинство подводной жизни, таинство ловли — вот они, рядом. А помогала подсмотреть все это чудо — прозрачная вода реки Чусовой.

Да, это были мы, тогдашние лацаны, появившиеся на свет за год, за два до начала войны и посившие все поголовно кирзовые сапоги, телогрейки и в школу, и на рыбалку. Каждый не раз мечтал непременно поймать крупного окуня, голавля, язя. И в поисках рыбацкого счастья мы коротали время у костра, слушая немолкающие всю ночь скрипы коростелей, крики перенелов, журавлей. Могли ли мы знать, что будет через десять, двадцать лет с природой, с речкой, где рыбачили в забродку...

И припомнился мне один далекий случай.

...Стояло лето, июль, пора полного цветения трав и теплой воды. Мы, ребята, как обычно, переделав все дела по дому, сшили рыбачить на Чусовую, туда, в криуль, к перекату, где стояли в омутах полосатые окуни. По дороге заглянули к Алексею Андриановичу Бедрину, бывалому охотнику. На сей раз дед поведал нам, что к нему в избушку заходили люди. Пили чай, и в разговоре выяснилось, что гости — изыскатели, и пришли они в эти края не случайно. Причина их появления одна: областному центру не хватает воды, а посему предполагается поднять уровень Волчихинского водохранилища у плотины на несколько метров.

Вспоминаю тот далекий разговор с Алексеем Андриановичем, думаю, как же все просто: изыскатели, подъем воды, кто-то сказал, кто-то сделал... Но только у нас, ребята, стоящих с удочками перед дедом, в тот момент что-то кольхнулось внутри. Мы не хотели верить, что с рекою что-то случится. Светило солнце, пели птицы, цвели травы, и бежала, шумела на перекате прозрачная вода. Не хотелось думать о том, верить, что поднимут уровень воды в Чусовой, и она разольется широким морем, спрятав не только спокойные омуты, перекаты, но и покосные заливные луга, черемушники. Исчезнут старицы с кувшинками. Навечно будут заброшены обиталища перенелов, коростелей, бекасов, соловья... Исчезнет избушка старика Андрияныча...

И все это случилось, позже, как и загрязнение самой реки... А пока в то время нам, ребята, таскающим из воды бойкую рыбенку, виделась бесконечность и таинственность жизни, глубокой, как рыбные омуты.

Пока мы жили, учились в школе, бегали в лес за ягодами, грибами, рыбачили, там, далеко, за горами и лесами, вставали по всему Уралу послевоенные заводы, фабрики, росли города, поселки. От подвигшихся новых корпусов заводов и фабрик уже побежали дружно промышленные стоки прямым путем в большие и малые реки, превращая их в сточные каналы, а живую воду — в мертвую. Близилось время, когда во всеуслышанье заговорят об экологической катастрофе. Ничего не поделаешь, рано или поздно рвется даже самый крепкий металлургический трос. Трос можно заменить. Но хрупкий мир природы не заменить, не срastить порванные нити.

Когда мы вспоминаем о воде? Когда хочется пить, сварить чай, уху, суп и, наконец, просто умыться.

И вот ее нет, этой живительной влаги. Ни глотка, ни капли, ни теплой, ни холодной, ни дождевой, ни речной. Но позвольте, скажет читатель, и будет прав: мы ведь живем не в пустыне, и даже не в степи! Живем — это верно — на Урале, где, вроде бы, всяких ключиков, речушек, упрятанных под пологом леса, не счесть. Но вот беда, бесчисленных ключиков и речушек становится все меньше. Водное богатство вместе с порубленным лесом отступает под натиском человека, которому все еще кажется, что он всемогущ.

...Зная, что там, за покосной поляпой, за стеной густого ивняка, знакомая с детства речушка, пробрался к ней. И что же? Шириной в два шага русло безымянной речки песчаное, сухое, плотное. Даже в бывших холодных омутах, где всегда развилась стайка гальянов,

пусто. Таков закон: вырубаются леса, под пологом которых укрываются речушки, уходит, исчезает вода, а следом улетает и жизнь. Страшно!

Не только я в тот жаркий летний день искал у знаковой речушки воду. Чуть раньше по пересохшему руслу прошел лось. Шел он, видно по следу, не торопясь, не напрямую, а проходя все те петли, что когда-то выписывала, делая русло, живая речка.

И что же? Воду и я, и зверь нашли, но ниже по течению теперь уже бывшей речки.

Лесные речушки... Сколько их, немеченых, незаметных даже на картах районного масштаба? Все до единой они — одно целое той большой воды, которая значится такими крупными реками, как Обь, Волга, Кама... И моя любовь — Чусовая.

Лесные речушки: Поповка, Медянка, Каменушка, Катылашка... Имена получили они от тех людей, что когда-то косили траву в их владениях, жили здесь, рыбачили, охотились.

Зачем думать, ломать голову, где устанавливать силосные ямы, емкости с аммиачной жидкостью, хранить удобрения. Главное, было бы удобно возить, складировать. Вст и подучается: там уронили мешок с удобрениями в речку, рядом с водой установили силосную яму. И не потому ли все продолжается из года в год, а результат: речушки гибнут.

А как же виновники? Отделяются легким испугом. И соревнуются хозяйственники, кто скорее, кто хитрее изведет не только землю, но и речушки, пичкают почву и растения пестицидами, гербицидами, инсектицидами. Этот набор высокотоксичных веществ продолжает сыпаться на поля. Не всегда они уничтожают вредителей, повышают урожайность, но всегда попадают в воду, в ту самую, который мы можем испить. От ядовитой воды гибнут насекомые, птицы, рыба, звери.

ЧП... Со шламохранилища Среднеуральского медеплавильного завода (г. Ревда) сделан сброс промышленных стоков в реку Чусовую, повлекший массовую гибель рыбы. Соответствующие природоохранные органы, подчитав урон, нанесенный природе, предъявили штраф заводу. Заметьте, не руководителю, а заводу. Директор СУМЗа, принимая, как должное, штрафные бумаги, не в первый раз заявляет:

— Мы — экологически опасное предприятие!

Со дня пуска СУМЗа (а прошло уже пятьдесят лет) до сей поры завод не имеет даже простейшего — очистных сооружений.

Всякий раз встречаясь с подобным, задаю себе мучительный вопрос: ни один из директоров не повинился сам перед погубленной речушкой, лесом, не начал немедленно ликвидировать последствия своего вмешательства в природу. Словно бы руководители не живут на этой земле, а лишь проводят на ней свой рабочий день, а потом улетают на соседнюю, чистую планету.

Да нет же! Все они дышат с нами одним и тем же воздухом, пьют ту же воду. И продолжают транжирить, разбазаривать природу. Теперь спохватились. Давай спасать Байкал, Волгу, Чусовую. Многие годы надвигалась на нас катастрофа, а мы словно не замечали ее.

Откуда в нас экологическое невежество?

Все идет из нашего детства. Только становясь старше, понимаешь это. Возникают в памяти картины прошлого. Первые походы в лес за грибами, ягодами, ночевка у костра, рыбалка в речке с чистой и звонкой водой, с усадами, что прятались под камнями. Школа... Перешагнули мы ее порог робкими и тихими. Ну, а дальше повезло немногим, тем, у кого были умные и талантливые учителя. Чаще же школьные годы ушли, как вода в песок. В чести были лишь те из учеников, кто зубрил: «Вода существует в трех состояниях, в твердом (лед), жидком и газообразном (пар). Вода содержится в почве, входит в состав живых организмов. Вода пресная и морская (соленая). Наша страна находится на первом месте в мире по объему водных ресурсов. Наше озеро Байкал содержит почти 20 процентов мирового запаса пресной воды».

Как сейчас вижу свой школьный кабинет, где мы занимались ботаникой, зоологией, анатомией. Вдоль стеллажей банки, в коих «покоились» заспиртованные гадюки, ужи, лягушки. От времени жидкость в банках сильно помутнела, а сами «пособия» изрядно выцвели и раздулись. Но самой главной достопримечательностью кабинета был стоящий в переднем углу скелет человека. Он менял свое место только перед уроками анатомии, в те дни дежурные осторожно выставляли его к доске, поближе к месту учителя. И вот ученики, отвечая урок, водили самым серьезным образом указкой по желтоватым позвонкам и ребрам... Как хотелось убежать с урока, из этого мертвого кабинета в одетый багрянцем лес, на берега Чусовой...

В мои школьные годы, помнится, предметы, связанные с изучением природы, считались как бы второстепенными. Если ученик по ботанике или зоологии имел тройку, ему никто не говорил: «Давай подтянись, исправь хотя бы на четверку!» Другое дело с математикой, с физикой, с химией... И мне кажется, что дело изменилось не намного. А ведь естественные науки, наряду с гуманитарными, должны закладывать в ребятишках основы нравственности, учить каждого школьника быть Человеком.

В той же школе нам ежедневно долбили, что мы — самая могучая и богатая страна. У нас самый чистый воздух и самая чистая вода. А в США, мол, существует водный кризис. Там четверть сточных вод сливается в реки без всякой очистки. Многие реки страны за океаном умерли.

Тем временем, когда мы хвалили свое житье-бытье, над тем, что у нас в то время называлось прекрасным, сгущались тучи. В начале пятидесятых годов появилось незнакомое слово «экология», что означает «наука о доме». А спустя десяток лет это слово уже стало ходить в одиночку, явились грозные сочетания: «экологическая обстановка», «экологический кризис», «экологическая катастрофа».

Но одно дело — призывы, а другое — осознание самим человеком своего места в природе, осознание того, что брать из ее кладовых можно ровно столько, сколько нужно для сохранения жизни. А иначе мы — варвары.

Когда я вижу весной в переполненном вагоне электрички шумную детвору с охапками первоцветов, с горечью вспоминаю и свое детство. После окончания очередного класса начальной школы наша молоденькая учительница водила нас в лес на природу. До одури бежали мы по лужайкам, еще не просохшим от снеговой воды, ловили кепкой бабочек, жуков, ломали охапками цветущую черемуку. Домой в поселок возвращались с добычей: почта у каждого в коробочке из-под спичек были бабочка или жук, а в руках тащили букеты подснежников, медуницы, ветки черемухи. Не долго после того гуляя по квартирам запах первоцветов, а из коробочек какое-то время слышался скребущий шорох пленников.

И вот идут годы, десятилетия, а в школах, по сути, ничего не меняется. Отношение у детей к природе то же. В школьных кабинетах естествознания видишь, как и прежде, тот же скелет человека, те же банки с гадюками, ужами, лягушками.

И одними наиданиями да зубрежкой бережное отношение к природе не воспитаешь. Нужны наглядные уроки. Взять бы учителю биологии да устроить прямо в лесу дружеский, умный разговор о воде, о цветах, о птицах.

Но, увы, не слышат его дети. И даже не потому, что учитель не хочет этого. Просто не умеет, как и его старшие наставники тоже не умели. Издалека это тянется. Бедные учителя, знания их крепко заклинились на школьном учебнике. Какой уж там разговор о воде, о птицах, о цветах! И мы продолжаем относиться к Земле, породившей нас, с тем же варварством, как и десять, двадцать лет назад.

Школьные сороковых-пятидесятых годов, отличники учебы! Конечно же, кто-то из них стал руководителем теперешнего завода, фабрики, совхоза. Не бывшие

ли отличники — руководители Нижнетагильского металлургического комбината, Среднеуральского медеплавильного и Полевского криолитового заводов, тех самых предприятий, что травят реки Тагилку и Чусовую?

Помнится, крылатой была фраза: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача!» Мое поколение, да и более старшие, росли, учились и жили под этим лозунгом. Выдвинул его И. В. Мичурин, селекционер с мировым именем, автор свыше 300 сортов плодоносящих культур, положивший начало продвижению их на север. Не думал, не гадал Иван Владимирович, что его слова возьмут на вооружение хозяйственники, от директора совхоза до министра. Проводить в жизнь мичуринский лозунг означало: строить плотины гидроэлектростанций, водохранилища, соединять реки каналами, поворачивать реки вспять, осушать болота, вырубать леса, самыми сильными ядами бороться с вредителями полей, удобрять посевы с воздуха, строить заводы, не учитывая экологическую обстановку.

И потекла по Земле мертвая вода...

По данным ЮНЕСКО, более миллиарда человек проживает в местах, где сильно затруднен доступ к источникам чистой воды. Да и нам, живущим не в пустыне, а на Урале, где всяких речушек и ключиков предостаточно, стоит крепко задуматься о воде. Не надо скрывать, беднеет год от года уральская земля, некогда владевшая несметными таежными богатствами, а вместе с ними уходит и вода. Когда вижу женщину, несущую воду с речки или из колодца, меня одолевает особое чувство, неведомое многим горожанам. Вот человек несет воду. Может быть, в баньку. Где на всю помывку уходит три-четыре ведра. А вот в наших городских квартирах таким количеством воды не обойтись, и тратим ее раз в десять больше... Почему мы так расточительны? Есть цены на уголь, на нефть, на рудные ископаемые. А если население вносит плату за воду, то лишь символическую. А вода, добытая трудом, принесенная из колодца, с речки, имеет более высокую цену, особенную. И люди стараются, чтобы не текла она беспечно. Восточная древняя пословица права: «Кувшин пресной воды стоит соленой реки». Только теперь надо добавить к ней, что сегодня уже двух соленых рек стоит кувшин. И цена этой живительной пресной влаги будет расти.

Немало пришлось мне ездить по стране, пить воду из Иртыша, Тобола, Оби, Бирюсы, Байкала, из доброй сотни малых рек, речушек и ключиков. Видеть, как вдоль сибирских сел, у каждого дома стоят бочки с привозной водой.

Запомнилось путешествие по Ледовитому океану на сухогрузе «Кузьма Минин». Морское судно — маленький островок в море. Вода здесь делится на питьевую и непитьевую. В рейс берется большой запас и той, и другой. Морская вода, соленая, не годится даже для охлаждения двигателя. Поэтому на судне есть опреснительная установка.

...Открываю кран — тонкая струйка. Подставляю ладонь: теплая, светлая, но абсолютно безвкусная вода. Не случайно отношение на судне к воде, взятой с берега, бережное.

Еще одна деталь. По приходу в порт Певек «Кузьма Минин» встал под разгрузку, дальше его путь лежал в Японию. Капитан запросил в порту для дозаправки 150 тонн воды, но получил отказ местных властей. Дескать, Певек сам сидит на лимите, получая воду по трубам из далеких тундровых озер. «Кузьме Минину», конечно, дали воду, но после того, как была отбита телеграмма в Министерство морского флота.

...Твердая насыпная дорога, словно прошив линию увала, выбегает на широкую просеку.

— Приехали! — С этими словами Геннадий Борискин, старший научный сотрудник института охоты, включает двигатель «Урала». Мотоцикл, прокатившись по инерции несколько метров, мягко упирается передними колесами в бетонный бруствер. И разом в тиши-

ну осеннего утра врываются звуки шума воды, похожие на весенние, в пору половодья. Смотрим на бетонный оголовок, откуда рвется клокочущий водяной поток.

Поверьте, нечасто приходится видеть такое, да еще брать воду сразу из двух рек. Можно черпать кружкой хоть уфимскую, хоть чусовскую воду. Обе реки настолько оказались близки друг к другу, что, стоя на одном месте, можно свободно дотянуться рукой до любой из них.

Пробую вначале воду Чусовой. Она холодная, напоминает родниковую, потому что берет свое начало совсем недалеко от водовода из маленького, чудом сохранившегося от массовых порубок ельника.

Вода же реки Уфы, пригнанная мощными насосами за многие километры по трубам диаметром в полтора метра, не так холодна, да и вкус не тот, отдает ржавчиной. Но, вырвавшись из стального плена на волю, спешит освежиться, насытиться кислородом, смешаться с водами уральской реки.

Далеко слышен их шум. Большая сила несет, спешит по руслу-каналу вниз, чтобы пополнить запасы Верхне-Макаровского водохранилища.

Кто знает, может быть, и не потребовалось бы помощи Чусовой от реки Уфы в тот засушливый 1974 год, не обруби человек верховья реки и ее многочисленные притоки.

Да только ли одна Чусовая, призванная самой природой нести людям воду, страдает? Такая же участь постигает и другие реки Урала. Только мы, люди, допустившие это, лишь спустя время спохватимся, но будет поздно. И тут только доходит до нас, что сохранить было бы проще и легче, чем теперь восстановить...

Бежит время, меняется все вокруг, но не всегда к лучшему. Вместо обычного конного плуга гудят на полях тракторы, тянут за собой девять мощных лемехов. Везут многотонные грузовики разную химию на поля. Летят над полями самолеты, нагруженные химикатами, и стелется за стальными «птицами» широкий пыльный шлейф, ложится серым туманом на землю яд, после которого не только гибнут те вредители, которым он предназначен, но перестают кричать переносы, гибнет в речках рыба.

Все выше за облака забирается человек, и вот уже крутятся вокруг матушки Земли тысячи спутников.

Давайте же, люди, спустимся с космических высот на нашу и без того многострадальную землю. Зачем тратить миллиарды, лететь к безжизненным планетам? А у нас она, жизнь, рядом, за окном, в палисаднике, за городом, за поселком. Здесь, а не на других далеких планетах, все прелести: ягоды, травы, грибы, деревья, воздух, вода. И на Земле дел непереворот. Все больше становится безжизненных речек и речушек. Если крупные реки еще стоят на своем, сопротивляются, то наша знакомая Чусовая год за годом мертвеет. И умерла бы давно, если бы не те труженики, что зовутся малыми реками, разбавляют в ней промышленные стоки СУМЗа, хромикового, криолитового заводов...

Нам, доверенным мальчишкам, повезло: мы видели Чусовую чистой, прозрачной, рыбную. Не потому ли меня, как и моих сверстников, преследует ностальгия по этой реке.

Закрою глаза и вижу Чусовую: несет она свои воды среди густого черемушника, ивняка, цветастых лугов. А мы, пацаны, стоим по пояс в ее воде у речного переката с удочками. И через ушедшие десятилетия не только чувствую, но и слышу, как стучат по погам, будто молоточками, носами пескари. И из темного омута, что у переката, выскочит, перевернувшись белым брюхом к солнцу, голавль, оставив после себя круги на чистой прозрачной воде...

Леонид НЕЧАЕВ

Рис. Николая Мооса

НЕЩЕЧКО

Повесть

Приемыш

1

Когда под окошком снова шоркнуло, Иван привстал и потянулся за висевшим на стене ружьем. Вот уже третий раз он просыпается от непонятного звука.

На этот раз он не будет красться к окошку, чтобы высмотреть незваного гостя. Уже дважды смотрел и ничего не высмотрел; теперь выйдет из избы и разберется, наконец, кто и с чем пожаловал.

Иван шагнул в сени. Не только порожек, но и низ дверного полотна давно врос в землю; ход был только через кровлю. Иван — мужик пятидесяти лет — ловко поднялся по приставной лестнице на чердак и выбрался через лаз наружу. Свес замшелой драчливой крыши упирался одним углом в самую землю. Тихо ступая босыми ногами по крыше, Иван спустился на землю и, держа ружье наперевес, обошел избу.

Никого.

Обошел он также пустой амбар с распахнутой дверью, баньку.

Майская ночь бела, как день: кабы роса — по следу распознал бы, кто наведывался; да май еще росы не распустил.

— Известное дело, зачем приходил, — угрюмо произнес Иван, обводя взглядом неподвижный лес вокруг нежилой деревушки.

Высокий, костистый, поджарый, стоял он, вслушиваясь в тишину, пока не зазябли ноги.

Вернулся в избу через ту же «дверь» в кровле; подумал, что не мешало бы прикрыть лаз дощатым щитом. Продернул бы в щит веревку кольцом, вдел бы в кольцо жердинку-закрутку — вот тебе и дверь с запором.

Лег досыпать; заснуть, однако, не мог — все ждал шорканья по стенам и оконницам. «Теперь держи ухо востро, — думал в полудреме. — Теперь — кто кого...» Иван провел рукой по бедру, нащупал рубец. Лесная жизнь — серьезная. Нынешней зимой приходили в деревню кабаны, рыли пустые огороды. Видать, вспомнили, как когда-то кормились тут, когда деревня была жилая. Нагло кормились — не прогнать было. Обычно зверь понимает, что берет не свое. Разумение ли, страх ли заставляет вора бежать при одном лишь появлении хозяина огорода, кабаны же рыли картошку, не обращая внимания на крики баб, а один из них даже напал на старуху Ульяну и откусил ей палец на руке. С тех пор бабы ходили на разбойников не иначе, как с вилами. Вот и этой зимой голодные, прожорливые гости пожаловали на чужое. Услышав отчаянный лай Дуксана, Иван выскочил с ружьем на крышу. Собака взახлеб лаяла на стадо кабанов, бежавших цепочкой через поляну к огородам. Увидев Ивана, Дуксан кинулся на передового, матерого кабана. Схватка была короткой. Секач рылом вздел собаку под брюхо — и она кувыркнулась в воздухе. Едва Дуксан коснулся земли, как секач полоснул его по шее кльком. Иван бросился к месту схватки. Не добегая шагов десяти, вскинул ружье — оно дало осечку. Иван едва увернулся от устремившегося на него кабана — тот распорол, однако, Ивану бедро. Иван оступися в глу-

бокий снег, упал; клыкач мгновенно развернулся для нового захода, но грохнул выстрел — и кабан ткнулся в снег... Благо, патрон был снаряжен не дробью, а пулей. Стадо умчалось в лес, а Дуксан остался неподвижен на взрытом окровавленном снегу. Иван оттащил собаку под брединовый куст, чтобы вернуться сюда с заступом и ломом и закопать ее здесь. Тушу кабана взвалил на плечи и понес в избу. Кабаний рез оказался глубок и болезнен. Иван едва добрался до постели. Ночью рана разгорелась. Он сбивал жар настоем осиновых почек с корой, пил отвар завязной травы. Благо, досталась свежая кабанина... Тушу он оставил в сенях, на морозе. На таком запасе можно выходить в несколько дней. Как встанет, первым делом зарезет под брединовым кустом Дуксана. Если... будет что хоронить... Догадка подтвердилась: выбравшись наконец из избы и доковыляв до места схватки, он обнаружил там чисто обглоданные собачьи кости и лохмотья шкуры. По следам прочитал: пиروвал волк. Волк подходил и к самой избе. Почуял человеческую кровь и проследил, куда ушел раненый человек. Волк умен и безжалостен: почует по следу раненого или больного и — доберет.

...Вспоминая зимний набег кабанов и наведывание волка, Иван весь был на слуху, готовый вскочить при первом же подозрительном звуке. «Всяк норовит друг друга слопать... Что ж, посмотрим!» — думал он. Что волк, что кабан — зверь грозный; да только не боялся Иван ни того ни другого; мог и с ножом против сильного зверя встать. Если бы ружье второй раз дало осечку, он успел бы встретить кабана ударом ножа. Он любил схватки на равных, кость на кость, и, кажется, с самим медведем схватился бы, так как был необыкновенно силен, жилист и изворотлив. В молодости, во время солдатской службы, поднимал до колен железнодорожный рельс, в то время как другие не могли этого сделать даже вдесятером. Силы ничуть не убыло и к пятидесяти годам.

— Посмотрим, кто кого, — бормотал Иван, ворочаясь на кочковатом тюфяке. Он обращался к тому, кто обнюхивал ночью избу. Почему-то он думал, что это был волк.

Про волка он понимал так. Волк, известное дело, брюхо не травой набивает, но винить его не за что: он таков не по злоупотреблению, а по природе своей. Он исполняет закон своей жизни — и в том его

оправдание. Страшна волчья правда — корову заесть, овцу зарезать, зайца задушить, человека загрызть — да другой у него нет. Совести у волка не спрашивай, ее у него нет как нет — есть только голод и хищная сила. Ну, да в лесу звери не совестью меряются. Они свою правду правят, каждый по естеству своему. Лиса сильнее и хитрее тетерки, цапнет — одни перышки да косточки останутся. Вроде несправедливо. А у тетерки — крылья, чего у лисы нет; тетерка — фыр-р! — и лиса без обеда. Тоже не хорошо. Там — сила и хитрость, тут — крылья, вот и выходит какая-никакая справедливость. У кабана клык — у человека нож или пуля. У медведя могут — у человека ум.

Так Иван в мыслях своих выравнивал слабое и сильное.

В войну и после нее, мальчишкой, он знавал много охот. Охотился и по зверю, и по перу. Свое охотничье житье считал делом честным и справедливым. Чем звери между собой меряются, тем и он с ними мерялся. Был он горазд тягаться со зверями в беге, в выносливости, в силе и смелости. В лесу водилась еще и хитрость, но он по прямоте своей хитреть не любил. Не ставил капканов, ожимов, подрезей, не раскидывал петель, не рыл ловчих ям, не настораживал ружей и луков, даже не выкуривал лис из нор, почитая все это за недостойную хитрость, а только лишь выслеживал и гнал зверя, бил из ружья и добывал, если требовалось, ножом.

Вольно было лесоватъ.

Ныне охота другая, ныне охотничье дело в большой строгости. Все звери и птицы, как говорит егерь Петр Филиппыч, сосчитаны, и число их сохраняется.

Недолюбливал Иван тех, что ездили на охоту партиями на машинах или прилетали на самолетах и вертолетах. Те брали с собой палатки, спальные мешки, примус, большие запасы продовольствия; брали подробные карты местности, компасы, бинокли. Волкобоев, что били волков с самолета, Иван не уважал. А лосятников, которые с вертолетов отстреливали сохатых по осени, когда опали листья и лосям было не спрятаться и, конечно же, не убежать, он не знал, как и бранить, только грозил им, неизвестно откуда налетевшим, кулаком: «На танках бы еще ездили!..»

Лосятники прилетали для баловства. Они брали только лишь лопастистые рога — видать, для похвальбы, а туши быков — по полтыщи килограммов — бросали не трогая.

Иван же в молодые годы всегда ходил один. Никаких нагонов, «подков», «котлов» не признавал — только один на один. Консервов и других съестных припасов с собой не брал, разве что два-три сухаря прихватит. В те времена и брать-то с собой было нечего. Что добудешь, то и съешь. Добывал не много и не мало — по потребности. Охотой кормился. А как после войны наладилась жизнь, так стал обходиться без охоты. Картошки запасет, круп разных накупит — жить можно...

Ну, а убитый нынешней зимой секач — это не охота, это самозащита...

Иван уже и лежать устал; сел на кровати, прислонясь спиной к стене. Сидит, серого гостя ждет, о лесной жизни думает.

В лесу царил вековечный порядок. У каждого зверя свой лаз. У лисы своя любимая тропа, у волка своя, у зайца своя. Гадюка всегда ползет известной

своей дорогой. Кабаны валяются в известных своих лужах. Бобр мегит запахом свое место. Медведь тоже; да еще оставляет на деревьях закусы — всячески свои владения обозначает. И волки знают свои границы, свои волчьи области, для чужих стай не входные. Добычу свою, которую не сожрали, и то метят — что волк, что медведь. В берлогу, где спит ревякин, другой зверь не суйся. Порядок этот установлен самой природой. Порядок порой нарушался. Но все равно его выравнивали — кто как мог. Если медведь, устранивая берлогу, почует поблизости чужой дух, он уйдет и облюбует другое место, еще более глухое и безопасное, где он будет чувствовать себя единовластным хозяином. Если ты ступишь на земный лаз, змея укусит тебя по своему праву. Попустит человек зверю — он станет на удивление дерзок; пристрожит — зверь станет опаслив.

В Выползихе хозяин — Иван. Серый гость знал это. Знал — а лез. Помнил кровь Иванову.

Дивно было то, что время не голодное, а он идет на крайность. Должно, возомнил себя могущественнее человека. Нанюхался крови человеческой, назнался в безлюдном лесу воли и безнаказанности — вот и поддался своей разбойничьей блажи... Давно было, лет двадцать тому назад, а может, и больше, в самое перволетье ушли с Мокрой Поляны две лошади, Белка и Хромец; недели две паслись в лесу; нашел их Иван на далеком заболотье в ягоднике — обеих насмерть загрызли волки, но ни от одной не оторвали ни куска. Старики рассудили, что это они про запас загрызли, а Иван считал, что по блажи. Находит, видать, и на них блажь.

Как бы то ни было, Иван готов встретиться с волком и в схватке силой восстановить порядок. Прочул кабанов, когда защищал Дуксана, прочит и других.

Гость больше не давал о себе знать; Иван, однако, ждал: до рассвета время волчье.

Сидел, вспоминал, как год назад, весной, последние жители деревушки, Панафидины, перебирались на центральную усадьбу. Долго раздумывали Лука да Лукерья, говорили, куда нам, старикам, с места сниматься, тут родина, тут наши пуповины зарыты, тут родительские косточки в земле!.. А все же решились. Мертвые спят, а живым надо жить. В селе Алексеевском купили они избу за восемьсот рублей. Село большое — там и магазин, и аптека, и больница, и почта... Покидали Выползиху, деревнюшку свою, в апреле по снегу — зима была протяжливая, снег долго не сходил; только на больших ручных санках и можно было вывезти имущество — во всякое другое время, кроме предзимья, когда бесснежную землю сковывал мороз, от Выползихи до хорошей лесной дороги брели по воде в сапогах-болотниках. В иную пору в сторону Алексеевского и вовсе не пройдешь. Не зря в Выползихе говорились; у нас сухо — по самое ухо. Иван помогал старикам, грузил, впрягался в санки... До дороги было добрых тридцать километров — там их ждали сани с лошадью. Оттуда до выезда из лесу еще километров двадцать, да полем до усадьбы километров пять. Переехали Панафидины, обжились, вскопали и засеяли огород; а Иван остался в Выползихе один-одинешенек.

Вырастал он сиротой, был нелюдим; так и живет

бобылем. «Ничего,— утешал он себя,— живи неужи, умрешь — не убыток». С малых лет ходил в пастухах, охотился. Последние лет пятнадцать работал на стороне, далеко от Выползиhi в лесах за Сонжей-рекой, лес ронил, как говорили старики, а по-нынешнему — на лесоповале. Точнее говоря, он работал сучкорубом — обрубал топором сучья с поваленного леса. Там и жил в бараке, считаясь одновременно и за сторожа. Отпуск, бывало, тоже проводил в бараке; Выползиxu, однако, не забывал, навевдывался. Панафидины звали его с собой в Алексеевское, говоря, что в Алексеевском жизнь будет надежнее, чем где-то там во времянке или в обезлюдившей деревушке; но Иван так привык к своему житью-бытью, что и помыслить не мог о каких-либо переменах. А перемены случались в начале минувшей зимы: лесоразработку за Сонжей закрыли... Куда было деться Ивану? Податься невесть куда с рабочими леспромхоза? Но, во-первых, жизнь клонилась к старости, а, во-вторых, не хотел он совсем отрыватья от родных мест. Самая статья была перебраться вслед за Панафидиными в Алексеевское. Хотя и страшно-вато было выходить из лесу в большое село, в непривычное житье, а деться некуда. Алексеевское все же близко к лесу, к родным сонжинским просторам; да и дед Лука с бабкой Лукерьей — свои, словно как родные... Получив расчет в леспромхозе, Иван посетил заходом Алексеевское. Там узнал, что на-против Панафидиных, через прогон, продается по дешевой цене избенка о двух оконцах по переднему фасаду. Старенькая, но если по тесу покрыть крышу толем или шифером, на Иванов век хватит. Продают ее за триста рублей. Этой весной хозяева переезжают в город; договорились с Иваном так: он явится в Алексеевское весной, по снегу, уже с вещами, которые могут поместиться в рюкзаке и на ручных санках; стол, стулья, кровать с тюфяком, поставец они бесплатно оставляют Ивану. Оставляют также заступ, пилу, топор, вилы, грабли... И даже кое-что из посуды. Но ждать они могут только до конца марта — начала апреля. Крайний срок — середина мая. Не придет Иван к сроку — у них в момент купят сруб на баню. На том и порешили...

Зимовал Иван в Выползихе. «Что ж,— думал,— распрощаюсь, как следует, с лесом, с Мокрой Поляной, с Выползихой... А весной тронусь в Алексеевское, как раз примусь за свое пастушье дело».

Да повернулся этот секач. Столько бед навотворил. Дуксану горло прокусил, отчего тот сразу и захлебнулся кровью. Ивану бедро распахал... Рассчитывал Иван выходиться в несколько суток, а провалялся недели две; потом еще столько же передвигался с клюкой. Выходился к самой ростепели. Заиграли ручьи, разлилась поляя вода — до Алексеевского стало не пройти.

Еще на лесоразработке Иван запасся сухарями, консервами, крупами, солью, кусковым сахаром, чаем. Едва ли не месяц держался на кабанине. Однако запасы подъял и теперь, дожидаясь, когда болота станут проходными, надеялся на клюкву-вешницу, прошлогоднюю же бруснику и кое-какие съедомые остатки, найденные в сельнике: с полведра овса, несколько горстей сушеной малины в марлевом мешочке, низку сушеных грибов. Рассчитывал и на рыбу, которой тут было нескудно. Если же вода, как это не раз бывало, отрезала Выползиxu до самого лета, думал он, то как бы не пришлось снова братья

за ружье. Оно хоть и давало осечки, но било метко и наповал. Был у Ивана с особом сундучке запасец пороха, дробы, картечи, пуль, гильз с пистонами, оставалось еще ружейное масло в масленке, хранились куски свинца, пыжи, шомпол, ершник и все такое прочее...

Неладно вышло с секачом, за которого придется держать ответ перед егерем Петром Филиппычем; а тут, чего доброго, голод еще не раз пальнуть заставит. Оно хоть и по крайней необходимости, а все же...

Лучше поскорее уйти в Алексеевское, хотя бы и по пояс в воде.

2

Так и не уснул Иван в ту ночь. Встал до солнца: побрился опасной бритвой, глядясь в поставленное на подоконник карманное круглое зеркальце. Зеркальце, наклеенное на картонный кружок, продавлено, треснуто, но бриться видно.

Глубоко посаженные большие серые глаза Ивана смотрели из-под белесоватых бровей серьезно и спросливо. Нос у него невелик, с чуть вздернутым кончиком, словно как с переломом там, где кончается хребтик; подбородок подан вперед; нижняя губа подвыпячена и прикрывает собой верхнюю, отчего лицо имеет свирепый вид.

Пену Иван взбивал помазком экономно — мыло кончалось. Умылся во дворе, поливая на шею и на лицо из глиняного рукомоя с носиком. Черпал из колодца, дотягиваясь рукомоем до высокой мутноватой воды.

Позавтракал, отщипывая кусочки вареной холодной щуки, разлегшейся на полметра поперек стола. Щуку эту он давно приметил в проточине между двумя озерками; только в проточине она и ходила, как боров в хлеву. Иван приберегал ее до поры — и вот вчера выдернул на живца.

Обулся в сапоги-болотники — решил прощупать тропинку на Алексеевское. Выходя, замешкался, глянул на ружье. Ружье, однако, не взял.

Выбравшись из избы, мерным широким шагом пересек огорода. На краю поляны остановился, оглянулся.

Выползиха и впрямь будто выползла из черного леса на лиха — открытое серое место, называвшееся Мокрой Поляной, и, кажется, при случае готова была тотчас юркнуть назад в ольховую чашу, в осины да березы, в елки, в мох. Так она и держалась за лес, в то же время недоверчиво приглядываясь к польцу, к непривычно открытому, светлому пространству, окруженному лесом.

Все избы в Выползихе, кроме Ивановой, жались друг к дружке, словно так им было теплее; Иванова же изба стояла чуть поодаль — прадед, срубивший избу, любил жить на особицу.

Поляна в самом деле была мокрая: из-за сырости грунта изба Иванова глубоко села, а особенно один угол, так что вся изба скособочилась и стала похожа на сторбившуюся старушку, про которую говорят, что ее уже к земле тянет. И окна, и ободверину перекосило, как лицо, разбитое параличом. Каждый день избушка на маковое зернышко уходила в землю. Ее бы подожать, да врыть под угол пень, да подвести новые нижние венцы — и живи еще хоть пятьдесят лет; только жить Ивану в отцовской-материнской

старине считанные дни... Избушка вращалась в землю, но глядела на белый свет не столько с печалью, сколько с лаской.

Так же умиротворенно вращался в землю амбар и маленькая, точно игрушечная, банька. Все строеньица, когда-то новенькие, светлые, звонкие, посерели и ссутулились. Доживая свой век, они подслеповато приглядывались к чередованию света, сумерек и темноты на поляне, и, казалось, чередование это не было для них однообразным и скучным, а как раз было всегда занятным и дивным. Они прислушивались то к шуму ветра в вершинах деревьев, то к тишине, когда в лесу не лопотал ни один листочек; и при этом амбар с распахнутой дверью походил на старорого глуховатого человека, который, прислушиваясь, приоткрывает рот.

У Ивана руки свербели поправить избу и ухужи — амбар да баньку, у которых выпуски бревен по углам отгнили; да зачем теперь это?

Насмотревшись на Выползиху, на родное гнездо, Иван повернулся, чуть ссутулился и ступил в чащу. В лесу он ходил беспшумно, как месяц. Его никто не слышал — он слышал всех.

Проходя через орешник, замер, услышав позади себя шорох. Резко повернувшись на звук, выхватил из чехла нож. Свиристая губа его растянулась в улыбке: под кустом сидел медвежонок. Февральский, месяцев трех от роду.

Иван огляделся. Надо было уходить, и как можно скорее. С медведицей, выведшей медвежат из берлоги, шутки плохи.

Матки, однако, поблизости не было. Вестимо, не было — иначе она давно учуяла бы человека и примчалась бы спасать своего детеныша. Тут Ивану было бы не сдобровать... Однажды в разъяренную медведицу, бросившуюся спасать медвежат, всадили дюжину пуль — и не только не уложили ее, но даже и не сдержали. Она настигла одного охотника — тот отскочил за толстую ель, но медведица ударом лапы размозжила ему голову о еловый ствол. Другой, бросив ружье, вскарбакался на осину и только топором свалил преследовавшую его матку... А старики рассказывали и про то, как matka с пулей в сердце догнала охотника и свернула ему голову...

Медвежонок лег в жухлую траву и пополз. Он «охотился». Не доползши шага три до человека, приняв мордой к земле и замер, несводя с человека маленьких глазок.

— Ну и чего? — спросил Иван.

Мишка повел носом. Хватил человеческого духу, фыркнул.

Глазки у медвежонка спросивые, как у Ивана.

— Ишь, выставил черничинки, — сказал Иван, подходя к медвежонку. Присел, провел рукой по спине: медвежонок весь мокрый, точно в лужу мочаный.

— Да ты не полошливый. Молодец.

Разговаривая с мишкой, озирался: неровен час, того и гляди мать объявится.

— Ну, добро. Я пошел, а ты матуху ищи.

Иван поднялся — медвежонок тоже. Иван пошел — медвежонок за ним. Остановившись, Иван уставился на непрошеного спутника. Тот ходил вокруг его ног, нюхал сапоги. Потом обхватил Иванову ногу, приткнулся к ней мордой.

— Послушай... — промолвил Иван, — а ведь это ты ночью приходил... Ей-богу, ты! — осклабился Иван. — А я на волка грешил. Ну, дела-а...

Медвежонок тормозил Иванову ногу, будто звал: пойдём же!

Надо было куда-то идти. Но не идти же с мишкой в болото, где воды выше колен! Значит, разведка пути на Алексеевское откладывается...

— Ну, пойдём, что ли...

Иван двинулся в сторону Выползихи — медвежонок пошел рядом, поглядывая на ноги Ивана и принаравливаясь к его шагам. Иван шел и, переводя взгляд на медвежонка, хмурился: что с ним делать?.. Тот знай приторавливался за Иваном.

Пересекли поляну, подошли к избе.

— Здесь мое жило, — показал Иван на избу. — Это тебе уже известно. А вон там — твоя коттеджия, — повел он рукой на амбар. — Живи пока, а я пошщу твою матку. Не знаю только, как буду тебя подбрасывать к ней — заломает она меня...

Он завел медвежонка в амбар — тот стал с любопытством обнюхивать полы, стены. Иван оставил его там, а сам полез в избу. В сельнике хранилось лукошко клюквы. Не успел он отсыпать клюквы, чтобы отнести миску медвежонку, как тот сам явился в сельник.

— Ого! Шустер ты, брат... На вот, набивай мамон, — протянул Иван миску.

Медвежонок сел на пол и набросился на ягоды. Иван тоже сел на пол и стал смотреть на медвежонка.

— Оголодал, топтыжка...

Очистив тарелку, медвежонок пошел обнюхивать рухлядь: плетеный лыковый шкафчик, полоски войлока для подхомутьев и стоящую на них пустую корчагу, составленные в углу рубель для катки белья, железную сапожную ногу, плотницкое тесло. Сунул морду в деревянную шаечку-одноух, когда-то использовавшуюся для дойки.

— Что, молочка захотелось? Принес бы я тебе молочка — да коровка далеко.

Медвежонок уселся напротив Ивана, глядя на него диковатыми глазками.

— Тут вот какое дело, — объяснял Иван. — Я ведь тоже живу, почитай, звериным обычаем: что в рот, то и глот. Ни огорода посаженного, ни скотины в хлеву, ни даже курицы... А кругом лес. А за лесом — поле. Там деревни, города, людей много, машин... А я — один, родного ни одного. Тяжело одному, да я применивши.

Медвежонок слушал внимательно. Иван вздохнул:

— Хлебца бы — полакомиться. Нет на свете ничего вкуснее хлеба... Да еще очень вкусны ржаные пироги с горохом.

Усмехнувшись, укорил себя:

— Глупый я человек — о пирогах размечтался, когда и сухарик в честь...

Помолчав с минуту, пожаловался:

— Таково, брат, проклятие нашей жизни — каждый день думать, чем голодный мамон набивать...

Медвежонок лег, опустил морду на лапы — точь-в-точь Дуксан.

— Эх, мишка, хороший был у меня Дуксан! Гнал и по зайцу, и по волку. Страху не знал — потому и погиб. За меня, бывало, хоть к черту на рога. Вышел я нынче зимой на поляну — присмотреть по краю березки на топориче. Старое топориче сломалось, и я вышел с поперечной одноручной пилой. Гляжу — волк на меня летит, то ли бешеный, то ли с голоду отчаянный. Деваться некуда — стою дубом, пилу обе-

ими руками держу, зубьями вперед выставя. Думаю, авось пилы устроятся. А он не устрашается, знай прет на меня. Глаз у него не в пример вашему, медвежьему, зорок. Видит, что не с ружьем я. Он это очень понимает. С ружьем ты — он от тебя, да на махах, да в чашу напролом, как полоумный. Без ружья ты — он на тебя. Таков этот зверь труслив и дерзок... Тут Дуксан выскочил, сшибся с ним. Волк едва ноги унес... Да... С приметой волк. По хребту, как полагается, полоска темная, сам серый, но вроде как с рыжинкой... Тоже одна проклятая забота — набить утробу...

Иван замолчал; медвежонок встал, беспокойно заходил по сельнику, снова остановился против Ивана.

— Ну, ладно, — стал подниматься Иван, — пойду искать твою матуху. А тебя, пожалуй, посажу-таки в амбар. Для сохранности.

От поля, от села Алексеевского шел массив чернолесья с болотами, мхами, озерами, протоками и ручьями — здесь и затерялась Выползиха; дальше лес незаметно, полого поднимался вверх по течению реки Сонжи; угрюмое низковатое чернолесье перебивали гривки со сквозистыми рядами сосен; самые гонкие сосны торжественно возвышались на крутой каменной гряде, называвшейся Красной релью, откуда открывался вид обширного пространства, которое по величественности его с почтением именовали сонжинской тайгой. Самая высокая в гряде гора отвесно обрывалась над Сонжей, будто половину ее отрезало и унесло рекой.

Нелегкое дело найти в такой местности медведицу. Иван рассуждал так: если медведица забрела с детенышами с Красной рели, то, видимо, на бо-

лотный корм; если же она здешняя, то ей не стать уходить в голодном апреле и мае с болота, с доступных рыбных мест на верх. Если она жива, то должна быть где-то здесь, поблизости, так как в одну сторону — ныне бескормная гряда, в другую — непроходимые разливы, в третью — Сонжа, за которой по левобережью лежит топкое болото, в четвертую — тоже гиблое болото с окнами. Из берлоги она вылезла с малышами недели три тому назад. Самое верное, что кормились они на болоте неподалеку от Мокрой Поляны, где много клюквы-вешницы.

Обошел Иван водопойные места, высматривая, не намяла ли медведица тропу, осмотрел болото близ Мокрой Поляны, забрел даже до самых гривок, где был рубеж черного и красного леса — и нигде не нашел ее следов. Идя по рубежу, а затем возвращаясь вдоль берега Сонжи, особенно пристально разглядывал ели с гладкими стволами. С детства знал, что здесь у медведей были особые ели, о которые они весной чесались, оставляя на коре клочья зимнего волоса и следы когтей и клыков. Старики говорили, что медведи, облюбовавши добрую ель, ставили об нее отросшие за зиму когти, которые бывали изрядно длинны — иной коготь мужик в кулаке весь не упрячет. Егерь, Петр Филиппыч, объяснил по-другому: они-де свой участок в лесу метят, иначе зачем бы им ходить чесаться об одни и те же деревья в такую даль, вдоль гривок, да вдоль берега, да вдоль Мокрой Поляны — чесались бы об те деревья, что поближе... Поческов, свежих цапапин на старых чесальных деревьях Иван, однако, не обнаружил. Искал следы по грязи, но все напрасно. К вечеру нашел в ельнике разоренный муравейник. Здесь медведица устраивала лежку. Иван опасно обходил-осматривал ельник. Надо было убедиться в том,

что она поблизости, и при этом не выдать себя. Он то и дело оглядывался, хотя понимал, что если медведица здесь, от нее не схорониться. Чутье у них необыкновенное. Мужики, бывало, в лабазе сидя, комара на себе раздавить не смели — медведь учует. На слух Иван не полагался: медведя не только по хвостной подстилке не услышишь — этот зверь по валежнику проходит без треска, без шороха...

Иван пошел на поиск с ружьем, хотя не знал, как поступит при встрече с медведицей, если та нападет на него. Выстрелить в воздух? Но это только раздражит ее, и она с яростью бросится на него. Ранить? Но никто так не крепок на рану, как медведи; рана только подхлестнет ее. Убить верным выстрелом в голову или в сердце? Нельзя — не для того искал... И убежать не убежишь. И бросить дело не бросишь — в Выползихе медвежонок ждет.

«Вот попал так попал», — мысленно приговаривал Иван, крадучись вокруг ельника.

Не найдя в ельнике ни медведицы, ни каких-либо других следов, которые подтвердили бы, что она обитает здесь, Иван двинулся вниз к Выползихе. И хотя набродился за день до усталости, решил заодно разведать путь на Алексеевское. Не сворачивая к Мокрой Поляне, вышел на алексеевский лес. Ноги в кирзовых сапогах сегодня уже не раз промокали и высыхали, и вот в сапогах снова захлюпала вода. Лес еще стоял в воде, но вода спадала. Пожалуй, в болотниках с поднятыми отворотами завтра-послезавтра можно будет пройти...

Возвращаясь домой, он прибавлял шаг: в амбаре сидит голодный медвежонок...

Медвежонок скребся в дверь и не то побряхтывал, не то постанывал. Иван ногой отбил подпиравшее дверь полено — дверь со скрипом отворилась.

— Ну, барабошишь?

«Черничинки» грустно смотрела на Ивана.

— Ни с чем я...

Медвежонок ткнулся носом в Иванов сапог и, повеселев, неуклюже побежал к избе. Иван забрался в избу уже вслед за ним и нашел его в селянике. Лукошко было опрокинуто — мишка, сопя, подъедал рассыпанные на полу клюковинки.

— Вьелся в мой корм? Ну, ну. Гляди, не больно привыкай — мои сусеки пусты.

Иван устало сел на пол, привалился спиной к стене. Ему доставляло удовольствие наблюдать, как медвежонок ест. Иван собрал в ладонь несколько укотившихся ягод и протянул их медвежонку. Тот подбирал их, щекоча ладонь прикосновениями носа и нежного язычка. Наевшись, медвежонок обхватил Иванову ногу в сапоге и, похоже, стал бороться.

— Ого! — осклабился Иван. — Сурьезный мужик, борец...

Медвежонок боролся с его ногой, а он рассказывал:

— Я, брат, тоже одна в борцах оказался... Служил я срочную солдатскую службу, а в ту пору мастер спорта по борьбе набирал в частях солдат-борцов на соревнования между округами. Ребята возьми и вытолкни меня к нему. Да... Тот про ряд спрашивает, а у меня разряда-то и нету. «Тогда и разговорю быть не может, — говорит, — потому как приемов не знаешь». Тут ребята обступили нас, раззадоривают: а вы-де проверьте друг друга в деле!..

Ну, встали мы в круге. Как обхватил я его — у него и кости затрещали. Не трепыхнется, не продыхнет. «Чего дальше-то делать?» — спрашиваю я у него. А он молчит, глаза на меня пучит. Слышу, ребята кричат: «На лопатки кидай!» Я и оторвал его от земли, ровно столб из ямы выдернул, да бросил тут же. А он как вскочит — и ко мне с обидой: «Медведь! Приемов не знаешь...» Так и не взял меня на соревнования, а сам, говорят, чемпионом стал. Ну да мне было все равно. Я и схватился-то с ним по просьбе, а не по своей охоте... С тех пор меня, однако, медведем прозвали. Да... Вот так-то... Стало быть, мы с тобой родня: ты медведь и я медведь, — усмехнулся Иван.

Мишка не отпускал его ногу. Потом обхватил руку и стал лизать ее. Иван поднялся.

— Все-то ты возле меня лабзился... Ладно уж, оставляю тебя ночевать в избе.

Он постелил медвежонку на полу рваную мешковину; сам съел кусок щуки и лег на кровать, сняв только сапоги.

«А что если и завтра не найду матуху?» — подумал с тревогой. С тревогой же стал прикидывать, какое нынче число. Живя в Выползихе, он потерял счет дням. Календаря не было, и время он определял приблизительно по разным приметам. Отголубели подснежники, золотится мать-и-мачеха, распустился чуткий березовый лист; лес наполняется птицами, однако среди них нет еще мухоловок, иволг, соловьев, тетерева же вовсю токуют — значит, начало мая. Да и медвежонок возрастом своим показывает то же. Пора, пора отправляться в Алексеевское, иначе продадут избушку на баню, и останется Иван ни в сите, ни в решетке!..

Медвежонок ворочался, привставал и снова укладывался. При этом он постанывал, жаловался.

— Что, неужельно место? — спросил Иван. — Вестимо... Без матери тебе и на перине не уснуть.

Иван встал, сволок тюфяк с кровати на пол.

— Иди на мою постель, что ли...

Медвежонок живо перебрался на новое место. Иван тоже опустил на тюфяк; лег на живот, положив голову на руки. Медвежонок, примостившись у его бока, тотчас уснул; тепло от медвежьей спины нагревало Ивану бок, и Иван от этого тоже стал засыпать, нарочью забыв все свои тревоги.

Среди ночи медвежонок заворочался, снова застонал. Иван положил на него руку, прижал его к себе:

— Спи, спи... — проговорил сквозь сон. — Спи, нещечко...

3

Сидя за чистым, хотя и давно не скобленным столом, Иван доедал щуку, а медвежонок, стоя на полу, подбирал языком с липовой плоски сушеную малину.

Нещечко! Сокровище, любимчик... Забытое ласковое словечко, слышанное в детстве от матери...

Иван встал, высыпал из марлевого мешочка в плоску остаток малины. Постоял, полюбовался, как его нещечко уписывает угощение.

— А теперь пойду твою матуху искать...

Снял с гвоздя ружье, подхватил пустой рюкзак. Выбрался из избы; дойдя до брединника, оглянулся: медвежонок бежал вслед за ним.

— Ишь, катится... — усмехнулся Иван.

Пришлось возвращаться. Взял медвежонка за загорбок, потащил домой. Тот порявкивал, упирался.

— Не сердчай, — говорил Иван, направляясь к амбару. — Посидишь еще денек в коттеджи... Надо мне определить, где обитает твоя матуха, а потом уж вести тебя в верное место... Чего тебе зря дендешской по болотам бродить? Да и мне это несподручно. Запру я тебя, чтоб ты за мной не увязался или чтоб сам в лес не ушел... В лесу, брат, жалости к малому да к слабому не жди. Знаешь, у какого зверя в лесу больше врагов? У самого безобидного...

Заперев медвежонка, Иван слазал в селяник. Весь запас — миску брусники и низку грибов — отнес мишке в «коттеджию». Поставил чугунок с питьем.

— Ну, жди...

Вышел, подпер поленом дверь,

Поляна еще только просыпалась. За стеной зазеленевших берез вставало холодноватое солнце. Как только оно поднимется выше и увидит Мокрую Поляну, грустную палестинку в лесной глухомани, так сразу и обогреет ее, словно пожалует. В мае солнце отдает лесу и поляне всю свою любовь. Идет в рост и в цвет травостой; кислица, сивец, очанка, трясунка, душистый колосок, купальница, колокольчики... Глядь, а уж все взгорочки в золотистых цветах мать-и-мачехи, точно солнце брызнуло из земли; а по низинкам незабудки — небушко выплеснулось. Особенно любил Иван цветы, похожие на солнце: одуванчики, желтые шары купальницы, жар-цветок... Сколько живет — не налюбуется.

Долог день в мае — вдоволь напиться теплом и светом кусточки земляники, черники, брусники, неотступно ловит солнце каждый листик малины и крыжовника в огороде, рябины, калины и одичалой яблони, что стоит на задах в непролазной высокой крапиве, и несмотря на то, что никто давно не ест ее терпких плодов, желает, чтобы солнце отдаст во множестве ее мелких кислых яблочек.

А в траве зеленые кузнечики радуются, бабочки, пчелы, мухи, и божьи коровки из дерна к солнышку выбирают, и шмель из норки, из-под мха вылезает, и жужелицы в старых корневищах, поди, тляют, и цикады, и гусеницы, и слизни, и черви, и тля...

А скоро в брединнике над ручьем соловей засвищет. Вот чудо так чудо! Кажется, подойди к нему, схвати его — он и не заметит, и не опомнится. А как они грянут все вместе кругом поляны — так душе тотчас просторно сделается, точно до сих пор ей было тесно, а теперь сама она раскатилась переливчатыми звуками и чудесным образом коснулась даже далеких дебрей и небес.

Всех и вся пробуждает солнце. Радостно отзывается земля и берется за свой род.

Ивана всегда удивляла таинственная сила солнца, которое лаской заставляло зиму разжать лапы и отпустить жизнь для цветения и веселья...

Пройдя поляну, Иван снова направился туда, где видел разоренный муравейник. Долго шел осинovým сплошняком по склизким колодам, по скользкой листве-опали и высокому прошлогоднему бьюлю.

Еловый лес стоял на едва заметном плосковатом взгорчике. Тут, по суху и по чисту, ступать стало легко и приятно. Доброе место — борок. Здесь и белке приволье, и рябичу приют, и зайцу дневка под еловыми растопыренными лапами, и барсуку укры-

тие... Иван приостановился у барсучьей норы. Уж тут бы Дуксан раззадорился! Сейчас так и вонзился бы в нору. А уж лай поднял бы!..

Был в Выползихе любитель подземной охоты — Мина Федосеич. Бывало, свистнет Стрелку — собачку на коротких кривых лапах — прихватит заступ и подается в лес. Стрелка под землей ползет, а Мина Федосеич весь на слуху и даже до земли ухо приклонит. Как услышит по лаю, что Стрелка достала барсука, так в том месте и начинает копать. Не раз и Иван ходил с ним из любопытства...

Грустно стало Ивану от воспоминаний: нет уж на свете ни Мины Федосеича, ни Стрелки, ни Дуксана. Да их-то хоть Иван вспоминает, а кто вспомнит Ивана? Разве что Панафидины да егерь Петр Филиппыч... «Что ж, есть и у безродного утешенье, — вздохнул Иван. — Одна голова бедна — да одна...»

«Как же одна? А щечко?» — вспомнил Иван и улынулся.

Бесшумно ступая по хвойной подстилке, держась подветренной стороны, приближался он к месту.

Вот и муравейник. Снуют муравьи, восстанавливая верх своего жилья.

Никаких новых следов.

Пройдя сплошь еловый лес, Иван направился к Сонже. Ближе к реке стали попадаться обглоданные лосями сосенки; земля здесь была усеяна зеленоватыми слипшимися лосиными орешками. Медвежьего помета Иван нигде не обнаруживал.

Вскоре сосновый подрост сменился подлеском: серой ольхой, лещиной, брединником. Пробираться стало труднее. Иван вышел из зарослей на берег и остановился. Брединник все еще был затоплен водой, но вода спала — это было видно по оставшимся на ветках подсохшим, серым клочьям травы, похожим на разметанные гнезда. Вода в реке, казалось, стояла, как в озере; но вот она на диво быстро понесла косматую корягу; коряга плыла ровно, «головой» вперед; на суводи ее толкнуло, развернуло вперед «ногами», завертело и долго крутило, не в силах ни утащить на дно омута, ни отпустить...

Иван с безнадежностью смотрел на противоположный берег, думая о том, что медведица могла переплыть реку и уйти в бескрайние болота за Сонжей.

Повернув назад, решил еще раз прочесать болота вокруг Мокрой Поляны, а заодно набрать вешницы. Снова пересек чащобистую пойму, молодой сосняк, еловый островок, колодистый осинный лес. Долго ходил по болотам; забрел даже в бабушкину топь, в страшное место, про которое говорили, будто над ним летела бабушка, то есть баба-яга, да бухалась тут не раз в болото, пробивая ступой бездонные ямы. Детям туда заповедано было ходить. Однажды пошли туда брать ягоду молодые муж и жена Солениковы и пропали. Мужики нашли потом на трясине только фуражку, показывавшую место, где ухнулись в «окно» муж с женой.

Шел Иван осторожно, пробуя ногой подозрительно сочные пучки травы, и все же провалился. Дерг ногу, дерг другую — а они уже обе выше колен в трясину въехали. Дергается Иван, а болото зажевывает его, как корова солему.

Стряхнул он с плеча ружье, положил для упора плашмя — а ружье тоже увязает. Не во что упереться: жижа, под ней вода. А там Солениковы целехонькие — ведь в болотной воде тела не портятся.

Так и кажется, будто это Солениковы тащат тебя за ноги вниз...

Откинулся Иван назад — к тоненькой кривулистой березке, да не достал на целый локоть. Не сводя глаз с карлицы березки, как будто она могла куда-то деться, подобрал ружье, потянулся им к деревцу. Накнул ружейный ремень на короткий сучок, оставшийся от усохшей и отвалившейся ветки; легонько попробовал крепость сучка. Сучок затрещал. «Да ты что... — прошептал Иван, покрываясь холодным потом. — Там же у меня медвежонок в заперти...»

Еще раз закинул ремень — так, чтобы он держался на загогулине, из которой торчал сучок. Медленно вытащил правую ногу, оставляя в трясине сапог, затем левую, тоже без сапога, и, наконец, ухватившись за комель березы, совсем выполз из «бабушкиной ямы». Некоторое время не мог разжать пальцы, вцепившиеся в березку, лежал, держась за нее даже подбородком. Отдышавшись, выдохнул: «Ну, спасибо...» — отполз, встал на ноги, что были как не свои, и пошел прочь от губельного места. Торопился домой, к своему нещечку; но по пути стал все же наполнять рюкзак клюквой. Крупна-таки ягода на проклятом бабушкином болоте!

Сидя на кровати, Иван шевелил пальцами ног, как будто все еще не верил, что ему удалось выдернуть их из трясины, что они при нем.

— Завтра на рыбалку тебя возьму, — говорил он медвежонку, который ел клюкву прямо из рюкзака. — Что наловим, то и съедим... Чай, матуха учила рыбку ловить?

Медвежонок торопливо подбирал ягоды и только лишь взглядывал исподлобья, точно опасался, что Иван тоже опустил на четвереньки и начнет поглощать корм.

— Дней этак двадцать тому назад ловил я в ямах налима, — рассказывал Иван мишке. — Налим, он прохладу любит, под корягами, под камнями прячется. Да... А нынче хорошо берет язь и лещ. И самый жор щуки...

Иван говорил и испытывал от этого удовольствие. После гибели Дуксана некому было слово молвить; а тут слушатель нашелся — и не какой-нибудь, а после человека первый ум в лесу.

Съев последнюю ягоду, медвежонок для верности еще раз обнюхал рюкзак, повалил его и, сев под стол и обняв ножку стола, принялся слушать Ивана. Тот долго, обстоятельно рассказывал про рыбалку, про щуку и нерестящихся в камыше карасей, как будто боялся, что если замолчит, детеныш тотчас спросит: «А где моя мама?..»

Иван все еще надеялся встретить, хоть случайно, но та словно сквозь землю провалилась...

4

Зацвела в Выползихе черемуха, разлился по поляне ее крепкий горьковатый запах. Май перевалил за половину. Срок, стало быть, вышел, изба в Алексеевке продана... Надо бы по другим деревням походить, поспрашивать, не продает ли кто избу. Или хотя бы отлучиться за семенами, засеять огород... Да как отлучиться? Разве что бросить медвежонка?..

Предлетье выдалось сухое, горячее. Даже во вре-

мя черемуховых холодов солнце против обыкновения поджаривало со всей яростью. Чего было ждать, когда береза прежде ольхи зазеленела! По примете — быть лету суху. Иван поглядывал на небо и неодобрительно качал головой. Что не будет грибов, это еще не беда; а вот как бы земля в такие жары не задохнулась, да как бы торфяники сами собой не загорелись, да лес не вспыхнул бы...

Одно хорошо в такую пору: лови рыбу в проточине хоть руками. Иван ходил на проточину с медвежонком. Мишка шумно забредал в воду, шлепал по воде лапами, приседал и окунался с головой. Выйдет из проточины, ляжет на брюхо и давай загребать на себя листья и торфянистую землю. Вываляется и снова в воду бежит. «Ай да рыбак!» — усмехнется Иван.

А то еще придумал забаву — с колоды нырять. Прыгнет, выскочит из воды — да на берег, да отряхивается, задними лапами дрыгает, задом трясет... И опять на колоду.

Иван и про рыбалку забудет, на него глядя.

Но голод не тетка; Иван отходит в сторонку, закидывает удочки; мишка тоже притихает: стоит над ямой в полной неподвижности до тех пор, пока не явится верная возможность прибить лапой и выхватить одуревшую от жары рыбку. Навык он ловить и рыбу, зарывавшуюся в прохладный ил и прятывшуюся в камыше и в корягах. Выбросит на берег карася, найдет его в траве — тут и полакомится.

А не поймает ничего, идет к Ивану — там всегда дадут...

Возвратятся они домой, сядут: Иван под избу, привалившись спиной к срубу и вытянув ноги в сапогах-болотниках, а медвежонок напротив.

— Ну, где твоя родительница? — спрашивал Иван, мрачнее.

Медвежонок из веселого сразу делался скучным и угрюмоватым.

— Есть в тебе, братец, мысль медвежья, — сочувственно говорил Иван, — да вон нейдет. Был бы ты словесный, все бы обсказал: что случилось, где и как мамку потерял...

Высказав сочувствие, Иван снова суровел:

— Что же мне с тобой делать? Явился ты незван...

Он произносил только начало присловья, конец его — «поди же прочь негнан» — язык не поворачивался произнести. Смутная угроза, однако, висела в воздухе; медвежонок, по своей звериной чувствительности, приходил в тоскливое беспокойство, отодвигался, точно намеревался бежать, но тут же, пренебрегая враждебностью, которая слышалась в голосе человека, словно против своей воли подползал к Ивану и осторожно тыкался носом в сапоги, в колени, в руки...

«Как жить? Как быть?» — думал Иван и днем и ночью; и выходило только одно: надо бросать медвежьего детеныша и уходить. Рыба приелась, хлеба хочется. Овес весь мишке скормил... За ружье браться? На охоту разрешение нужно. А где в сонжинском суземке, в глухом неезжалом лесу, взять разрешение? Разве что Петра Филиппыча дожидаться — да что-то его не видать... А если без разрешения, то как потом Петру Филиппычу в глаза смотреть? За кабана еще не рассчитался...

Однако не есть же сухую еловую хвою, как мишка.

Нужно идти в Алексеевское... Но уходить ли совсем, или пока только за припасами? Уйти — значит, оставить мишку на верную погибель, он, считай, еще младенец: не уйти — либо самому с голоду пропадать, либо незаконно зверя добывать. Кругом нехорошо.

Ну, а если пока только за припасами сходить — куда на это время мишку деть? Запирать нельзя, Иван теперь учен опытом. Запрещь, а сам в «окно» ввалишься, или тебя молнией убьет, или пришибет лесиной... Разве что рискнуть и оставить мишку на время отлучки — дня на два — на свободе?.. Куда он денется, все при доме будет...

У медвежонок забот было немного. Ел он совсем мало. Разгуливал по поляне, бродил по заброшенным огородам и дворам, лазал на деревья, а в кочкарнике взбирался на высокие сухие кочки, с которых то съезжал на спине, то скатывался кубарем. «Беззаботный твой возраст», — говорил Иван. Медвежонок, слыша в голосе благодушие и поощрение, обхватывал Ивана за ноги и затевал борьбу. Иван ослабевался, хватал мишку за загорбок и держал его перед собой в вытянутой руке. Мишка беспомощно барахтался, порякивал. «А хороша шубейка!» — смеялся Иван. Отпущенный на землю медвежонок отбегал от Ивана, точно испугавшись за свою шубу.

— Вот что, мишук, — сказал однажды Иван, присев по привычке под стену избы. — Худо мое дело. Надо идти в Алексеевское за припасами. Мыло кончилось. Ты вот без мыла, а чист. А нам без мыла никак нельзя. Спички тоже почти все вычиркал... Схожу, принесу консервов, круп, соли. Да хорошо бы картошки ведерко прихватить. Да луку репчатого хоть плетенку. Да маслица постельного хоть фляжку. И сухарей... Ну, и хлеба свежего — полакомиться...

Еще Иван мыслил разузнать про избу в Алексеевском или в соседних деревнях — не объявляет ли кто в продажу, но об этом вслух не говорил, стыдясь этой мысли, как измены.

— Тебя, стало быть, оставляю за хозяина... А там, глядишь, объявится твоя мамка. Может, она подрана, отлеживается. Пока отлеживается — ее ни в жизнь не найти, все равно как запавшего былика. Надо ждать, чтоб вышла бродить. Тут уж, конечно, Иван, держи ухо востро. Подраненная матуха человеку спуска не даст...

Медвежонок сидел напротив Ивана и слушал, как будто что-то понимал.

— А может, она за Сонжу ушла. Пошатается там да и приплывет назад в знакомые места, в ягоды. Тут я ей и возвращу тебя. Вот, скажу, вымилывал дитятко...

Решил идти завтра же.

Грустно было ждать расставания. Иван ходил как неприкаянный: то к поленице без нужды подойдет, то в амбар заглянет: пусто, — то в избу заберется, в избе мается. «И что это я такой жалостливый стал? Чего доброго, слезы покатятся...»

Ткнулся в сельник, обвел взглядом стены. Снял с гвоздя веревку: «Мишке качели сделать. Будет ему занятие и забава...»

Вечером, сидя в избе у окошка, Иван попивал из железной кружки кипяток. Медвежонок — Ивану

было видно в окошко — осваивал качели: подойдет, осторожно потрогает лапой веревку, привязанную к березовому суку, сердито повертит головой и отбежит; и снова подойдет.

Смеркалось. За брединником, на осине растрещалась сорока. «Возвещает о ком-то... Не о медведице ли?»

Медведи, бывало, хаживали на Мокрую Поляну. Иван пас коров в дальнем конце, у малинников, а туда-то и забредали лесные сластены. Рядом с коровами кусты объедали. Наедятся и уйдут.

Сейчас, однако, не пора, до малины еще пол-лета ждать...

Медвежонок бросил качели, повел носом. Встал на чурбан, прислушался, стоя свечой. Спрыгнув с чурбана, побежал к брединнику.

«Куда он? Не к мамке ли в самом деле?» Выйдя на крышу, Иван замер: в прутьях брединника, едва различимый в сумерках, стоял волк.

Медвежонок приближался к нему, с любопытством вытягивая морду. Волк не сделал ни малейшего движения в сторону медвежонок: он ждал, когда несмышленое существо само подойдет к нему. Это был точный расчет. Если метнуться к медвежонок, он может испугаться и броситься к дому. Покидать кусты было в любом случае небезопасно — на открытом пространстве человек тотчас достанет выстрелом.

Волк, несомненно, увидел человека на крыше. Увидел, но не испугался: человек без ружья...

Иван выхватил нож, который всегда носил на поясе, и прыгнул с крыши.

Медвежонок оглянулся на бегущего Ивана и вжался в землю; волк оставался недвижим. Он хладнокровно ждал, видя для себя больше выгоды, чем опасности. В лесу на поживу не везло — брюхо подвело к хребту, и он готов был схватиться за медвежатину с человеком.

Отпрыгнув от паскочившего человека, волк ощерился и присел. Люто глядел он на Ивана и, выбрав мгновение, прыгнул. Иван встретил его ударом ножа. Вторым коротким ударом он прикончил бы волка, но тот, хватнув Ивана клыком за шею над самой ключицей, отскочил и бросился в лес.

Клык попал на биющую жилу. Рубаха сразу стала мокрой и липкой от крови. Иван выпростал рубаху, рванул край и, скомкав тряпку, крепко зажал ею рану. Другой рукой взял за шиворот перепуганного медвежонок, сказал, тяжело дыша:

— Ну, кургузый, выхватил я тебя из волчьей пасти...

Медвежонок вырывался, порякивал. Иван нес его и говорил сокрушенно:

— Глупый ты еще. Кого ни увидишь, к тому и тычешься... Не знаю теперь, как тебя оставлять. Твоя пахта по всему лесу разносится, у волка ум отымает...

Забравшись в избу, Иван достал из сундука чистый холст, надрезал его и оторвал длинную полосу. Кровь так и свистела из раны. Он забинтовал шею потуже; положил тюфяк на кровать и лег. Медвежонок нюхал кровь на полу, а Иван сердито отгонял его:

— Пошел, пошел, не принохивайся, не сгодится! Ишь, морду наострил...

Продолжение на стр. 58

СЕСТРА КОММУСАРА

Борис КОЗУЛИН

Было это в конце пятидесятых. Приезжая в командировку в Нижний Тагил, я всякий раз останавливался в гостинице «Северный Урал», заглядывал и в отделение связи. В небольшой, пропахшей растопленным сургучом и штемпельной краской комнате сидела за барьером приветливая седоволосая женщина с пышной вьющейся шевелюрой. Мы коротко обменивались приветствиями и разными новостями.

В те годы я активно интересовался жизнью и революционной деятельностью уральского большевика Ивана Михайловича Малышева. Ходил по музеям и библиотекам, рылся в книгах и подшивках старых газет, собирая по крупицам скудные сведения. Узнал, что в Свердловске живет и здравствует дочь Ивана Михайловича. Разыскал ее. Добросердечная и отзывчивая, Нина Ивановна показала мне семейные документы и фото-

графин и к слову сообщила, что в Нижнем Тагиле живет тетя — сестра Ивана Михайловича.

Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что тетя и есть та самая Мария Михайловна, с которой я познакомился в отделении связи при гостинице.

— Мария Михайловна, так это вы?! — невольно вырвалось у меня.

— Я, — с улыбкой отвечала она. — А что, не похожа на сестру комиссара?

После того случая у нас было несколько встреч с Марией Михайловной. Она сохранила ясную память, прекрасно помнила даты, разные события до мельчайших деталей.

Сама она не была членом партии, но сохранила документы, подтверждающие ее тесную связь с революционерами, их интересами и борьбой.

На обороте одной из фотографий — соратника Малышева по нелегальной работе в подполье Киприяна Деомидовича Ермакова, сохранилась такая, например, дарственная надпись:

«Вереницей бегут годы, и их причудливая череда исчезает во мраке прошлого, оставляя порой неизгладимые воспоминания.

1911 год. К группе партийцев-подпольщиков рабочих Надеждинского завода во главе с заводским служащим И. М. Малышевым — «Мишей», томящихся и изнывающих в Верхотурской тюрьме и позже в Нижнетагильском арестном доме, врывается светлый яркий луч солнца. Этими лучами солнца были Вы, глубокоуважаемая Мария Михайловна, сестра нашего «Миши». Своими передачами, поддержкой, связью с нами, приходом к тюрьме вносили в сердца заключенных радость, теплоту и оживление.

В память об этих днях примите портрет «Потапыча» (ближайшего друга «Миши»).

Москва, 16 ноября 1925 года. К. Ермаков».

Эти благодарные слова относятся к надеждинскому периоду деятельности Малышева. После ареста осенью 1907 года в селе Фоминском Верхотурского уезда, где Иван Михайлович работал учителем в сельской школе и вел среди крестьян агитацию, его отправили в Николаевские исправительные роты — «Николаевку» — под Нижнюю Туру, тюрьму, которая славилась особенно жестоким обращением с заключенными. Ни побоями, ни издевательствами ничего не добились от него и через два с небольшим месяца вынуждены были выпустить.

— Домой брат вернулся бледный, измученный и исхудавший, — рассказывала Мария Михайловна. — Всегда был энергичный, жизнерадостный, с румянцем во всю щеку. А тут прямо не узнать его. Сидит сутулившись у печки, на огонь смотрит и думает о

чем-то своем. Я подседа: «Чего ты, — говорю, — пригорюнился?» — и обняла его легонько, а он тихо вскрикнул и отстранился. Поднял рубашку и показал свою спину: сплошные рубцы, коросты и кровоподтеки.

Поработав недолго счетоводом в Филькинском лесничестве, Иван Михайлович в 1909 году переехал в Надеждинский завод. Мария Михайловна жила там со своим мужем Андреем Гавриловичем Кожуриным — помощником лесничего. Малышев устроился конторщиком в маргеновский цех завода, сумел восстановить разгромленную партийную организацию РСДРП и возглавил ее. Провели стачку и маевку, печатали на гектографе и распространяли листовки и прокламации.

— Выехали мы на маевку на Какву 29 апреля, — вспоминала Мария Михайловна. — С самоваром, пирогами и гектографом, чтобы листовки отпечатать к первому мая. Захватили для отвода глаз и «безумную капельку», так брат вино называл. Выбрали полянку на пригорке, самовар поставили. А ребята в укромном месте в кустах гектограф наладдили, и Маня Лапина принялась печатать.

Вдруг видим — летят к нам два ингуша верхом. Ингуши охрану завода несли. Что делать? Виду не подаем, пьем чай, песни запели. Подъехали, смотря на нас. Мы давай их приглашать выпить с нами чаю и рюмочку. Один-то спешился, а второй на коне сидит, не слезает. Я смолodu бойкая была, веселая. Давай с ним тары-бары разводите, нахваливать коня да сбрую. Просить, чтобы прокатил. Посадил он меня впереди себя на седло, и поехали мы с ним кататься. А другого те, кто остался, угощать водкой принялись да так наугощали, что когда мы вернулись, он спал без задних ног. В общем, листовки отпечатали, и первого мая они по всему заводу появились. Полиция с ног сбилась, а на нас подозрения никакого — мы вместе с ингушами были.

В начале 1911 года царские сыщики все-таки выследили подпольщиков. Последовали обыски и аресты. Жандармы забрали Малышева и пятерых наиболее активных членов подпольной организации Надеждинского завода: Ермакова, Смирнова, Гуру, Чуприкова и Боровских и отправили всех в Верхотурскую тюрьму.

Мария Михайловна к тому времени переехала с семьей в Нижний Тагил, и жили они в принадлежащем свекрови маленьком домике на улице Тагильский Круль.

В марте надеждинцев перевезли в Нижний Тагил для допроса и следствия. Мы побывали в быднем арестном доме на улице Библиотечной, где сидел Малышев со своими товарищами, и в здании бывшей тюрьмы, узниками которой они были несколько месяцев.

— Однажды ночью, — продолжала Мария Михайловна, — к нам в дом постучался стражник. Принес тайком записку от Вани. Тот писал, что их отправляют для суда обратно в Надеждинский завод. Просил принести теплые носки, мыла и фунтов десять кренделей. Я все сделала, как брат просил, а когда пришла са очередной передачей, смотрю — их выводят из ворот тюрьмы. Руки в кандалы закованы. Ваня в паре с Ермаковым. Увидел меня, улыбнулся и кивнул: смотри, мол, все в порядке, я бодр и весел. Но я-то понимала, что это он для меня, чтобы я не расстраивалась, не переживала. В начале октября был им суд. Приговорили к ссылке в Тобольскую губернию.

В Тюмени Малышев устроился счетоводом в магазин купцов Агафуровых. Установил связь с местными подпольщиками и снова включился в работу. Охранка неусыпно следила, и в августе 1912 года произошел обыск и четвертый арест. Тринадцать месяцев просидел Малышев в тюрьме, из них полгода в одиночке.

— И в Тюмень я ездила к Ване. Вместе со своим четырехмесячным сыном. Походить пришлось, поклоняться, пока свиданий добилась.

Но мы с братом уже и до этого виделись, хоть и издалека, и даже разговаривали. Только молча. Когда я пришла к тюрьме в первый раз, то не знала, где они сидят, в какой камере. Стою на улице, шарю по окнам глазами, а сама слезы глотаю. Потом вдруг слышу — откуда-то песня знакомая доносится: «Славное море, священный Байкал». Интересно, думаю, кто это любимую ванну песню поет? И пошла на голос. Увидела его самого в окне за решеткой. Он-то первый меня заметил и дал мне знак этой песней. Стали мы с ним на пальцах объясняться. Что надо ему, я в передаче и принесу. Что можно — в открытую, а что нельзя — в чайнике с начинкой.

— Что это за «чайник с начинкой?» — поинтересовался я.

— Носила я брату молоко в чайнике. В тюрьме, ведь, все проверяют, что приносишь. Так вот, у чайника второе дно было сделано. Между доньками письмо можно вложить, бумагу, грифель карандашный.

Потом был суд — в октябре тринадцатого года. Брата оправдали за недоказанность обвинения и освободили. Переехал он вскоре в Екатеринбург, устроился на работу опять же в магазин к Агафуровым. После перешел секретарем в больничную кассу Верх-Исетского завода. Руководил подпольной организацией большевиков. А когда революция произошла и большевики взяли власть, брата выбрали председателем городского партийного комитета. В январе восемнадцатого на областном съезде Советов назначили комиссаром труда Уралсовета. Ездил он на фабрики и

заводы, на митингах и собраниях выступал. С утра до ночи дома его не видели. А он к тому времени обзавелся семьей. Жена Наташа работала вместе с ним. Сначала в больничной кассе на Верх-Исетском заводе, где они и познакомились, а потом в комиссариате труда.

Выступал Ваня грамотно, толково, но оратором большим не был, красноречием особым не обладал. Голос у него был спокойный, без аффектаций. Убеджал справедливостью доводов и фактов, а не блеском словесным.

Я вот говорю, что у него был спокойный характер, а вспомнился случай, когда выдержка брату изменила.

Вскоре после второго дутовского похода, куда Ваня был назначен комиссаром дружины, собрались все друзья-товарищи отметить возвращение. Ответработники тогда жили коммунально в двухэтажном кирпичном доме на Верх-Вознесенской улице (теперь ул. Тургенева). Дом под номером восемнадцать до сих пор сохранился. Собрались, и вот кто-то возьми да и выставь на стол бутылку трофейного коньяка и плитку шоколада положи. Как тут Ваня возмутился! Ни до, ни после того не видела его таким. Сам-то он никогда не курил и вином не баловался. Считал это недопустимым для революционера. Схватил бутылку, выкинул прочь и говорит: «Как ты можешь?! Наши товарищи остались лежать там, в чужой земле, а ты!» А у самого на глазах слезы. Брат посчитал это кощунством над памятью павших...

Уже более четверти века нет среди нас Марии Михайловны Малышевой. Тоже хватало ей на веку горя и лихолетья. Дважды арестовывали: первый раз в Верхотурье, когда жандармы во время обыска обнаружили в доме запрещенную литературу, а еще раз уже колчаковцы в Екатеринбурге, узнав, что она сестра комиссара. Издевались, морили голодом, избивали нагайкой, приговорили к расстрелу. Все муки достойно вынесла она и выдержала, никого не предав и не покрывив душой перед своей совестью и памятью брата. От смерти спасла ее воля случая. Хозяин дома, где она жила в то время, ярый монархист, уприсил колчаковского офицера не лишать ее жизни, а обменять на своего сына, находившегося в плену у красных. И обмен состоялся.

Мария Михайловна умерла в Нижнем Тагиле 17 июня 1963 года.

На снимках:
Тюмень, май 1912 года. Ссылные из Надеждинского завода (стоят слева направо): И. М. Малышев, К. Д. Ермаков, сидит И. Р. Чуприков.

М. М. Малышева.

„РОМАН НАПОДОБИЕ ВАЛЬТЕР СКОТТА?“

Читаю «Пушкин и Пугачев» Марины Цветаевой и невольно задумываюсь над «пройденной» еще в школе «Капитанской дочкой».

«В моей «Капитанской дочке», — пишет Цветаева, — не было капитанской дочки, до того не было, что и сейчас произношу это название механически, как в одно слово, без всякого капитана и без всякой дочки. Говорю — «Капитанская дочка», а думаю «Пугачев».

Цветаева вообще находит капитанскую дочку лишней — ведь в романе уже есть любовь: Гринёва и Пугачева, Пушкина и Пугачева... Любовь — страсть, любовь — страдание, любовь «черного» и «беленького». А как же Гринёв и Марья Ивановна? Гринёв и Маша?.. И вдруг на память приходят слова генерала Аносова из «Гранатового браслета» Куприна:

«Я на днях читал историю Машеньки Леско и кавалера де Гриё... Вернись ли, слезами обливался... Ну, скажи же, моя милая, по совести, разве каждая женщина в глубине своего сердца не мечтает о такой любви — единой, всепрощающей, на все готовой, скромной и самоотверженной?»

Сначала сходство имен героев «Капитанской дочки» и знаменитой повести французского романиста XVIII века аббата Прево «История кавалера де Гриё и Манон Леско» показали случайным созвучием. Но уж очень они похожи — де Гриё и Гринёв. Оба такие юные, наивные, самоотверженные и бескорыстные. Оба входят в жизнь как добрые сыновья своих родителей. В их душах нет протеста против социального уклада жизни, общепринятой морали. Первого испытания подстерегают на пути нравственности, второго — на традициях дворянской чести, верности присяге.

История де Гриё — это личная драма. Никакие внешние силы не врываются в его мир против воли Манон. Все черное и горькое для кавалера — от нее, от ее эгоизма и легкомыслия, беспринципности и жадности удовольствий.

Гринёв оказывается в центре исторической трагедии. «Чудные обстоятельства» разведняют и вновь соединяют его с кроткой и верной

Марьей Ивановной, но сомнения и сердечная привязанность, ужас и благодарность связывают его с вождем крестьянского восстания Емельяном Пугачевым.

Закон жизни де Гриё и Гринёва — любовь и верность. Изменяет Манон, но кавалер верен! Пугачев шадит Гринёва, уговаривает его перейти на свою сторону, помогает обрести личное счастье, но Гринёв не изменяет дворянскому долгу и присяге. «Бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал, только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести».

Приглядевшись внимательно, обнаруживаю и удивительное сходство сюжетных линий. Действительно, и кавалеру, и Петруше по 17 лет. Оба принадлежат к «хорошим фамилиям», кавалер записан родителями с рождения в Мальтийский орден, Петр Андреевич тоже с рождения — в Семеновский полк. Манон из «заурядной семьи», капитан Миронов из «солдатских детей» дослужился до офицера. Отец де Гриё не хочет брака сына с Манон, отец Гринёва вместо благословения присылает в Белогорскую крепость грозное письмо.

На этом прямое сходство заканчивается. Но линия сюжета «Капитанской дочки» становится буквально зеркальной по отношению к «Истории кавалера де Гриё и Манон Леско».

Если дуэль кавалера с соперником заканчивается тяжелой раной противника, то в «Капитанской дочке» ранен Гринёв, но, конечно, не из-за неуклюжести в фехтовании (как можно!), а из-за вмешательства Савельича.

Обстоятельства заставляют де Гриё стать шулером; самостоятельная жизнь Гринёва начинается с того, что он проигрывает сто рублей Зурину.

Поглощенные страстью, де Гриё и Манон забывают о церковном обряде; Марья Ивановна не хочет идти замуж без благословения родителей Петруши — без него не будет им счастья.

Любовная драма де Гриё кончается трагически. Манон арестована, сослана в колоннию, в далекую пустынную Луизиану, с самыми преступными в глазах общества сушест-

вами. Кавалер, после бесплодных попыток освободить ее, следует за ней. Манон погибает, больной, измученный кавалер возвращается во Францию.

А Гринёв? Да здесь все «наоборот»! Тоже арест, но арест Гринёва. Это он томится в тюрьме со «злодеями», это его пытаются спасти от ссылки в далекую пустынную Сибирь и спасает Марья Ивановна. «Их потомство благоденствует в Симбирской губернии» — нельзя не почувствовать пародийность этой фразы. После кровавой драмы, разернутой на страницах романа, после подлинной исторической трагедии, прошедшей перед глазами читателя, счастливый конец, которого всегда невольно ждет душа читателя, выглядит просто издевательски.

Та обидная скороговорка, с которой «беспристрастный издатель» общается о казни Пугачева, дает почувствовать читателю, сопереживавшему Гринёву и Марье Ивановне на всем протяжении романа, как он, читатель, успел полюбить... Пугачева! Для чего же понадобилось Пушкину привлекать столь хорошо известный сюжет?

Вспомним: когда Пушкин отдал «Бориса Годунова» на высочайшую цензуру, то рукопись была возвращена ему с советом переделать народную драму в стихах в «роман наподобие Вальтера Скотта», на что Пушкин ответил, что замечание весьма справедливо, но, к сожалению, он не может переделывать уже раз им написанного.

Пушкин не забыл «совета» «личного цензора» и по-своему на него отреагировал.

Не забудем и того, что изданная с санкции Николая I «История Пугачевского бунта» не имела читательского успеха. Пушкин записывает в дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают». Неудача издания, осуществленного на занятые в казне деньги, поставил Пушкина в тяжелейшее финансовое положение.

О том, как трудно писалась «Капитанская дочка», можно судить по времени — четыре года! Пушкин несколько раз менял план будущего романа, имя главного героя, написал и издал «Историю Пугачевского бун-

та», куда пошла лишь часть собранных им материалов. О том же говорят и его письма к жене: «...Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут, и роман не переписываю. Читаю Вальтер Скотта и Библию, а все об вас думаю». «Однако я все беспокоюсь, а ничего не пишу, а время идет. Писать книги для денег, видит бог, не могу... Взял у них¹ Вальтер Скотта и перечитываю его. Жалею, что не взял с собой английского».

Частые упоминания Вальтер Скотта наталкивают исследователей на романтические источники «Капитанской дочки». И они, действительно, есть. Цветаева пишет: «Пушкинский Пугачев, помимо дани поэта — чаре, поэта — врагу, еще дань эпохе: Романтизму». Да, это дань эпохе, но не в душе поэта — сам он вырос из романтизма, как из детского платья, а дань вкусам читателей, и рядовых, и коронованных.

В духе приемов романтизма Пушкин и выстраивает линию Гринёв — Пугачев. Последний появляется из метели, предстает в вещем сне, потом, неузнанный и неузнающий, вершит казнь, затем герой попадает на пир разбойников. Злодей-соперник — тоже дань романтической традиции.

Создавая роман о людях XVIII века, Пушкин не мог не вспомнить два лучших произведения того времени: «Историю кавалера де Гриё...» и «Страдания юного Вертера». Оба они имели колоссальный успех у современников и остались жить в потомстве. Секрет прежде всего в неподдельной искренности (ведь обе книги автобиографичны), динамичности и краткости изложения, так ценной Пушкиным. Вспомним его насмешки над старинными романами: «Нравоучительный и чинный, отменно длинный, длинный, длинный».

«Стиль — это человек!» И в поисках стиля человека XVIII столетия Пушкин обращается к шедеврам сентиментализма.

Герой «Капитанской дочки» пишет записки подобно автору «Записок знатного человека», частью которых является «Манон Леско». (Любопытно, что Петр Андреевич пишет свои записки в «кроткое царствование Александра I» — значит, ему за 50, как и мнимому автору «Манон Леско», знатному путешественнику, тогда как подлинному автору, Антуану Прево — 37, как и подлинному автору истории Петруши Гринёва — А. С. Пушкину).

Придавая основным линиям романа знакомые формы: линии Гринёв — Пугачев — романтическую, линии Гринёв — Марья Ивановна — сентименталистскую, Пушкин наполняет их совершенно новым, реалистическим, национальным содержанием.

В. О. Ключевский сказал: «Пушкин был историком там, где не ду-

мал им быть и где часто не удается им стать настоящему историку. «Капитанская дочка» была написана между делом, среди работы над пугачевщиной, но в ней больше истории, чем в «Истории пугачевского бунта», которая кажется длинным объяснительным приложением к роману»².

Все сюжетные перипетии «Капитанской дочки» исторически обоснованы. Герой рожден в деревне, потому что его отец служил при Минихе и, видимо, остался верен «падению третьего Петра». В беловой рукописи герой записан в гвардию, «когда матушка была брюхата» им, что вполне могло быть в екатерининские времена.

Знаменательна замена необходимого герою наперника: если в повести Прево это бедный и не столь одаренный, как герой, одноклассник Гиберж, то в «Капитанской дочке» — это... крепостной дядька Савельич: подобно тому, как Гиберж в «Манон Леско» — разум де Гриё, Савельич в «Капитанской дочке» — наставник Гринёва, старающийся уберечь его от неразумных и рискованных поступков.

И это вовсе не дань надуманному демократизму, а подлинная черта русской жизни. Достаточно вспомнить:

«Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей».

Надо ли говорить, что так называемые «второстепенные» действующие лица буквально взяты с натуры, из русской действительности. Несравненный Савельич, безусловно, несет черты собственного пушкинского дядьки Никиты Козлова. За капитаном Мироновым угадывается фигура капитана Крылова (отца И. А. Крылова) и т. п. Пушкин-реалист дает себе полную волю в описании действующих лиц «второго плана», именно они и выходят в восприятии читателя на первый план, запоминаются зримо и чувственно, создают ощущение эпохи с ее трагическими противоречиями.

«Второстепенные персонажи» раскрывают перед нами суть исторического конфликта. Их множество, они представляют определенные социальные группы. Это и оренбургский генерал Андрей Карлович, и brave армейский вояка Зурин, и гарнизон Белогорской крепости — с одной стороны, а изувеченный башкирец, урядник Максимыч, «господа енералы» — с другой. Это они — песчинки той бури, которая называется «пугачевщиной». И в центре — крупно — фигура Пугачева, страшного и обая-

тельного, жестокого и великодушного, талантливого и наивного, удачливого и обреченного.

Здесь, в драматургии слов и поступков раскрывается зерно произведения — чисто реалистическими пушкинскими средствами.

Как это ни парадоксально, но Пушкин в «Капитанской дочке» воплотил абсурдное пожелание царя переделать драму в роман в духе Вальтер Скотта. Он заигрывал народную трагедию под привычный, традиционный роман для дам, под голубую идиллию для молодых девушек. Если повесть Прево, так же, как и «Страдания юного Вертера», были долгое время запрещены цензурой за «безнравственность», то «Капитанская дочка» — образец идеальных отношений между молодыми людьми.

Роман Прево — это шаг от классицизма к сентиментализму, к показу внутренних противоречий в человеке, «вечного противоборства добрых побуждений и дурных поступков». Пушкин, перевертывая интригу, совершает обратное превращение героев в носителей классицистических масок.

В треугольнике Гринёв — Марья Ивановна — Швабрин: Гринёв и капитанская дочка — верные влюбленные, Швабрин — благородный злодей. То, что Швабрин носит «говорящую фамилию» — это деталь, взятая из арсенала классицизма явно с пародийной целью.

Фамилия Швабрин на слух явно ассоциируется со шваброй. Открыв словарь Даля (а было ли слово «швабра» во времена Пушкина?) — читаю: «Швабра — род помела из мочала, из распущенных веревек для мытья полов, палуб, для подтирки, тушения пожаров и пр. Костромское, Пензенское — дрянной, презренный, низкий человек».

А ведь над «Капитанской дочкой» Пушкин работал в селе Болдино, расположенном в Лукьяновском уезде Нижегородской губернии — на границе с Пензенской губернией.

Все литературные реминисценции умышленно прозрачны. Взять, например, имена главных героев.

Гринёв — так звали бы кавалера де Гриё, если бы он приехал в Россию, поступил на русскую службу и фамилия его приспособилась бы к русскому уху — окончание «в» и звук «п» для благозвучия и мягкости.

А героиню Прево на русский лад, конечно же, звали бы Машей. И действительно, в переводе 1859 года повесть называлась «История Маши Леско и кавалера де Гриё».

«Злодей», как мы видели, назван фамилией, взятой из народных словечек, а верный слуга Савельич назван так... по имени представителя «верного» народа, ямщика-резонера, произносящего казенно-патриотический

² Ключевский, не будучи историком литературы, видимо, не знал о том, что «История пугачевского бунта» была создана в процессе работы над романом, замысел которого относится к 1832-33 гг.

¹ У Вревских — соседей по имению

монолог в романе М. Загоскина «Рославлев»³.

И еще о названии. Заглавие повести Прево в сознании публики видоизменилось сначала в «Приключения кавалера де Грне и Манон Леско», а затем и вовсе в «Манон Леско», так как она, Манон, объект авторского и читательского интереса, движущая сила повести.

Пушкин же свою историческую работу назвал «Историей Пугачева», а роман о нем «Капитанская дочка», т. е. именем самого действующего лица повествования. Подобно фокуснику, который, размахивая красным платочком, отвлекает внимание зрителя от своих настоящих действий, Пушкин названием романа отвлекает наивного читателя от истинного героя (Пугачева). Только опытный читатель, понимающий правила игры, видит, где фон, а где, собственно, пьеса.

Итак, в центре повествования три персонажа: два (положительных) носят имена героев известной повести, переведенные с французского, третий (отрицательный) — говорящую фамилию, непеределанную с диалектного («смешенье языков... французского с нижегородским»); слуга назван именем персонажа известного русского «вальтерскоттовского» романа; сюжет сопряжен с «Манон Леско» и изобилует литературными ассоциациями.

Случайно ли все это? Разве не хотел Пушкин этими элементами литературной игры отделить «маленькую раму»⁴ от исторической картины, дать в руки читателей ключ к собственному шифру.

Переворачивая хорошо известный сюжет, создавая идиллию из двух трагедий, исторической и литературной, Пушкин усиливает иронию, неуловимо пронизывающую все повествование, отделяет себя от мнимого мемуариста и подчеркивает трагизм основной темы, замаскированной под «фон» для «простой любовной истории безвестного офицера».

³ Пушкин о романах Загоскина отзывался вполне благожелательно. Тем не менее в 1881 году написал своего «Рославлева», полемически направленного против шовинизма Загоскина. Имя Савельич — это, с одной стороны, дань уважения «русскому Вальтеру Скотту», а с другой — урок: вместо ряженого под народ актера — живой, трагический образ верного слуги.

⁴ «Роман в письмах»

КОЛЛЕКЦИЯ РЫБАКОВА

Эдуард КУДРЯВЦЕВ

Когда я прохожу по залам Русского музея, то непременно задерживаюсь в зале № 8. Здесь с большой полнотой представлено творчество выдающегося русского портретиста XVIII века Ф. С. Рокотова (1730—1810 гг.). Центральное место в зале занимает «Портрет неизвестной». Надменно взирает на людской поток красавица. Кисть мастера даровала ей бессмертие.

Портрет этот не куплен, а подарен. Это произошло в двадцатые годы нашего века, когда недостаток средств почти полностью лишил возможности Русский музей делать приобретения. Человек, сделавший такой щедрый подарок, поставил одно-единственное условие: пусть «Портрет неизвестной» висит в зале, а не занимает место в одном из подсобных помещений. Просьба была уважена, и картина до сих пор радует посетителей музея.

В 1917 году юрист Рыбаков жил недалеко от Окружного суда. Был он человеком огромного роста, большой физической силы и несомненной храбрости. Во время Февральской революции здание Окружного суда при неясных обстоятельствах было подожжено. Рыбаков поспешно отвел жену и дочку к соседям, а сам врезался в толпу: «Там картины горят. Их надо спасать!» Несколько раз Рыбаков бросался в огонь и с риском для жизни спас пять картин.

В семейном архиве до сих пор сохранилась расписка, которая, наверное, давно не имеет юридической силы, но по стилю колоритна:

«Согласно распоряжению отдела по охране, учету и реставрации памятников искусства и старины за № 593 от 25-го марта 1920 г., мною вывезены из кв. № 5 дома № 7 по Захарьевой улице 4 картины, принадлежащие Совету присяжных поверенных, ныне упраздненному. Картины следующие: 1) Репин. Портрет мужской. 2) Репин. Мужской портрет. 3) Серов. Мужской портрет. 4) Браз. Мужской портрет...»

Пятая картина поступила в Русский музей немного позднее. В семейном архиве сохранилась и расписка П. И. Нерадовского, тогда заведующего художественным отделом Русского музея, а потом его директора. Она гласит: «Настоящим удостоверяю, что мною получено в художественный отдел Русского музея от Иосифа Израелевича Рыбакова портрет Д. В. Стасова, работы Серова».

Книгопродавец П. Н. Мартынов в своих воспоминаниях «Полвека в мире книг» пишет:

«В эти годы продолжал свою библиофильскую деятельность известный собиратель Рыбаков И. И., купивший в свое время большую коллекцию гравюр и литографий, принадлежавшую в прошлом великому князю Николаю Михайловичу. По материалам этой коллекции прежним владельцем был составлен пятитомный справочный труд: «Русские портреты XVIII-XIX столетий». В собрание первоисточников входили портреты русских людей эпохи царствования Екатерины II, Павла I и Александра I (1762-1825). Рыбаков покупал у букинистов много интересных и редкостных книг, гравюр, литографий и рисунков. Он коллекционировал также антикварные вещи и картины. Им были собрана обширная библиотека и коллекция народных лубочных изданий, картин, икон и нефрита. Впоследствии из этого собрания пополнили свои фонды государственные книгохранилища, Эрмитаж и многие музеи».

О Рыбакове как о библиофиле упоминают и другие авторы, например, Ф. Шолов в «Записках старого книжника».

А где же книги из коллекции библиофила? Лишь небольшая их часть попала в наши библиотеки. Остальные — за границей. Они обменены на наши уникальные иконы. Произошло это так. В двадцатые годы у нас в стране существовала такая организация, как «Антиквариат», имевшая связи с заграницей. Твердая валюта была крайне нужна стране. Для этой цели за границу отправлялись картины, книги и иконы. Но в дела «Антиквариата» вмешался папа римский, запретивший покупать русские иконы. Они резко упали в цене.

«Зачем продавать иконы, — предложил Рыбаков администрации «Антиквариата». — Лучше обменяйте их на мои книги».

Сделка состоялась, и теперь те, кто любит иконами XIV—XVI веков в Эрмитаже, и не подозревают, как много среди них «рыбаковских».

Первоначально коллекция Рыбакова имела картины Петрова-Водкина, Сарьяна, Коровина, Серова, Сомова, Пуня, Яковлева, Щукаева, Шагала.

Когда-то в коллекции были представлены и старые мастера — Бонар, Парцелис. Ныне они находятся в Эрмитаже. Они подарены женой Рыбакова, Лидией Яковлевной, в дни блокады. В те страшные дни она сказала дочери: «Отнеси картины в Эрмитаж. Нас могут убить, или мы умрем, а они останутся».

В рыбаковской коллекции богато и собрание фарфоровых фигурок русского производства.

ВЯЧЕСЛАВ СМИРНОВ

На любой художественной выставке «Книга отзывов» — предмет обязательный и необходимый. Необходимый и зрителю, и автору экспозиции, которые таким образом могут говорить друг с другом. Побываем на вернисаже живописца-пермяка Вячеслава Смирнова, а для начала заглянем в книгу.

«Это искусство — авангард. Оно устарело лет на 20. Тогда оно могло бы вызвать значительный интерес. И то из-за попыток его запретить. Молодежь им не заинтересуется, а это значит — тулик. Каждое искусство должно иметь свой язык, причем понятный зрителю до такой степени, что чувства возникают без анализа структуры произведения. Этим языком большинство людей (в рамках данной выставки) не обладает, тем более молодежь. Поэтому все это скорее уместно в качестве «декора»: где-нибудь в доме техники, а не в быту людей. Долой техническую салонность в живописи! Ближе к человеку! Живописец! Вперед, в квартиру тети Даши и дяди Вани! Инженер имярек (подпись неразборчива)»

Что бы ответил на это сам Вячеслав Смирнов? Возможно, сказал бы, что если «искусство» — искусство, оно не устареет ни через двадцать, ни через тысячу лет. Только обезьяна, увидевшая банан, воспринимает его как данное: слопаеш и все, без анализа! А молодежь, которой этот зритель отказывает в понимании нового языка, скорее поймет его, чем люди с устоявшимися взглядами. Те же тетя Даша и дядя Ваня могут пользоваться «привычной» живописью. Она никуда не исчезла. Для этого и существует возможность выбора. И почему обязательно «долой»? Потому что раньше запрещали ЭТО?

А что говорит представитель молодежи? Он не говорит — вызывает, но не без иронии:

«Я, житель города Губахи, возмущен тем, что художник гнусно порочит мой родной город, где я родился и вырос, и где мы трудимся, не жалея сил, а он какую-то мазню сделал. От имени комсомольцев Губахи выражаю протест и поддерживаю исключение автора из Союза художников. С завтрашнего дня объявляю голодовку».

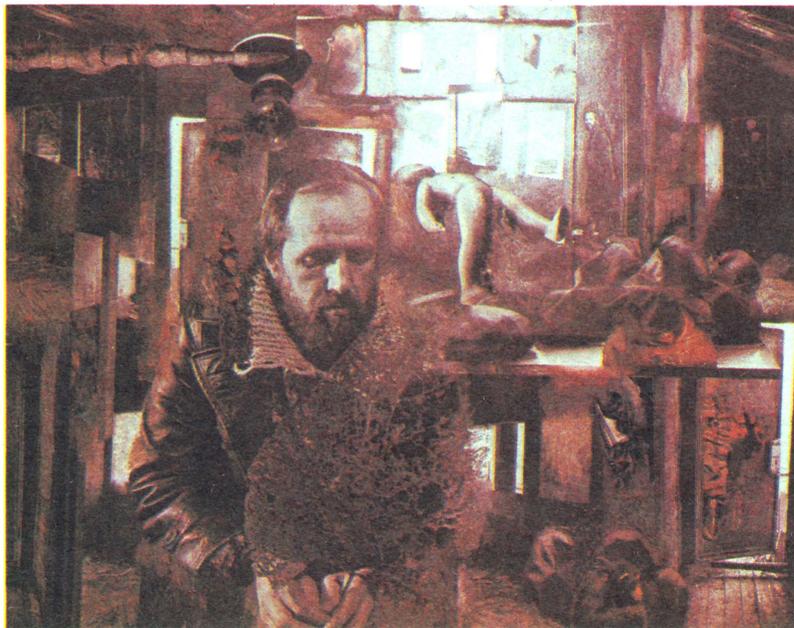
Вячеслав Смирнов мог бы ответить пламенному комсомольцу, что несколько лет назад коллеги сурово осудили его «мазню», а потом и выставили из молодежного объединения при Союзе художников. Так что с бдительностью в СХ все в порядке, голодовка теперь не нужна — живи, комсомолец из Губахи!

А вот запись с разборчивой подписью, и принадлежит она филологу Борисовой:

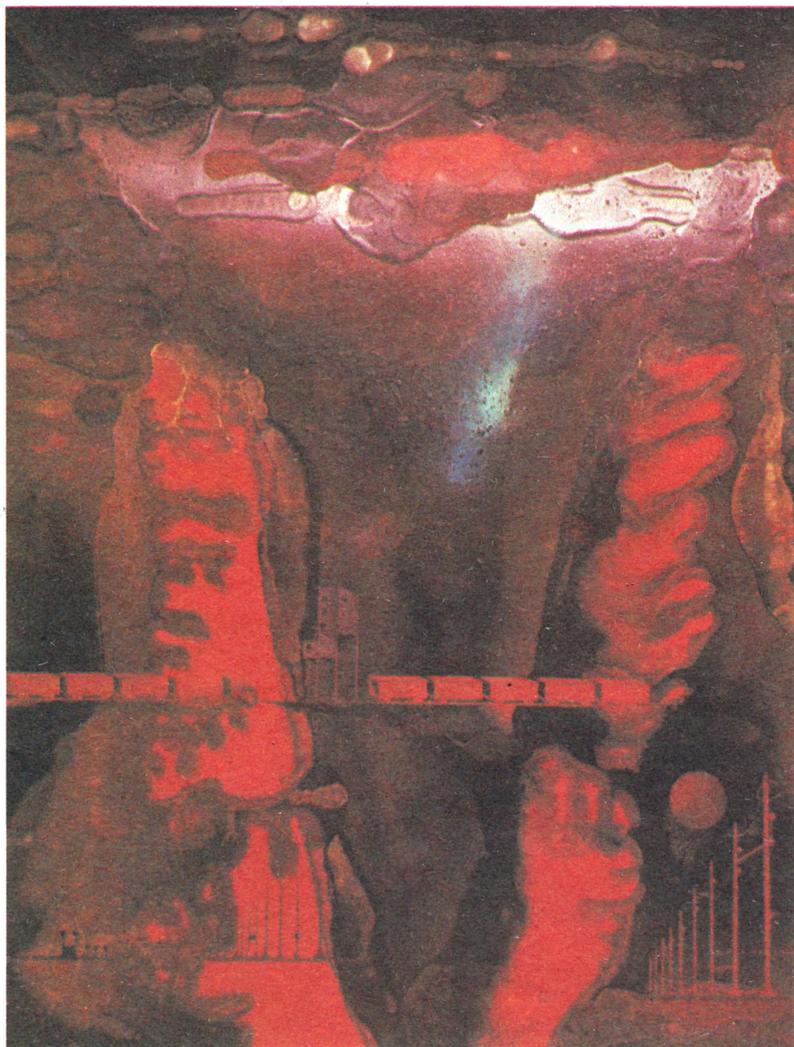
«Смирнов, конечно, не единственный художник нового направления, где совершенно игнорируется внешний мир, а есть попытка изображения внутреннего, то есть своего, индивидуального видения. Это очень гениальный художник, если принять, что живопись должна давать пищу уму больше, чем чувствам. Несомненно, его картины говорят о его бесконечно огромной фантазии и мастерстве. Но для тех, кто считает живопись жанром, действующим на чувства, заставляющим сопереживать и просто восторгаться (и я принадлежу к таковым), живопись Смирнова неприемлема. Нет, я не против, дело вкуса, кому что нравится. Но почему-то в последнее время искусство больше стремится дать пищу рассудку, чем чувствам. Неужели мы близимся к машинной цивилизации?»

Вот так, без всяких «долой», но, в сущности, о том же, что и первый оратор. Итак, если учесть, что живопись — не жанр, а вид искусства, то можно оспорить слова Борисовой и задать ей, в свою очередь, вопрос, а действительно ли пять — десять лет назад выставки живописи апеллировали к нашим чувствам? Да, трудно ответить абсолютно утвердительно. Появление выставки Смирнова должно радовать хотя бы тем, что любители живописи могут найти и такое видение мира, и нас в нем.

Да, выставка Вячеслава Смирнова поражает воображение. Да, мы не видели ничего подобного. Во всяком случае, такого уровня, позволившего Борисовой употребить слово «гениальный». А кто знает?! Наш авангард, появившийся на многочисленных и разнообразных выставках последних лет, достаточно убог и склонен к эпигонству. Все потому, что лучшие его представители были когда-то под запретом, и молодежи не у кого было учиться новому языку, понимание которого необходимо современному человеку. Ну, хотя бы для того, чтобы разбудить «бесконечно огромную фантазию и мастерство» в любом другом виде искусства, в любом жанре.

АВТОПОРТРЕТ (коллаж)

ГУБАХА (живопись лаками по пластику)

ОСТРОВ ЛЮБВИ. (лаки, пластик)

Графический лист

Да, работы художников тех далеких лет — история. Пора идти дальше, но дальше — это не значит вывернуться наизнанку и переплюнуть коллегу новомодным да эффектным трюком. Если в душе художника живут настоящие мысли и чувства, если руки обладают мастерством, он найдет в обыденном неординарное, придаст ему формы убедительные для «инженера» и «комсомольца». Они же окончательно привлекут на свою сторону филолога Борисову. Конечно, для этого всем нам нужно учиться культуре видения, культуре сопереживания с авторами самых разных направлений.

Ну, а как же выставка Вячеслава Смирнова?

Предоставим еще раз слово зрителю. Некая Вера написала очень искренне:

«Я хочу, чтобы меня научили ЭТО понимать, потому что... кажется, это здорово!»

А вот еще мнение: «Классно, таинственно, удивительно, четко! Трагично, печально, страшно, фантастично! Преклоняюсь. Вег. врач Марина Сибиряк». Или такое: «Вы — Мастер, который делает что хочет и имеет на это право. Спасибо Вам».

В заключение еще одно замечание зрителя: «Некоторые картины не подписаны и, по-видимому, не случайно, так как придумать название содержанию так называемых картин не смог и сам автор».

Что сказать на это? Во-первых, зачем же так зло и примитивно думать о художнике? Во-вторых, картина вообще не нуждается в названии, которое подразумевает литературщину, пересказ, манную кашу, жвачку. Название пишется на потребу каталожным сведениям, а у живописи свой язык, который не разложишь на буквы и слова. Если зритель увидит в картине свое, желаемое и желанное, если задумается о себе или сложностях мира, если у него возникнут вопросы, на которые не ответить словами, а лишь теми средствами, что предлагает художник, значит картина и ее автору обеспечен настоящий прочный успех.

ПРЫЖОК (коллаж)

ПОКОРИТЕЛЬ ГОР

Борис БЕРОЕВ

Одним из первых покорителей Казбека был отважный исследователь гор, топограф и альпинист Андрей Васильевич Пастухов. Он родился в семье конюха-служащего и, беря в пример отца, начальное образование получает в местном конно-заводском училище, а по окончании его работает в канцелярии Деркульского конезавода.

Как-то в Новый Деркул прибыл по служебным делам топограф Сидоров. От него Андрей получил первые сведения о топографии, о загадочном мире условных знаков. Созрело решение: поступить в Петербургское училище топографов-геодезистов.

И вот командировка на Кавказ, о котором он был наслышан с детства. По дороге новоиспеченный специалист знакомится с известным русским ученым и путешественником Петром Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским, который рекомендует юноше ехать в Тифлис через Пятигорск и Владикавказ по всемирно известной Военно-Грузинской дороге. Так Пастухов и поступил, своими глазами повидав места, поэтично описанные Пушкиным и Лермонтовым, Толстым и Грибоедовым.

В течение первых пяти лет работы на юге Андрей Васильевич провел съемки Гимринского и Андийского хребтов, побывал на многих снежных вершинах. Остался Казбек — белое пятно на топографической карте Большого Кавказа. Подготовка к штурму пика началась со сбора информации о подходах к вершине, о исторической и современной геологии хребта.

Современному альпинисту показалось бы диковинным снаряжение тогдашних покорителей гор. Сапоги с металлическими пластинами и шипами (вроде нынешних «кошек» на альпинистских ботинках). К деревянным альпенштокам приделали металлические части от военных винтовок. Вместо спальных мешков и палаток приспособили бурки, башлыки и овчинные тулупы. Обычные дорожные вещевые мешки выполняли роль рюкзаков. Особое место в них было выделено для приборов и измерительных принадлежностей, которые были крайне необходимы для составления карты Казбека и его окрестностей.

Далее встала еще более мучительная проблема: с кем идти в связке? Местные жители, сравнивая самодельную амуницию с тем, с чем ходили на маршруты Казбека иностранцы, качали головами. К тому же, летом 1889 года погода «закапризничала». Да и выбранный маршрут со стороны ледника Майли по сложности и опасности был гораздо серьезней, чем со стороны Военно-Грузинской дороги, откуда традиционно начинались маршруты иностранных альпинистских групп. Тогда Пастухов решает идти на Казбек в сопровождении нескольких носильщиков, которых он лично сам выбрал из числа военнослужащих Сунженско-Владикавказского полка.

Перед самым выходом на маршрут к Пастухову пришел осетин Тепсарико Царахов, который, несмотря на преклонный возраст — более 60 лет, выглядел довольно бодро и попросился идти на штурм Казбека. В беседе выяснилось, что Царахов был опытным охотником, хорошо знал большую часть маршрута — от Кармадонских источников до верхних ледопадов ледника Майли. Поколебавшись, Пастухов дает согласие.

27 июля 1889 года началось восхождение на Казбек.

Утро выдалось туманным, серым, плохая видимость. Крутые ледопады ледника Майли гасили скорость, к тому же, по леднику протекало много горных потоков, которые требовали от путников большой осторожности. Нередко путь преграждали ледниковые трещины, часть которых была забита прошлогодним снегом. В одну из таких трещин провалился Пастухов, идущий впереди, но его легко вытащили товарищи, поскольку запаслись шестом, который несли по указанию Пастухова для установки флага на вершине Казбека.

С каждым шагом идти становится труднее. Самодельное и не очень удачное снаряжение, незначительный опыт участников в горных походах, низкая калорийность продуктов питания давали себя знать. Местами на ледниковых склонах, при крутизне более 60 градусов совершенно не держали самодельные «кошки», и тогда приходилось вырубать ступеньки на льду. На высотах более 4000 метров над уровнем моря при разреженном воздухе рубка ступеней — адский труд. Работали по очереди, но казаки-воины от непривычного труда на высоте быстро уставали. Наконец они не в силах были идти дальше.

Теперь восхождение продолжают Пастухов, Царахов и два наиболее сильных казака — Потапов и Лапкин. Но вскоре и у Потапова появляются признаки горной болезни, и поэтому решено оставить его с запасом продуктов и теплой одеждой в удобном и защищенном от ветра месте. В группе остались трое: Пастухов, Царахов и Лапкин.

На высоте 4500 метров сделали последнюю перед штурмом ночевку. Отсюда до вершины было совсем близко. Надо бы хорошо отдохнуть перед решающим броском. Но как спать при таком холоде без палаток? Решили соорудить ветрозащитную стенку из камней, чтобы хоть немного уберечься от пронизывающего холодного ветра. Впоследствии Пастухов напишет в своих путевых заметках: «...Побегав немного по площадке и несколько согревшись, мы решили опять лечь...» Так продолжалось всю ночь. Так короталось время, чтобы ранним утром идти на штурм Казбека.

Однако бессонная ночь, систематическое недоедание, плохое снаряжение и приступы горной болезни полностью обессилили и Лапкина. Теперь на штурм Казбека Пастухов идет с осетином-охотником Тепсарико Цараховым. Но вскоре новая беда — у Царахова из ушей пошла кровь. Получасовая остановка на вынужденный отдых, протирание ушей снегом — кровотечение остановилось.

Снова в путь-дорогу. Снег сменяется скалами, осыпями, льдом. Метр за метром, ценой колоссального труда и усилий двое смельчаков — Пастухов и Царахов преодолевают коварные последние метры.

В 4 часа дня 29 июля путники были на вершине Казбека. В путевом дневнике Пастухов написал: «...Величественный вид, открывающийся отсюда, не поддается описанию».

На вершине Казбека Андрей Васильевич выполнил топографическую съемку, провел метеонаблюдения, зарисовал вид с вершины, установил большой флаг, который был виден из Владикавказа и других населенных пунктов в бинокль.

Трудным оказался и спуск с вершины. Только на пятый день покорители Казбека были у теплых ванн народного курорта в Кармадоне, где их с нетерпением ждали.

Восхождение Пастухова и Царахова было первым научным покорением Казбека. Оно дало много сведений по геологии, метеорологии района, впервые было сделано по-настоящему топографическое описание маршрута на гору. Сделанная при неблагоприятных погодных условиях съемка вершин Казбека и Эльбруса отличается большой точностью и аккуратностью исполнения и до наших дней сохранила свою ценность.

Позднее Пастухов покорил труднодоступные и малоизученные вершины Кавказа: Эльбрус — в 1890 году, Халаца — в 1891, Шах-Даг — в 1892, Арарат и Алагёз — в 1893, Большой Арарат — в 1895 году.

ГРЕЧНЕВУЮ КАШУ СЪЕЛ...

Тоскливо на дворе и неуютно. Зима... Лютый мороз и вьюга, ветер завывает в оконных рамах. А дома тепло: жаром пышет русская печь, гудит огонь. Постукивает дверца—это пламя клокочет и бьется, языками слизывая лузгу, сыплющуюся из жестяной воронки в подтопок. Время от времени кто-нибудь из нас наполняет воронку новой порцией топлива.

Уже в первую зиму востного лихолетья наша семья в Сарапуре отапливала дом не дровами, а шелухой гречихи, лузгой. С дровами стало очень трудно, не раздобудешь. А шелухи этой скопилось на крупозаводе горы, и продавали ее населению за какие-то копейки...

В гречишных краях издавна использовали лузгу как топливо. Добро не пропадало. Кустари-жестянщики даже придумали специальные приспособления для засыпки лузги в печь. Это оригинальное устройство называлось «машинкой», их продавали на базаре, и спрос был устойчивый.

Теперь можно себе представить, как много выращивали гречихи в Предуралье—на Каме, Белой, Уфе и в других местах,—коли ее шелухой топились, как дровами.

Не испытывали в этих местах люди недостатка в ядрице, гречневой крупе. Нет своей, со своего поля—всегда можно купить на базаре или в магазине.

«Гречневая каша—матушка наша»,—говаривали на Руси в старину и сеяли гречиху повсеместно. Гречишным был и уральский край. Постоянные читатели «Уральского следопыта», наверное, помнят наши рассказы о том, как на Урал вместе с русскими переселенцами пришли рожь, ячмень, пшеница, просо и другие сельскохозяйственные культуры, которых не знали и не возделывали аборигены края—кочевники-скотоводы. А вот гречиху они знали, сеяли. Гречка—сама абориген Урала. В народе бытовала легенда, уже основательно подзабытая, как пришла на Русь гречиха из Золотой Орды. Подтверждается это и наукой.

Где гречиха, там и пчеловодство: без опыления пчелами гречиха не созревает. А цветы ее—прекрасный медонос, дают богатый взяток. Крупные русские и башкирские села Прикамья—Армязь, Ведрец, Зелени, Балаки, Каракулино, Кигбаево, Мостовое, Ершовка и многие другие—были медовыми. Некоторые крестьянские дворы имели пасеки в десятки, до сотни ульев.

Богат тот, кто накапливает—приобретая, не теряет. Мы же бездумно теряем, не бережем то, что приобретали наши предки в сельском хозяйстве. Оттого и скуднеют наши поля, не заполняются доверху уральские закрома зерном озимой ржи, проса, гороха, гречихи. Мы уже позабыли, когда росли на уральских нивах лен, горчица, клевер...

Еще в тридцатые годы в зоне Урала гречихи сеяли много, хотя и гораздо меньше, чем до революции. В войну и после нее дело пошло на убыль. Если середину войны, 1943 год, по посевам гречихи на Среднем Урале принять за сто процентов, то 1945 год будет равен лишь 68, а 1947-й—56 процентам.

В 60-е годы гречишное поле несколько увеличилось. В 1961 году оно достигло 5600 гектаров. А потом опять начался спад, и к 1988 году уральцы скатились до нуля. Ни одно хозяйство области, по данным Свердловского облплана, этой культурой не занималось. Не найти ее даже на полях Свердловского сельскохозяйственного института и УралНИИСХоза... Как-то один молодой сотрудник этого научного учреждения с горечью и иронией заметил: «Хоть бы посмотреть на живую гречку—какая она!»

Не лучше и в Предуралье. В Сарапуре уже давно не отапливаются лузгой, ибо крупозавод не вырабатывает больше ядрицы—не из чего! Если в 50-е годы гречиху сеяли не только все совхозы и колхозы, но и многие подсобные хозяйства предприятий, то теперь ею занимаются лишь отдельные энтузиасты-агрономы.

Об одном из таких энтузиастов рассказал мне Сергей Шайдулин, журналист. «Осенью 1987 года приезжаю в село Деявото, центральную усадьбу колхоза имени Суворова. Перед самой деревней—все в цвету гречишное поле, гектаров 10—15. В том году весна и лето запаздывали, сроки полевых работ сдвинулись к осени, и похоже было, что цветущая гречиха, не созрев, уйдет под снег. Выказал свои опасения главному агроному колхоза Николаю Петровичу Кирьянову, а он и отвечает: «Да, зерна, крупки гречневой нам не видать нынче. Зато на колхозной пасеке меду в достатке. И сейчас еще, в сентябре, пчелки берут с этого поля нектар. А гречиху скосим на зеленый корм скоту. Не пропадет и под снег не уйдет...»

Как видим, даже в трудной ситуации от гречихи есть выгода и доход. В 1989 году в порядке госзаказа семь колхозов и совхозов Сарапурьского района из пятнадцати хозяйств засеяли до 1000 гектаров гречихи. Среди них и колхоз имени Суворова.

Нашлись энтузиасты гречихи и на Среднем Урале. Для опыта, не показывая в отчетах, сеяли гречиху на участках по шесть—десять га Усинский и Афанасьевский совхозы в Ачитском районе. В июне 1989 года уже официально, планово посеяли гречиху на 170 гектарах колхозы имени Тмиряева и Свердловка, «Восточный», «Красное знамя» Богдановичского района.

Первые, радостные ростки возрождающегося гречишного поля... Не погибнуть бы им. На Урале гречиху надо восстанавливать крупно, решительно.

Но прежде следовало бы разобраться, почему она исчезла с полей, почему ее перестали сеять.

Гречиха с ее урожайностью в восемь-десять центнеров не дает сумму в вал, в этот пресловутый, обобщенный показатель, по которому оценивается работа хозяйства. Так в один голос заявляли мне специалисты в Удмуртии, в Предуралье и на Среднем Урале. Под ячмень и яровую пшеницу можно валить огромное количество минералки, собирать по 30-35, да по 50 центнеров с гектара и ходить в передовиках. С гречихой надо еще полотсть.

«Культура эта трудоемкая,—объясняла мне Галина Степановна Кузнецова, доцент кафедры растениеводства Свердловского сельскохозяйственного института, много работавшая в хозяйствах области агрономом.—Культура теплолюбивая, боится заморозков, поэтому и высевают ее поздно—в июне. Зреет не ровно, снизу. На одном стебле есть и уже вполне зрелые, осыпающиеся зерна, и только еще наливающиеся соком. По этой причине возникают сложности с уборкой и обмолотом. Не переносит она и жары, и дождей, которые мешают опылению цветков пчелами. Из неопыленных цветков только четвертая часть образует завязи, да и то у половины из них созревают неполноценные зерна. Невелик доход у гречихи: слишком низкая закупочная цена. А высокоурожайных сортов, таких, как казанская «Карикитянка» или сибирская «Ирменка», с урожайностью до 34 центнеров с гектара, не хватает на Среднем Урале.

Владимир Родионович Лаптев, коллега Г. С. Кузнецовой, старший преподаватель кафедры растениеводства, вырос в уральском селе, знает нужды деревни, знает проблему гречихи, но рассказывает вот о чем. Один директор

уральского совхоза вознамерился было выращивать гречку, да не нашел... крупорушки. Не на чем зерно обдирать, рушить. Была профессия такая: рушель — специалист по выработке ядрицы на конной или паровой мельнице-крупорушке или на крупозаводе. Один какой-то завод на Волге изготавливает крупорушки, да за ними очередь на пятьдесят лет вперед. Вот ведь проблема — на Урале крупорушки не сделать...

Виктор Степанович Антонов — начальник отдела по производству и переработке продукции сельского хозяйства Свердловского областного агропромышленного комитета. Вот в чьих руках судьба гречихи, ржи, гороха, проса... Я спросил его: какие сельскохозяйственные культуры надо бы выращивать на Урале, но мы их не возделываем? И почему?

Получил ответ такой:

— Что у нас, на Урале, растет, то и есем. Персики, например, не садим. А о гречихе уж слишком много разговоров! — И адресовал меня в облплан.

А я не очень поторопился покидать агропром. Длинный коридор, ровные шеренги дверей в кабинеты. В конце коридора, направо — приемная и рабочий кабинет Виктора Степановича. Секретарь, телефонные аппараты, полированные столы. Светло. Тихо. Уютно. Как же далеко отсюда до колхозного поля с его бесконечными нуждами и заботами...

Иду я по длинному коридору и размышляю — так кто же оставил народ без гречневой каши? — придумываю запоздалый ответ. А ответ вот какой. Развивается сейчас массовое огородничество, и ведь наверняка нашелся не один чудак, у которого на небольшом участке и гречка прижилась. Есть же любители, которые выращивают на Урале и лимоны, и виноград, и те же персики. Но не в агропроме эти любители... А впрочем, мысль это не моя. Ее мне подсказал ученый-селекционер Василий Васильевич Ярин: «Верно, гречиху как теплолюбивую культуру сдвинули к западу; но это не означает, что ее не надо выращивать и распространять у нас».

На Урале в шестидесятые годы работала председателем колхоза Владислава Ивановна Смирнова. Было это время взлета и падения гречихи. Так вот, она считает: неверно, будто гречиха не решает задачу обеспечения продовольствием, а потому не надо тратить на нее силы и время. Причина — в частых реорганизациях сельского хозяйства, которые лишь мешают делу: нет стабильности — отсюда неуверенность в работе, теряется опыт, исчезает интерес к труду.

Ну, и еще этот, будь он неладный, вал. Разве он одну гречиху погубил? Старый челябинский тракт... Поля совхоза «Бородулинский». Знакомая дорога, знакомая картина: зеленая стена идущей в колос озимой ржи и рядом — тощие яровые. Догонят ли они рожь? Но под рожью поля невеликие, а потому и давно забылся «хлебей ржаной — отец наш родной», нет ржаного каравая на прилавках. Виновник — тот же вал. Под озимыми слишком долго оказывается занятая земля — вот и сеют больше яровые. И агропрому проще: меньше культур — меньше забот, спокойнее жизнь, а зарплата та же.

А люди-то помнят эту культуру и горюют по ней. Свердловчанка И. Матюгина пишет: «Во время войны у нас, в Нижнесергинском районе, я встречала то тут, то там небольшие делянки, где цвела гречиха. И нынче можно бы взяться за выращивание ее, если закупочные цены сделают эту культуру выгодной».

А пока... Наши дети даже не представляют себе запаха гречишного поля. Ученый мечтает хотя бы увидеть гречку... И редко в домах запахнет чудной кашей. А вместо неповторимого гречишного меда нам предлагают искусственный сироп.

Владимир СТАХЕЕВ

Семейные реликвии

Недавно мать подарила мне вещь, по нынешним временам, прямо скажем, редкостную. Ну где же сегодня увидишь и услышишь настоящей колокольчик! Давно уж отзвенел его малиновый голос.

Но не только как эхо деревенского детства дорог мне этот колокольчик с хрустальным звоном. Он дорог мне, моей семье еще и вот почему. Тройка коней с этим колокольчиком на дуге открывала свадебный поезд моих родителей. С колокольчиком схала под венец мать моей мамы, а она звонкое это наследство получила от своей матери, моей прабабки. Три поколения свел в брачный союз этот колокольчик!

Да сколько же ему лет, в самом деле? Моей маме — семьдесят три. Знаю, что бабка с прабабкой поболее этого прожили. Около двухсот лет выходит! Так значит, он и Пушкину современник, этот бубенец.

От времени он потемнел, покрылся налетом. Я почистил его мелкой наждачной шкуркой, отшлифовал сукном, подладил язычок внутри — и хоть смотрись в него, как в зеркало, хоть слушай... Немудреная вроде мелодия, а отчего-то стонет, щемит в груди.

Что будет дальше с этим колокольчиком? Жизнь есть жизнь. Может, лет через пяток-десяток прозвенит он и для моей дочери, как звенел над свадебным поездом полстолетия назад, век назад...

...Семейные реликвии. Часто ли мы задумываемся: есть они у нас, что можно к ним причислить? Наверное, реликвией может быть не только вещь редкостной красоты или старинной работы, и уж тем более — большой денежной стоимости.

Недавно нашел пачку своих солдатских писем, адресованных матери. Перечитывал до глубокой ночи. Двадцать лет спустя безыскусные слова: «Служба идет нормально, отпуск пока не обещают...» — заставили и улыбнуться, и крепко взгрустнуть. Ведь это — страничка твоей судьбы, частица твоей истории.

В нынешний стандартный век памятную вещь в доме увидеть все труднее. Я не имею в виду нынешнюю моду на «ретро», на поделки «под старину» или даже подлинно старинные предметы, которые приходят в дом со стороны, для забавы и престижа, и остаются в нем чужими. Говорю о вещах, дорогих прежде всего тем, что они согреты руками наших предков. Почему не бережем мы личные, семейные реликвии? Помните: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем».

Сейчас начал перебирать в памяти и поперхнулся горечью: сколько же утеряно, безвозвратно утрачено таких вот живых свидетелей истории нашей семьи...

Помню, пацаном примерял отцовскую буденовку, в которой он служил еще срочную до войны. Теперь только и вижу ее на случайно сохранившейся отцовской фотографии тридцатых годов.

Где же теперь Георгиевский крест IV степени, полученный дедом по матери еще в русско-японскую войну, шашка, которая тоже была ему наградой за воинскую доблесть?..

Все это — моя память, живые свидетели истории моего самого обыкновенного крестьянского рода. А ведь о многом они могли бы напомнить, о многом рассказать.

Ну, а если каждому из нас как следует, хорошенько посмотреть вокруг себя: что тебе дорого, что несет в себе отзвуки далекого прошлого? И сохранить.

Лев СОРОКИН

Я ВИЖУ ТО, ЧТО СКРЫЛОСЬ ВДАЛЕКЕ...

Воспоминания о первых свиданиях

* * *

Просто горе для мальчишек:
Мир черемухой пропах.
Все девчонки стали выше
На сверхмодных каблучках.

Нет покоя ни минуты,
Как же нам себя вести:
Всем девчонкам почему-то
Стало с нами по пути.

А с Маринкой близко-близко
В нашем классе мы сидим.
А она строчит записки,
Словно я уехал в Крым.

Наплывает лунный вечер,
Птичий гам затих в саду.
— Не пойду я с ней на встречу!
Не пойду!..
А сам иду.

Просто горе для мальчишек:
Мир черемухой пропах,
Все девчонки стали выше
На сверхмодных каблучках.

* * *

А со мной,
Со мной ли это было?
Может, где-то в книге прочитал? —
Ты меня любила,
Разлюбила,
Молча проводила
На вокзал.
Крашенные дрогнули ресницы,
Звякнули в составе буфера.
И закрыла двери проводница
В наше незабытое вчера.
Ты махала,
Долго мне махала,
Обходя перронные столбы.

С той поры
На всех земных вокзалах
На меня ты смотришь из толпы.

КОНКУРС КРАСОТЫ

Собираются красавицы,
Снова конкурс красоты.
Только мне они не нравятся,
По душе мне только ты.
Современными нарядами
Блещет юности парад.
А меня, как прежде, радует
Повседневный твой наряд.
Заграничные, советские
Длинногого ходят мисс.
Но девчонку я соседскую
Умоляю: «Улыбнись!»
Кружат, кружат танцы бальные,
Ждут избранницу дары...
Только близкие,
Не дальние,
Согревают нас костры.

* * *

Все солнечнее стали мы,
В снегах уже видны
Проталины,
Проталины —
Следы большой весны!

И ты мой взгляд заметила,
Не опустила глаз,
И ты мне вдруг ответила
Улыбкой в первый раз

И я, как мальчик маленький,
Кидаю вслед снежком.
Проталинки,
Проталинки
На сердце
На твоём!

* * *

Лирика —
Это пейзажи:
Реки,
Озера,
Тайга.
Только промышленной сажей
Густо покрыты снега.
И городские рассветы
Вязнут в белесой пыли.
Горькие эти приметы
В лирику годы вплели.

Лирика —
Это признанья,
Знойные ночи без сна.
Звезд вековое мерцанье,
А на заре —
Тишина.
Только в идиллию эту
Вколот негаданно СПИД.
Грозного века примета
Душу опять бередит.
Лирика —
Радость и горе,
Вера, надежда, мечта.
Лирика —
Это, как море,—
Разные в море цвета.

* * *

То спелое поле,
То ржавый пригорок,
То в травах реликтовых
Древний курган.
А кто в том кургане,
Герой или воробей?
О, сколько погибло
В боях россиян!
А сколько их было
Извечно охочих
До русских просторов,
До русских хлебов —
И орд,
И тевтонов,
И прочих,
И прочих
Сжигающих землю
Несметных полков.
Хоть Русь выжигали,
Она вырастала,
Умел и отстроиться
Ратный народ.
Недаром Россия
Березовой стала,
Береза
На месте пожара
Растет...

* * *

Ко мне десятиклассники пришли.
Не стол меж нами —
Сорок лет меж нами,
Что втиснуты в Историю Земли
С победными и смутными годами.
Я вижу то,
Что скрылось вдалеке,
И не боюсь
Ни запятых,
Ни точек.
Мы говорим на русском языке,
И все-таки нам нужен переводчик.
Он нужен,
Нужен,
Чтоб перевести
Мои года
На молодые годы,
Перевести вечерние пути
На первые дорожные восходы,
Перевести на радость первых встреч
Мою печаль
Последних расставаний...
Узнали бы,
Как хочется сберечь
Тревоги многоцветных расстояний.

Круши Магистра

Иван
Таланов

ПОВЕСТЬ

РИСУНКИ
ДМИТРИЯ
ЛЕБЕДИХИНА

ВСТУПЛЕНИЕ. ГРАНИЦА

Закат полыхнул в последний раз. Бросил снизу пламя в темно-лиловые волны наступавших облаков. Потом угас до неяркой желтизны и зелени. Сумерки стиснули полоску чистого пространства над горизонтом, а за ними потянулась синяя ночь и задрожали первые звездные огни. От ручья всплыл над полем, над перелеском туман.

Они остановились. Тимка печально посмотрел в себрюбую дорожную пыль.

— Ну, иди домой,— сказал Вадим,— проводил уже.

Он задрал голову, глядел в небо, держа вещмешок на согнутой руке.

— Пойми, Тим, не могу я тебя с собой тащить... У тебя папа и мама здесь. Друзья... Ты ведь их не бросишь?... Ладно, пройдем еще немного.

Наступила темнота, но была она прозрачной, легкой, нестрашной. От звезд зажглись в траве капельки-искры, плыл светящимся облачком туман.

— Что делать будем? Как теперь тебе домой добираться?

И тут, осыпая росу, поднялась из высоких трав круглая мохнатая тень, глянула красными маленькими глазками. Тимка не испугался. Вадим стоял рядом и смотрел на странную тварь спокойно, только немного грустно.

— Вот и все... Здравствуй, старый.

— Здравствуй, бродяга,— проскрипел в ответ мохнатый комок.— Все никак успокоиться не можешь?

— Эх, сторож! Всякая дрянь через Границу лезет, а ты со мной разбираешься.

— Какая такая дрянь?— беспокожно заворчался сторож.

— В чудесном добром мире,— медленно сказал Вадим,— вдруг раздавили бульдозерами целый Детский город на Берегу. И все больше мелкой мерзости вокруг, вроде Марьяниколавны из местной жилконторы.

— Ваши это дела, ваши, человеческие! Не лезу я в них,— забубнило страшилище так поспешно, что Тимка усмехнулся через все печали дня.

— Вадик, кто это?— прошептал он. Меж обычных слов разговора сквозила непонятная жуть. Нет, сторожа он не боялся. Дело в другом...

— Здесь горизонт мира, Тим. А это создание вроде охраны на Границе.

В сыром воздухе медленными волнами расходился плотный аромат ночных цветов. Где-то занудливо тянул трели сверчок. Только дорога светлела впереди. Тимка всмотрелся: призрачные тени ходили над нею, скручивались вихрем, как ветер в жаркий летний день. И еще услышал он, как громыхнуло где-то далеко и раз, и другой, а потом отозвалось тяжелым гулом.

— Слышишь?— мрачно сказал Вадим неизвестно кому.

Тимка стоял оглушенный. Мыслей не было, горечь одна. «Не уходи, ну пожалуйста...» Что-то невнятно проскрипел сторож.

— Отвел бы лучше человека домой,— попросил Вадим.

— Я-то отведу...— Сторож затрепал всеми суставами своих паучьих лапок, завозился в траве, задергался.

— Что, не одобряешь меня?

— И правильно,— сердито сказал Тимка.— Я ребят не брошу, родителей и Город не брошу, а ты нас...

— Ну что ты, ей-богу...

— И сказать тебе нечего,— прошуршал сторож.

— Тим, здесь Кашинцев остается, вы к нему в случае чего...

— Остается... Тебя они боялись, потому что ты их не боялся. А Кашинцев... он хороший, но...— Заледнело все у Тимки, как в тот догоревший день, и вновь блеснули в глаза отполированные жестким песчаником

(22)

траки пяти громадных черно-желтых машин. Бульдозеры надвигались уверенно, с хрустом рассеялся, превратившись в мелкую труху, дом Хранителя ключей. Тогда Вадим сунул в рот кончик травинки, неторопливым шагом обогнал бульдозеры, встал перед головным, перед его сверкающим, отчищенным ножом. Потом глянул искоса в кабину и стал смотреть на озеро, как оно сверкает, подмигивает и синее поодаль от берега.

Бульдозер ахнул, бросил в небо струю черного дыма, замер. К Вадиму бежали ребята, и остальные машины, обиженно посигналив, заглушили моторы...

А теперь он уходит, и путь его в дали не космические даже, а вовсе какие-то безнадежные. Там будет опасно, страшно, больно...

— Ты и впрямь думаешь, что они оттуда?— проскрипел сторож.

— Не знаю, нам не удалось отстоять Город, а настоящего врага вроде и не было... А еще, когда шли в первый раз эти дуры на гусеницах, мне почудилось за стеклом кабины знакомое лицо. Помнишь, старина, Великие равнины?

— Вадик,— позвал Тимка.— Давай все-таки вместе пойдем. Папе с мамой и ребятам письма напишем, они поймут. Ты ведь один уходишь!

— Тим, ты же помнишь Устав Ордена. Вас, Рыцарей Радуги, осталось всего пятеро. Но я знаю, вы и сейчас вместе, а на рассвете там, где был Город, звучит наш «Утренний горн». Теперь я, Магистр, прошу: не теряйте тех, кто остался верен нашему братству, бой еще не кончен... А я вернусь, честное слово.

— Но нас трое...

— Аль и Гранька,— виновато объяснил Вадим.

— Мы не успели их принять...

— Они уже давно в Ордене.

Вихорек прошел рядом, тронул холодком кожу, будто перебрал легкими пальчиками, отодвинулся. Мальчик покосился на дорогу. Вадим сказал:

— Гранька пришел с Великих равнин; Аль... Он вообще знает секреты Звездных Путей. Я встретился с ним в Песчаном лабиринте. Такое место... Не знаю, как объяснить...

— Где оно?

— Говорю — не объяснить. Везде...

— А потом? — шепотом спросил Тимка...

...Месяц назад. День был яркий, особенно солнечный, весь в золотых бликах и ниточках. А вокруг зеленой башни носилась Марьяниколавна, потрясая грозной бумагой Приозерского Управления по Жилью и Быту.

Город, по ее словам, уводил не туда, работал неправильно, и вообще рыцари, оруженосцы, мастера и подмастерья только тем и занимались, что сбивали с толку детей добропорядочных граждан. Впрочем, в добропорядочности родителей, отпустивших детей на такое подозрительное дело, она сильно сомневалась.

Вот тогда стало ясно, что игра кончилась. Марьяниколавна размахивала постановлением, как знаменем, и переступала пухлыми ногами, будто ей самой хотелось пойти на таран стен и башен. А через неделю пришли бульдозеры.

Теперь Город уходил, отодвигался в непонятные дали, соединялся с судьбами иных миров и людей... Легкий звон прошел над травой.

— Магистр... Мы Город не забудем. Но Гранька и Аль, они останутся?

— Не знаю. Говорил им, но они сами рыцари. Устав...

— Я понимаю...

— Пора...— тихо скрипнул сторож.— Иди, если идешь...

Тимка не заметил, как растаял в призрачных вихрях человеческий силуэт. Темнота стала плотнее. А Тимка и Сторож все стояли, хотя уже никого не было на дороге.

«Аэлига»-90

Третий день над городом стояло жутковатое звенящее безмолвие. Только в траве на пустырях отчаянно верещали кузнечики, точно боялись, что вот-вот ударит вовсе не летней грозой и тогда никто уже не расслышит их трели.

Замолчали осадные восьмидюймовки за железно-дорожной насыпью. Перестала грохотать Артиллерийская горка, в городе стих резкий штуцерный треск.

В каменных прокаленных солнцем кварталах пожары угасли в первую ночь перемирия, хотя не находилось смельчаков, чтобы спуститься за водой к гавани, а водовоздную башню на Абрикосовке расстреляли прямой наводкой королевские броненосцы. Они так и торчали на рейде, вытянув частокотлы труб, придавили Корабельный залив тяжелыми серыми телами из дельцовой стали. И дула орудий тупо смотрели на город из развернутых башен.

Ночами по мостовой гремели шаги патрулей. В слободу не совались, в Абрикосовку тоже, ходили вдоль Городского шоссе до Ратушной площади и обратно.

По одной стороне — крепкие парни в белых форменках и черных суконных брюках: белые береты Королевского флота, патронные сумки на ремнях, штуцера через плечо.

Напротив — стражники в мундирах песочного цвета: блеск начищенных сапог, карабинерские палаши, желтой кожи пристяжки револьверов, широкополые черные шляпы.

— Смута! — безнадежно качали головами горожане, покрепче запирая на ночь ставни.

А по улицам вольно бродили ветры, закручивали вихрями белую пыль, уносили горький запах взорванного, сгоревшего жилья.

Завечерело, стрекот кузнечиков сник. Ветер, гнавший весь день облака в океан, зашел от полуночи, стал жестче и холоднее. Закат поднял свои сполохи. Тучи, катившиеся к горизонту, зажгли кромки, потемнели и стали похожи на клочья сгоревшей бумаги, раздуваемой ветром.

— Закрыв бы окно, Винтик.

Мальчик не ответил. От несомого бесшумного полета облачных миров в груди поднимался тревожный холодок. Небо звало, открывало прозрачные пространства, как будто из дальних далей доносил ветер звук походной трубы. Бежали по спине мурашки, тело становилось легким, слепленным из тополевого пуха, толкнись — полетишь. Но другая тревога, злая и тяжелая, отпустила только на мгновение, а потом снова заворочалась колючим противным комком, от которого щипало в горле и в носу.

Заря успела побледнеть до слабой желтизны, теперь она ползла по горизонту; там, на севере, пришло время белых ночей.

Снизу послышались голоса, довольно горланившие «Стального гиганта», лягающий шаг подкованных ботинок. Вадим тронул мальчика за плечо, прикрыл осторожно створки, задернул шторы.

— Извини, малыш, но эти пальнуть могут.

Винтик посмотрел ему в лицо, чтобы вышло убедительнее, и сказал:

— Ну давай завтра пойдем искать Даню и Мари. Мама говорила, что слобода цела.

Вадим покусал нижнюю губу.

— Ладно, завтра... А может, дождешься школы? Там встретитесь.

— Ну да, три дня еще... И поговоришь там! Сразу дежурная дама уши навострит...

— Ну и школа у вас...

— Вадик, а ты на флоте служишь?

— Нет, в Морской охране. Да и служба эта... Моторы, механизмы.

— У вас же парусники.

— Катера еще... — Он дотянулся до выключателя,

щелкнул. — А, черт, опять света нет. — Раздосадованно плюхнулся на скрипучий диван.

Винтик забрался туда с ногами, ткнулся в суконную, пропахшую морем и мотором куртку, и Вадим тихонько обнял его за плечи.

— Ты о чем думаешь? — Мальчик выпростал из-под Вадимовой руки взлохмаченную голову.

— Вечер сегодня... Дурацкий какой-то...

— Ты за тетрадьми пришел?

— Нет, все бумага в башне. Надо было с твоим отцом поговорить.

За окном обреченно гудел ветер. Винтик услышал, как Вадим бормочет про себя: «Что же этой дряни от ребят-то нужно...»

Вдали пересыпали звонкую медь куранты.

— Вадик, почему Морская охрана не за короля?

— А ты за короля?

— Вот еще! У нас вольный город.

— Вольный город Бремен...

— Чё?

— Ну, там, откуда я родом, есть такой город.

— А на карте он есть?

— Какая там карта...

Хоть и взрослый, и с шевронами инженера на рукаве, почти офицерскими, только серебряными, но чувствуетея у него какая-то мальчишечья боль. И нездешняя темная грусть. Теперь многим больно и плохо. Даня исчез... Винтик прижался к Вадиму.

— Ложись-ка спать, гражданин вольного города.

— А папа?... встревожился Винтик.

— Он придет, ты не бойся, просто, видно, у него разговор долгий вышел.

— С кем?

— Да так, в Ратуше... Спать.

Вадим подхватил мальчика на руки. Тот брыкнул тощими коричневыми ногами.

— Вы, сударь, не дергайтесь, все равно не отпущу, — строго сказал Вадим. Винтик обнял его за шею.

— Ты не уйдешь? — сонно спросил он.

— Дождусь, пока твоя мама придет из госпиталя...

Утро началось с горна городского трубача, проскакавшего в черно-золотом камзоле от площади Побед до Зеленого кургана. Так полагалось по стародавнему обычаю. Во время Смуты трубача вроде бы посадили в тюрьму, устроенную для военных нужд из цирка, то ли держали под домашним арестом в Ратуше. Люди короля и стражники в один голос утверждали, что он своей трубой сбивает с толку солдат... Переливы утренней песни под звонкое щелканье подков возвращали прежние теплые и ясные дни. Они были совсем рядом, со своими рассветами, долгими играми, похождениями следопытов на Стапельном пустыре и острым запахом жестких коричневых груд водорослей, к которым тихо, пересчитывая каждый самый мелкий камешек, докапывается присмирившая после шторма волна, прозрачная, как тонкое зеленоватое стекло; но между этими днями и сегодняшним утром поднялась тусклая тяжелая стена недавней памяти огня и взрывов, шестящего полета снарядов над головой. Каждый мог убить Даню, Вадика, маму, всех! Каждый крошил, разносил в щельбы город, ласковый и добрый, с его синими заливами, со старыми фортами, угрюмо глядевшими на бронированные «утюги», сменившие на рейде шхуны и бригаантины.

А мелодия, чистая и свежая, как утро, прогоняла, уводила, пронесенная трубачом через весь город, те страхи, что вчера еще бродили по улицам вместе с патрулями.

Винтик пулей вылетел из кровати, дел было полно. Дома оказались и папа, и мама, кажется, впервые за последние три месяца они никуда особенно не торопились.

— Пап, пойдем сегодня в слободу? — Это уже, пере-

хватывая бутерброды, после фырканыя под умывальником. Брызги летели во все стороны, на полу вышла лужа, Винтик получил необидный, для общей потехи, шлепок. Ну, а лужу тут же извел он сам огромной жесткой тряпкой. Ладно уж, в честь такого утра...

— Между прочим, ты и один сегодня можешь, заставь сняты,— отец прилебивал кофе с лимоном из огромного бокала с отбитой ручкой.

— Даже не верится,— мама покачала головой. На ней было новое желтое с цветочками веселое платье. Стала она вдруг такой молодой и красивой, какой Винтик ее вообще не помнил.

— Пап, а чего ты так долго не приходил вчера?

— Говорили много слов. Ты, брат, даже не представляешь, сколько нужно их потратить, чтобы доказать очевидные вещи.— Отец посерьезнел.— Например, что мир лучше, чем война, что от нашей идиотской свары всем плохо...

Только сейчас стало видно, как он измотался.

— А ты уверен, что теперь безопасно?— тревожно спросила мама.

— Уверен. Меня сейчас беспокоит другое... Ну ладно, братцы, вам об этом знать не обязательно.— Он прихлопнул ладонью по клеенке, поднялся.— Я к Борису, потом в Ратушу и в редакцию. Так что до вечера. Салют.

Он пошел к двери, горбился, шагал тяжело, и недавняя радость поблекла, съезжилась как-то. Коричневая обшарпанная дверь хлопнула, закрылась.

— Значит, сына... обедать будешь один, я в госпиталь через час, а ты уж как-нибудь осторожнее. Где что взять, знаешь?

Винтик кивнул:

— Я в слободу позже, с Вадимом, он вчера обещал... а пока в гавань.

— Ох, нет у Вадика дел, кроме твоих... Ладно, так лучше будет.

Город оживал. По мостовой, выбитой, щербленой пулями, тархатели, едва не рассыпаясь на ходу, грузовички с камнями, досками, цементом. Они плевались сизым выхлопным дымом, пускали кругом бензиновый перегар и хлопали брезентовыми крышами кабин. Шоферы орали на случайных прохожих. Сюда, на Городскую линию, тяжелые снаряды почти не залетали. Только дворец Норица Нэль Нако получил пару фугасок с броненосцев: целое крыло со статуями, гипсовыми лицам и фальшивыми колоннами легло грудой белых камней. Винтик—с камня на камень— перебрался через завал и—бегом мимо горелого квартала. Отсюда неделю назад началась смута. Стекла были высажены, окна чернели гнилыми зубами. Пятна гари—повсюду на стенах, прежде белых, даже на мостовой черные мазки. Башенки, ветровые гребни на кровлях снесены, пробиты насквозь снарядами полевых пушек десанта, выставленных у Водного клуба. Тут бродили погорельцы, прикидывая ремонт или разыскивая уцелевшие вещи, люди подозрительные, осторожные, неприятные. Винтик заспешил.

— Украл что-нибудь!—удовлетворенно бормотнула вслед толстая старуха, она была в потертом пальто и войлочных зимних сапогах, несмотря на жару.

Если бы не это, Винтик постоял бы у здешней церкви, послушал, глядя в небо, как гудит струнами и трубами ветровой гребень, уходящий крутым изгибом вверх, от малой башни к самой высокой.

За храмом до самого Восточного Форта курчавился густой жесткой порослью огородный пустыр, прорезанный оврагами, невидимыми под плотным здоровенным кустарником, разделенный надвое балкой, заостренной вкрявь и вкось неряшливыми дощатыми сараями. Между оградами можно было пробраться к гавани сразу за Петушиным мысом. Траву в этом году никто не косил, она вымахала чуть не по плечи маль-

чишкам, иссохла и покачивала под ветром белые ершистые колоски. Винтик сорвал один, зажал в ладонях и слегка пошевелил ими. Колосок выскочил упруго, улетел в траву. Винтик счастливо засмеялся: значит, и завтра будет хороший день. Такая примета. В травах прятались плоские валуны, можно было пристроиться на лобом, не опасаясь колючек, достающих через брезент старых шорт, зверски жалящих ноги в сандалиях.

Тропинка нырнула, как в пещеру, в серебристую тень плакучих ив, под ногами зашуршала, осыпаясь, земля. Винтик запрыгал через промоины, неприятно заерзали под пятками острые камешки. Он остановился, сердито дернув ремешок, расстегнул сандалию. И тут сверху, со старой ивы, служившей в прежние счастливые времена штабом «вольных стрелков», посыпался мусор, послышался осторожный сдержанный шорох. Внимание! Нервный холодок тронул тело. Неужели опять абрикосовские засаду устроили? Вот дураки-то, нашли время! Винтик медленно выпрямился, а потом резко глянул вверх, готовясь в случае чего махнуть через кусты, потому что абрикосовские разговорами дело не кончат.

— Ого...—сказал Винтик немного смущенно. В развилке толстых, ребристых от старой коры ветвей устроился мальчишка на год или два постарше Винтика, его алый бархатный берет отвечивал даже в тени золотым знаком летящего сокола... Правда, черная форменная курточка со стоячим воротником засалилась кое-где, а рукава не отблескивали командирскими угольниками, но все равно—Королевская юнгвардия! Да еще из клинковых, если по праву на шортах золотистые лампасы. Все-таки мог бы и не морщиться, как лимон откусил!

— Ну, чего стоишь, будто баран в столб уперся...— При этом мальчишка глянул куда-то за спину Винтика. А сзади вдруг отчетливо застучали кованые каблукки, и тяжелое свистящее дыхание врзалось в лопотанье листьев.

— Беги...—услышал Винтик вдруг отчаянный, вовсе не злой голос мальчишки.

— Стой!—рявкнули над ухом. Проклятый расстегнутый сандаля подвернулся неловко, и колючая боль прошла из ступни под коленку. Винтик упал, проехав ногой по жесткой, рвущей кожу земле.

— О-ой...—Перед глазами замерцало, а сверху надвинулись поля черной шляпы.

— Куда вы так торопитесь, молодой человек?— Голос стражника шелестел, как змея в траве.

«Бульдожья морда»,—беспомощно подумал Винтик. Стражник ухватил за плечо, больно дернув вверх, поставил, повернул к себе. Новый. страх и шошнотворная боль в ноге выдавили слезы из зажмуренных глаз. «Гад... вот гад...»

— Ну!—пальцы, сжавшие плечо, стали железными.—Разве так ведут себя со взрослыми?

За спиной стражника затрещало, захрустело, посыпалось что-то, твердо стукнули о землю подошвы.

— Эй, Кен Виталь, говорят, вы меня искали?

Рука разжалась, Винтик покачулся. Но устоял. Сквозь серую муть в глазах остро блеснул узкий клинок позади стражника. Тот не спеша оглянулся.

— Наконец-то, Алэ Этре Ольхель... Мы было потеяряли надежду...

Коротко свистнул клинок у ремня, и Виталь растерянно повел рукой на месте кобуры.

— Отлично,—кисло улыбнулся он,— вас недаром учили. Но вы пойдете со мной.

— Посмотрим,—голос у мальчишки из Юнгвардии был чуть охриплый, и в нем дрожала яростная нота.

Виталь усмехнулся, повернулся не торопясь, также неторопливо поднял к губам свисток на цепочке. А дальше—быстро. Трелью—свисток, хлестнул сбоку выстрел, берет слетел на землю, Алэ повернулся неловко, лег.

Винтик не понял, а потом дошло, как ледяная вода к горлу, сдавило...

Стражники теперь не обращали на него внимания. Винтик присел, и руки сами коснулись холодной кожи кобуры. Он поднял револьвер двумя руками, ребристая рукоятка вдавилась в ладонь...

— Зачем? Ты спятил. Тут законы... Ты что?!

Револьвер жалко щелкнул. Виталь шагнул вперед, отобрал оружие и назидательно покачал им перед носом Винтика:

— Предохранитель, молодой человек. Такая маленькая защелка.— Оскалился, гад... Неожиданно резко и зло: — Отвечай живо. Где и как ты познакомился с этим своим другом?

— Давно,— Винтик откинул голову, с прищуром глядя на стражника. Совсем рядом были горячие слезы...

— Ах, Нэль Норра, что за семья,— Кен Виталь вздохнул.— Слушайте, Виннет Нэль... Какого дьявола вы дурачите нам головы?

Стрелок хмыкнул.

И тут снизу, от гавани, донеслись шаги. Кен Виталь пригнулся, слушал. Потом выпрямился. А из сходящихся над тропой зарослей акации шагнул Вадим и вслед — какой-то незнакомый моряк из Охраны.

— Вадик!

Но тот уже увидел и, вмиг окаменев лицом, двинулся вперед. Медленно отступил, косея от страха, стрелок.

— Аль...— тихо сказал Вадим, опустился на колени и дотронулся до руки мальчика с той бесконечной нежностью, что взрывается смертным ударом.

Вадим перевязывал Аля, стягивал рану несвежей тельняшкой, разодранной в полосы, жалко морщился. Матрос хлопал стражников по бокам: искал припрятанное оружие. Странно, «черные шляпы» не сопротивлялись. Даже штуцер отдали сразу.

— Бенни,— Вадим поднялся с колен.— Я сейчас в госпиталь с мальчиком, а ты Винтика домой... Ты прости...— улыбнулся беспомощно и слабо.

«Ну вот, плачешь. Ты же большой, не надо...» По-мрачнело кругом. В небе под белой пеленой плыли неровные сизые клубки.

— Так это твой...— произнес Бенни.

— Мой... Аль...

Вадим коротко вздохнул. Потом почистил руки сухой землей, вытер о траву, весь был вымазан в мазуте.

— А этих куда? — Угрюмый Бенни ткнул в сторону стражников стволом штуцера. По латуни прошел длинный отблеск.

— К дьяволу, в Ратушу...— Вадим взял на руки легкое тело Аля.

Бенни посмотрел на стражников.

Кен Виталь скривился, даже глядел в другую сторону. Но вдруг резко обернулся:

— Магистр?!

Вадим вздрогнул спиной, не сказал ни слова.

— В Ратушу,— повторил он так, будто под языком сидела ледышка.— Но вначале мальчика домой.

Они поднимались к городу. Солнце медленно вошло по высокой дымке стальной жаркой просвет. Между пальцев Вадима через повязку сочилась и падала в теплую пыль, скатывала темные шарики кровь Аля.

Отсюда уже видно было весь Восточный Форт, выдвинувший острый угол к Городскому шоссе, а главной полукруглой стеной с откосами обращенный в залив.

— Флаг Директории... Нарушают стражники,— прошептал Вадим.

Двинулись, раскрываясь, ворота, пропустили наружу два желто-серых военных грузовика, в кузовах покачивались черные шляпы, коротко посвечивали эмблемы Директории.

День обманул, колосок обманул. Солнце и разо-

(25) гретые камни, разлегшиеся вдоль тропы, жгли и выворачивали наизнанку чудо утра, а кровь все пускала по тропинке темные горошины. Кровь выходит вместе с жизнью! И ничего нельзя сделать.

— Он умрет? — сипло спросил Винтик.

Вадим встал и жмурился несколько мгновений, как будто вдруг ослеп, рот у него приоткрылся, дрогнули губы. Кен Виталь, шагавший — глаза в землю, налетел на него, свалилась шляпа, и стражник неловко скорчился над нею.

— Стой! — Крик резкий, как выстрел.

Опять люди с оружием, без формы, но с угольниками, нашитыми на рукава пиджаков. «Сколько можно на этой бедной земле», — пробормотал Вадим.

— Гражданская гвардия,— представился высокий, неимоверно тощий темнотлицый человек.

— Не знаю таких,— устало сказал Вадим.

— Узнаете,— безразлично пожал плечами высокий.— Кого задержали?

— По законам города, ведем в Ратушу преступников, пытавшихся убить мальчика.

— Вы обязаны отпустить нас! Этот мальчишка сам преступник, он подбивал к мятежу Королевскую юнгвардию и пытался взорвать дворцовый арсенал! — сорвался на визг Кен Виталь.

— Ого,— по лицу высокого потянулась улыбка, нехорошая, кривая. Он мотнул головой в сторону своих, те разом вскинули новенькие штуцера.

«Папа говорил, что в городе нет оружия, а эти...»

— Мальчишку в госпиталь, стражников в Ратушу, а этих,— он показал длинным обкуренным пальцем на Вадима и Бенни,— в штаб Гражданской гвардии, быстро! — Потом прошагал своими по-дурацки длинными ногами к Винтику.— Вас, уважаемый Виннет Нэль Норра, мы сопроводим домой.

«Вот это да!» Но в мягком, почти бархатном голосе, как жало, сквозила ненависть. Винтик чувствовал: еще немного, и он просто упадет. Вадим понял.

— Инэ, мальчик, иди домой, видишь, не получилось у нас с тобой сегодня, ничего страшного, разберутся...

Только сам не верил, и Винтик не поверил. Он оглянулся, по ребристому металлу гавани неровно, толчками, двигался ялик. «Ну ладно, я... сейчас».

— Вы не нужны мне,— сказал мальчик надменно. «Вадик, сообрази, пойми, пожалуйста». Вадим горестно хмыкнул, помотал головой.

Винтик повернулся, на негнущихся ногах побрел опять вниз, стараясь не смотреть по сторонам, а как посмотришь, вспоминалась утренняя дорога и страшное предательство летнего дня. Вот так: иди — руки в карманы, а в карманах кулаки. Сжимай — хруста пальцы, сам сожмись в кулаки — ни слезинки, ни к чему этим видеть твои слезы. А там — старый пирс, который даже не пирс, а гнилые деревянные сваи да дощатый настил. Там — ялик из слободы. И...

Рыжий мальчишка ехидно препирался с перевозчиком.

— Да-а-аяя!

Оказывается, когда идет дождь, совсем не плохо. За стеной легонько шуршит, скребется вода, шепчет волна в гавани. И твои тревоги смягчаются, отступают.

— ...А Бассас говорит, какого черта на Башню влезли. Те не отвечают, пулемет ставят. Ну, он бороду вперед, да как пошел кулаками, так у них только пятки над балконом сверкнули, а там как-никак сотня футов... — Даня прервался, смущенно глянул на Винтика. — Инэ, ну хочешь, я тебе волчонка подарю? Славный такой, в степи нашли. Или дракончика? Помнишь, Маришка склеивала?

Винтик помолчал.

— Я ждал, а ты не приходил. Вадик забежит на минутку, и опять нет его...

— Инэ,— сказал вдруг Даня.— Ты в школу лучше

не ходи. Сегодня Пронд от рома обалдел, вышел на улицу... Болтал, что «черные шляпы» пойдут по классам.

— Ваш кварталный вечно такой,— неуверенно пробормотал Винтик.

— Нет, они что-то затевают... Смотри!

Коротко и страшно глянул в разрыв неопрятных облаков свирепый ледяной отблеск, закрутил мутные клочья спирали, рассеялся.

— Что это?

Но вновь текли по небу обычные серые хлопья, рассыпая мелкую холодную морось. И комната казалась мальчишкам последним островком в свинцовых волнах Полуночного моря: пронзительная пустота кругом — до бессолнечного бледного горизонта.

Тяжелый сырой ветер, завернувший не по делу от Птичьих скал, мычал и бился в темных кронах древних дубов, обступивших круглые невысокие башни дикого камня. В Замок на Зеленом кургане, некогда избранный Нораном Нэль Гато для своей резиденции, давно уже перебрался решением Ратуши Центральный госпиталь, но так же мрачно глядели на белый свет узкие прорези-бойницы, и Вадим удивился, как здесь вообще выживают.

Где-то ударило, тяжелая звенящая нота прошла над съезжившимся городом. Наверное, куранты у Бассаса, гонг. Колоколов в этом мире не знают. Или опять Весть издалека? Холодок прошел по спине. Господи, сколько можно?.. С ветром что-то принесло... Нет, Песчаный лабиринт здесь на юге. Не то... Но память уже не отпустила.

...Людей тогда встретили на плотине. Солдаты были в зеленых шлемах, пятнистых камуфляжных доспехах, с автоматами и тесаками. Но начали не они: с башни почтамта загрел пулемет, и очередь обозначилась в толпе упавшими. Но не испугались. Цепь была прорвана. Пулеметчика выбросили из окна вместе с его оружием.

Через час в город вошли армейские полки на транспортерах. Их сожгли бутылками с бензином. Тогда лязгнуло над площадями. Черные длинноствольные машины прошлись по улицам, кроша асфальт. И воздух дрогнул от свиста турбин армейской авиации.

По Великим равнинам текло пламя. С экранов теле-сети Вит Алькен вещал: «Наши доблестные воины, поддерживая боевые традиции, громят гнезда мятежников на севере и юге, на западе и востоке». Нос-картофелина лоснился от удовольствия не хуже генеральских эполет. Зубы скалились в улыбке, подбородок от этого еще сильнее убежал назад.

Гранька прибежал домой к Магистру закопченный, усталый, сказал — горько и хрипло:

— Расстреливают пленных. Я от них ушел, а Саню убили.

Магистр сначала не поверил.

Словно черным крылом взмахнули над страной. Так круто сломались недавние тихие времена. Молчаливые скромные люди зубами рвали солдат, ложились сотнями под огнеметные самоходки. Весь Орден был в бою, и безнадежная трясина обреченного восстания глотала их — одного за другим.

Гранька смотрел затравленно и жутко, Магистр не отпустил его на ночь. А сам прошел тайком по домам ребят и взрослых из Ордена. Прежде домов этих было двадцать шесть. Теперь он нашел только развалины. Дом с росписями наполовину разнесло авиабомбой. Рыцари, Мастера Городов, Художники и Капитаны покрывшись темной сажой, смотрели издали мертво в бесформенную тьму разгромленных улиц. Потом стена треснула, заколыхалась под ногами земля, как будто в развалинах ворочался огромный зверь, и сквозь отклевывшие щели глянул белый налет плесени, сверкнул в темноте холодным фосфорическим светом...

[26]

Эхо шагов запрыгало по госпитальному коридору, отогнав прошлое.

— Еще раз здравствуйте, Магистр.— Кен Виталь смотрел устало и как-то обреченно.— Не ожидали?

— Зачем вы явились сюда?— Вадим удивился своему спокойствию.

— Ну, скажем, просто поговорить. Нас ведь здесь всего двое, кто понимает или хоть догадывается, что происходит.

— Меня больше интересует здоровье мальчика.— Вадим встал с жесткой деревянной скамьи, у бедра качнулся клинок.

— Вам оставили меч?— безо всякого интереса заметил Виталь.— А я-то надеялся, что у вас отберут оружие.

Вадим шагнул к двери — плоской, дощатой, белой. За дверью, в палате, лежал раненый Аль, и Вадим испугался вдруг, что кто-то поднимается сейчас по стене к бойнице с ножом или револьвером.

А Кен Виталь, словно не обращая на него никакого внимания, продолжал:

— Магистр, я видел куда более страшные миры; иногда это были пустыни, как снегом присыпанные пересохшей плесенью. Иногда — черные мертвые джунгли. Там оставались лишь руины прежних городов. Только кости мертвецов...

В голосе его, наверное, помимо воли сквозил неподдельный давящий страх, и Вадим задержался, взявшись за ручку двери. Тускло светили коридорные лампочки.

— Магистр, в Кольцах Миров есть какая-то непонятная сила, неподвластная ни вам, ни нам... А ваш мальчик что-то успел узнать...

— И поэтому его хотели убить?!

— Я не хотел. Этот дурак... Возможно, это действие той же силы. Но вы хоть понимаете, о чем я?..

— Мне не хочется разговаривать с вами, Виталь... но, признаться, интересно, в чем же, по-вашему, выход?

— Вот видите, а вы чуть что — за меч хватаетесь,— Виталь победно улыбнулся. Вадим приоткрыл дверь в палату, прислушался: Аль дышал ровно, чуть посапывал.

— Выход прост,— между тем говорил Виталь.— Только порядок, ровный, жесткий, строгий, без послаблений и одинаковый для всех, может остановить распад миров. А вы... Орден, Радуга... Мы не знаем точно, но ведь совершенно очевидно, что Ледяная плесень идет вслед за смутами, войнами, восстаниями... Откажитесь, распустите Орден, станьте нормальным, обычным инженером; вы принесете куда больше пользы людям, работая на заводе в Дельце или вернувшись в Приозерск.

Аль застонал, пошевелился, и Вадим бросился к нему, взял за острые тощенькие плечи, приподнял.

— Что, маленький...

— Вадик... он... он врёт, плесень приходит после. Черное Оружие, оно не убивает таких...

Вспышка ударила в полутьму палаты, горячим ветром ожгло щеку Вадиму. Он упал, закрывая телом мальчика. И — короткое, как выстрел, воспоминание...

...Гранька повеселел немного, болтал ногами под столом, требовал лимонаду. Аль вдруг перестал жевать бутерброды.

— Ты чего?

— Магистр, до каких пор мы будем бегать от всякой мрази?

— На Великих равнинах большинство отвернулось от нас. Даже восставшие не очень понимали, за что дерутся, шли в бой от отчаяния. И... я не мог больше видеть, как вас убивают...

Аль мрачно молчал. Потом соскочил с табурета, отпил лимонад прямо из бутылки, подошел к окну.

— Ты куда?— Мальчик стоял, и яркое синее небо без бомбардировщиков и боевых дирижаблей смотрело в окно. На тонкое лицо Аля лег темный блик.

— Я не про то. Кольца Миров погибают не только

от войн. Магистр, когда-нибудь придется стоять до конца...

До конца... Он вскочил. Меч с шелестом вытянулся из ножен. Второй выстрел Виталия пробил портьеру и высек искру из каменного подоконника, а третьего не было. Стражник вылетел в коридор, потеряв револьвер, придерживая рассеченную ладонь. Магистр прыгнул следом.

...И согнулся, задыхаясь, от удара окованного приклада под ребра.

ПРИОЗЕРСК. БАРИКАДА

Осень сменила лето точно по календарю. Вчера Тимка, собирая учебники, уныло рассуждал об ужасной школьной форме, способной при таком солнце довести кого угодно до белого каления. А сегодня закрутило, с утра по озеру дунуло на Приозерск ясной холодной свежестью и враз осыпало дворовые тополя первой желтизной. Учителя, обрадовавшись непонятно чему, вlepили пятому-гэ неподъемные домашние задания и поздравили с новым учебным годом. Уроки Тимка отложил до вечера: все равно проверять будут, мама вот вообще думает, не нанять ли прямо теперь репетитора. Ах, институт, ах, институт... Попробуй дожить до него при таких заданиях.

Замурлыкал звонок у двери, Тимка вприпрыжку кинулся открывать. По дороге, естественно, зацепил и с грохотом обрушил табурет. В дверь позвонили еще раз, настойчивее. Свет в прихожей Тимка, конечно, не включил, а потому с трудом нашарил под гладким дерматином хитро поставленный замок.

— У тебя дома есть кто? — на пороге стоял хмурый встрепанный Гранька, через плечо — большой вещмешок. Такой был у Вадима, когда тот уходил. Тревожный сквознячок побегал через прихожую.

— Да проходи ты, сейчас пообедаем вместе.

— Ага.— Гранька свалил брезент в угол, смущенно улыбнулся.— Мне хозяйка третий день ничего, кроме картошки, не дает, говорит: когда, мол, еще квартирант вернется да заплатит.

— Вот дура! Давай к Жене ходим, он с нею разберется. Значит, пока с Вадимом жили, все нормально, а как человек один остался...

Гранька снова улыбнулся, взъерошил длинные, соломенного цвета волосы, глаза его, серые, необычно яркие, потеплели, стали будто глубже. Сквознячок недолго убрался на улицу.

— Погоди,— он споро растянул завязки мешка.— Там клинки, латы, мои и Аля, но главное — вот...— Поднатужившись, он вынул из лязгнувшей кучи что-то тяжелое, тускло блестящее мрачной бронзой. Громоздкая подставка, изогнутая, как рога африканских буйволов, виденных Тимкой в зоопарке, держала непонятный инструмент или прибор. Звонкая дуга соединяла стороны металлического угла, в вершине которого крепилась ходившая по дуге стрела, нижний конец ее, широкий, закругленный, смахивал на маятник. Тимка присмотрелся. По дуге ровной строчкой протянулись полустертые знаки или какие-то буквы. Странные отзвуки поплыли в комнате. Где-то очень далеко океанский прибой хлестал пеной по линзам маячных башен, гремели вулканы, легко, как мальчишки мячом, играя стонными глыбами, шумели под тропическими лизнями леса, а за ними вставали грозные, покрытые льдом хребты.

— Что это? — прошептал Тимка. И подивился, как его тихий шепот отозвался долгим звенящим эхом.

— Еще не все...— На свет появилось что-то вроде подсвечника с хрустальным шаром — он покачивался на острие тоненькой иглы, торчавшей из верхней чашечки. Тимка недоуменно поглядел на грудку жестяных скрупул фехтовальных лат, которые почему-то не сложились в мешке крохотный кончик иглы.

(28)

Когда «подсвечник» встал рядом со стрелой-маятником, Тимка вздрогнул. Призрачный, невидимый почти закружил по комнате легкий вихрь, шорохи стали словно отчетливее, и мальчику почудилось, будто опять впереди ночная дорога за горизонт, а под ногами, вместо паркета, шуршит ее серебристая пыль.

— Вот,— сказал Гранька, убирая шар подальше.— Никогда не ставь их рядом, а то уйдешь — и следов не останется.

И тут с улицы донесся отчаянный крик.

— О-ой, убили! — голосила соседка тетя Валя, человек вреднейший, а кроме того, склонный все перевернуть, поэтому вначале Тимка даже усмехнулся. Но послышалось завывание «скорой». Подбежав к окну, они увидели, как появился милиционер и начал что-то объяснять выскочившим на шум пенсионеркам.

— Бежим, посмотрим,— предложил Гранька.

— Вот еще, на этих дур...

— Пожалуйста... — тихо произнес Гранька.

А на улице вдруг замолчали, в наступившей суровой какой-то, пронзительной тишине, как боль неожиданной раны, прорезались невнятные всхлипы, безутешный тихий плач. Тимка отшатнулся от окна, словно это была раскаленная печь. Там, внизу, плакала мама Алешки.

...Горн ему вручили на рассвете. С озера притащился туман, солнце красным неровным кругом вылезло над водой, не грело, и Алешка ежился от сырого холода утра.

— Вот,— ехидно заметил кто-то из рыцарей,— а если настоящий холод или беда?

— Ничего,— решительно сказал Аль и улыбнулся Алешке.— Ты не бойся, ты теперь утренний горнист, и солнце на восходе будет встречаться с твоей песней... И сразу согреет...

— Разве сигнал горна — песня? — замирая, спросил Алешка.

— Конечно, только это не у всякого выходит.

Лучи одолели наконец туман, прошли сквозь него теплой золотисто-розовой волной, и Алешка, белобрысый, в желтой рубашке, сам казался солнечным лучиком, замершим вдруг на гребне стены.

Это он пробрался в раздавленный бульдозером Город и упрямо, до головокружения, играл утреннюю песню, только стала она тогда иной: строгой и печальной...

По лестнице — через несколько ступенек. Тимка чуть не загремел под конец. Вцепился в перила, удержался, выскочил на улицу. Отчаянно, будто это могло еще что-то изменить, протолкался вслед за Гранькой к милиционеру.

— Это у озера случилось. Ну, где эти ребяташки все строили... Сарай там есть, склад... Охранник решил только поугагать. У него в ружье и пуль-то не было, соль одна. А в мальчика попала револьверная пуля, которая вообще не могла вылететь из этого оружия.

Милиционер мог теперь говорить что угодно, а пуля ударила Алешку со спины. Он выронил жестяной флажок-флюгер, за которым ходил в развалины, и упал.

Тимка растерянно обернулся: так не могло быть. И теперь не было ощущения беды, а только одна тупая невнятная боль, делавшая весь мир плоским и тусклым. Взрослые продолжали что-то говорить, расходясь понемногу, бормотали врачи с подкатившей «скорой»: «Увезли... Да... часа четыре назад... мать домой... с ней медсестра... уколы... сама чуть в больнице не осталась. Так понятно, горе-то...» — Слова крутились мутными водоворотом bestолково, безнадежно... Врач в пластиковом переднике поверх белого, с желтыми подпалинами халата отошел к милиционеру и взял сигарету, закурил, ломая непослушные спички трясушимися пальцами.

— Что?
— Там сразу не было никакой надежды...
— Пулю извлекли?
— Да... Ваши ею уже занимаются... Да елки же, — промычал он, с остервенением вытирая угол большого, припухлого рта тыльной стороной ладони.
Тимка видел — не видел, не понимал...
— Там, на пуле... даже клеймо поставлено... два таких скотских квадрата — один в другом...
— Ну хватит, Сергей... Да ну же... — досадливо сморщился милиционер. А Гранька вскинулся вдруг, как подброшенный пружиной.
— Там правда было клеймо?
— А вы что здесь делаете? — оглянулся милиционер. — Пошли отсюда!.. — Рука его протянулась пихнуть Тимку.
— Оставьте мальчишку! — хрипло крикнул врач, он даже махнул рукой с сигаретой, губы у него тоже тряслись.
— А ты, между прочим, занимаешься разглашением!
— Вы все равно ничего не узнаете... — медленно и устало, по-взрослому сказал Гранька.
— Дурак ты, — угрюмо ответил милиционер. Отошел к пенсионеркам, начал спрашивать о чем-то, те сидели, как пришибленные.
Врач подвинулся к Граньке.
— Этот мальчик... ну, которого сегодня... — нервно потер лоб кончиками пальцев. — Он вашим другом был?..
«Был?! Ну почему вы его не спасли? Спасите его!!»
Руки врача потерянно дернулись.
— Тут ничего не сделаешь, такая пуля: все разворотило...
— Да, такая пуля... — жестко подтвердил Гранька.
— А ты знаешь? — удивился врач.
Тогда Гранька быстро присел, подобрал гвоздь и в два движения очертил на закаменелой дворовой земле знак: квадрат, косо вправленный в другой, большой.
— Так?
— А я ведь обязан сообщить в милицию... — проборкотал врач.
— А я им ничего не скажу, — Гранька говорил громко, но врач поверил сразу. Промолчал, только брови его поползли вверх.
— У вас сейчас глаза на лоб вылезут, — сердито сказал Тимка.
— Наверно, — согласился врач, он снова затаился, жадно вдыхая горький дым, будто спасался им от четкой и ясной мысли-видения: здесь и сейчас убивают детей.
— Слушайте, ребята, милиция милицией, но мутное это дело, непонятное; конечно, я чужой... Пожалуйста, если что, я недалеко здесь живу: Радищева, пять, квартира семнадцать.
— Это пятиэтажка через дорогу от Города, — прежним тоном то ли спросил, а скорее, подтвердил Гранька.
— Ну да...
— Сейчас вам страшно... А когда давили Город, где вы все были?! Добрые и хорошие?! — Гранька стоял бледный, глаза нехорошо взблескивали клинковой сталью. Врач попробовал пожать плечами:
— У меня дежурство, суточное, между прочим... А что я оправдываюсь?.. Бред какой... Ладно, в общем если что, давайте ко мне.
Он швырнул окурок под тополь, побрел к машине, сел там на порожек раскрытой задней двери, сжав виски бледными пальцами.
— Они-то тут при чем, — проборкотал Тимка.
— Они всегда ни при чем, — непримиримо отрезал Гранг. Не Гранька, а тот мальчишка с баррикад Великих равнин, заменивший убитого пулеметчика и попавший в плен, когда кончились патроны. И видевший,

(16) как рубят связанных людей пополам очереди крупнокалиберных пуль. Это рассказал Тимке сторож, тогда еще, на дороге. «Алешка... Зачем?.. Ведь здесь не было баррикад...» — Слова и мысли получились сами собой глупые и ненужные. Горячий ком запоздало подкатывал к горлу.

— Это была моя пуля, — сказал вдруг Гранька.
— При чем тут ты! — крикнул Тимка с отчаянием и резким вспыхнувшим страхом.

— Вот, — листок бумаги, незнакомой, голубоватой, хрустящей, надпись рукой Вадима: «Город. Мальчишкам Ордена». — Почитай, — сказал Гранька.

— «Ребята! Времени мало у меня и у вас. Попробуйте восстановить Город. Хотя бы одну башню. Лучшее — ту, что ближе к фабричному сараю, восстановите в ней роспись Радуги. Художник живет на Канатной, дом восемь... Гранька! Отдай Шар и Стрелу надежному человеку. Получится с башней — поставишь там по «опрокинутому небу». Помнишь еще уроки? Грозивая звезда поднимается к зениту, а мы почти ничего еще не знаем. Запомни: в Кольцах Миров есть Черное Оружие. В ночь, когда Грозивая звезда встает в зенит, его можно пустить в ход. Как — неизвестно, как остановить — тоже непонятно. Делали Древние Мастера. Но закрыть Границу ты сможешь, хоть на время. Еще: будь осторожен. Мы пошлем письмо, для этого придется открывать пути. Вместе с письмом к вам может попасть все что угодно и кто угодно. Держитесь!»

— Ты где его взял? — спросил Тимка.

— В развалинах Города, недалеко от сарая. Письмо и выстрел охранника открыли дорогу пуле.

— Ты думаешь, охранник — оттуда?

— Он даже не знает. Просто выстрелил солью, а попала пуля. Так случается на Звездных Путиях.

— Как ты узнал, что там, у Вадима, что-то случилось, что было письмо?

— Ты еще услышишь, — ударила жесткой печалью мягкая Гранькина улыбка. — Ты же Рыцарь Радуги. Это — как колокол, только звучит дольше и немного иначе. «И Рыцарь слышит Весть издалека, и берет меч свой, и идет путями Земными или Звездными сразиться со Злом и положить предел Могуществу его, как бы велико могущество не было», — Гранька говорил как-то странно, нараспев немножко, будто заклинивание читал. — Это из старого устава. На Великих равнинах уже говорили проще и жестче, меня Аль научил постарому.

— Значит, все-таки баррикада, — Тимка сам поразился твердости своего голоса, потому что, если честно, слезы уже крепко подмочили глаза и повисли на ресницах.

Гранька не удивился, спросил только:

— Когда собираемся?

— В двенадцать, там, где будет башня.

Где-то под аркой взревел мотоцикл, пронесся по двору, принимая облачные блики на серебристый обтекатель. Тимка вздрогнул.

— Опять охламон Васька на драндулете прикатил! У людей горе, а он!.. — вновь прозвонительно заорала тетя Валя. Кажется, у нее выходило громче мотоцикла.

— А вот такие и убить могут, да... Носятся, носятся, шею все никак свернуть не могут... — пошли поддакивать пенсионерки. Они и сейчас были непробиваемо уверены в своей правоте. Милиционер грустно присел на скамеечку, на него изредка просительно поглядывали. Бабушкам тоже было страшно, поэтому вопили старательно и громко.

«Охламон», поставив машину, топтался со шлемом в руках, соображая. Потом со стуком надел шлем на руль мотоцикла.

— Да тебе, тетя Валя, разреши, ты бы всех мальчишек во дворе перестреляла! — сказал он негромко, но четко.

Крик сломался. Во дворе стало пусто и жутко. Милиционер поднялся и пошел прочь.

— Тима! — позвала мама, высунувшись из окна, там горел свет, кажется, работал телевизор. Как всегда. Мирно, привычно. Издалека плыли над двором печальные тихие переливы, похожие на плач и на колыбельную, а еще — как будто прощаешься с другом навсегда, и он, не оглядываясь, уходит к прозрачному горизонту. Мелодия оживила серые драные дома, отдала им свою грусть...

— Тим, ты как хочешь, конечно. Тут дядя Женя пришел, вы с ним давно не виделись.

Музыка отзвучала, ушла в холодеющее небо. Двор сжался и потемнел под надвигающимися сумерками.

— Иди, — дотронулся Гранька до локтя. — А то весь уже пупырышками покрылся.

— Давай к нам, переночуешь, поешь, а завтра вместе в школу?

— Не, я завтра в школу вообще не пойду: отпрашиваться — только ругаться, а мне еще надо место одно проверить. — Гранька задумался. — Ты с Женей договорись: бревна, доски теперь нужны, и эта еще... путается, Марьянковна. И наших всех предупредить надо.

— Ага... Только... ты не уходи, пожалуйста, насовсем... Вадик ушел, Аль...

— Ну что ты, — сказал Гранька как-то растерянно.

Тимка поднимался тихо, чуть не на цыпочках, со ступеньки на ступеньку по облупленной лестнице, а надписи со стен как всегда сообщали, что «Спартак» — чемпион, что Васья — дурак и что тетя Валя — старая стерва.

И никому в этом пустом, холодном, подлом мире не было дела до маленького мальчишки, убитого сегодня на развалинах его сказки. И до самой сказки тоже... Никому? А как же все рыцари, оруженосцы, мастера? А ты сам? Или ушел Вадик, погиб Алешка, и все? Баррикада... вспомнил он, последняя линия обороны. Последняя...

Тимка вдруг сообразил, что уже с минуту стоит перед дверью в собственную квартиру. Он приподнялся на цыпочки, надавил звонок, его поставил повыше отец. «Чтоб меньше хулиганы жали», — объяснил он. Перед «глазком» мелькнул кто-то, заслонив свет. — Заходи, гуляка, — Кашинцев, кисло улыбаясь, стоял на пороге. — Чего уроки не делал?

Тимка поглядел на него: «Ты что, не знаешь?»

— Слышал уже, — ответил на произнесенный вопрос Кашинцев. Почему-то обиженно и зло спросил: — Так что теперь? Всем помирать? Да заходи, чего на пороге встал...

— Жень, — сказал Тимка, сбрасывая сандалии. — Мы будем заново делать Город, там доски нужны, бревна, инструменты...

— Постой, — досадливо поджал губы Кашинцев. — Какой город? Вадим, что ли, вернулся?

— Нет, он письмо прислал. И еще, Жень, надо к Гранькиной хозяйке сходить, она ему без Вадима даже есть не дает, картошку только... — Тимка вдруг замолчал, наткнувшись на рассеянно-неприятный взгляд. — Ты что, Женя?

— Ну, какой опять Город? Зачем? Разрешения нам не дадут. Снова скандалы, шум. Пошло оно к черту!.. Давай лучше в поход смотаемся. Подальше от всего. Граньку своего бери, других...

— Но это не просто Город! Это защита на Границе! — Холодное отчаяние стягивало губы.

— Да какая защита, какая граница? Один уже поверил! Задурил вам Вадим головы и смыслся. Ну, приходи скорее, ужинать будем...

— Ничего, дядя Женя, вы не беспокойтесь, я сыт. — Тимка хотел сказать это холодно и гордо, но не получилось. Мир становился черным провалом, и он летел туда, падал, принимая в лицо жестокий налетающий ветер.

(30)

Меньше всего хотелось Тимке на следующее утро вылезать из постели. Мама заставила-таки выучить уроки, да и не сопротивлялся Тимка особо, просто сил на это не хватило. Сумрачно было на душе, но все же легче, чем вчера; пришла незнакомая жесткая решимость. Молча он съел завтрак, оделся под встревоженные взгляды родителей и, уклонившись от маминой попытки потрогать лоб, отправился в школу. Видимо, учителей смутил его вид, даже Серафима Юрьевна, обещавшая уже на второй день вытащить его к доске за пререкания, посверкала глазами, вздохнула и объявила, что по ее мнению, ответ Тимофея Омельченко ни ему, ни классу пользы не принесет, а потому пусть Омельченко посидит и подумает о своем ужасном характере, наверняка явившемся причиной его нынешнего душевного расстройства. Она, похоже, могла еще многое сказать, но Тимка поднял голову и глянул в упор в бледные, защищенные очками глаза. Серафима вздрогнула и отвела взгляд. Как во сне просидел он математику и пение, не слушал ни обиженную Серафиму, ни долгоязого Александрибисыча, даже обрадовался, когда тот развел на бане какие-то бодрые завывания. Сигнал общего сбора был дан: темная черта у двери в столовую. Дюшку и Марчика предупредил сам.

Тимка пришел на место сбора последним. Трое устроились на автопокрышках, наполовину вкопанных в желтую песчаную полосу, Марчик болтался на турнике.

— Где Дюшка?

— Не придет он, — ответил Марчик. — Говорит, играйтесь, если хотите.

Тимка грустно оглядел ребят, уселся на покрышку. Так даже одну башню не осилить. Без инструмента, без дерева. Да из шестерых — трое малыши, оруженосцы. Значит, работать всего троим. Тимка отдал письмо Вадима Марчику, и тот прочитал его для малышей, внятно и разборчиво.

— Ты Шар и Стрелу видел? — задумчиво спросил Марчик, покачивая кудрявой черноволосой головой.

— Да.

— Правда — Магия?

— Правда... — Тимка поднял глаза. Чистое небо празднично сияло над головой, как бывает только осенью, прежде чем начнется пора ненастья. Они еще ничего не знали, и последнее, самое нужное доказательство Тимка никак не решался открыть, потому что стоило начать думать об этом, как страшный провал вновь раскрывался перед глазами и вчерашнее горькое отчаяние не давало дышать, спирало горло плотным колючим комком.

— Игра, — тихонько сказал Марчик.

Тогда Тимка, переглотнув, силно сказал:

— Убили Алешку, вчера, пуля оттуда...

Марчик качнулся, темные глаза распахнулись широко и требовательно: «Ты пошутил, скажи, ведь это была просто глупая шутка?»

— Вчера вечером убили Алешку. Пуля была оттуда. Гранька ее узнал, — повторил Тимка упрямо и жестко.

— Как он мог узнать пулю?

— Гранька? Он же с Великих равнин, помнишь, что я рассказывал о Границе?

— С Кашинцевым говорил?

— Он от Города отказался.

— Тогда нам не построить даже башни... И неизвестно, сколько у нас времени. — Марчик поверил, сидел весь бледный, но говорил вроде спокойно, у него это как-то получалось.

Оруженосцы втихомолку ревели. Алешка такой уж был человек, больше всех возился с ними, его хватало на всю эту вечно хулиганящую, воющую, поцарапанную команду. А как теперь?

— Тим, а Магия — она от размеров зависит? — спросил вдруг Марчик.

— От чего?

«Аэлита»-90

— Ну, длина, ширина...
— Нет вроде...
— У меня есть макет стены с росписью, я давно сделал,— смущенно сказал Марчик.

Тимка подскочил:

— Орден, слушай: в двенадцать часов всем, кто здесь, быть в Городе! Марчик, несешь макет, Шар и Стрела — у меня. Бегом!

Гранька стоял посреди бурого, ободранного и разровненного пустыря в громадном отпечатке бульдозерного трака. Совсем свежем. И задумчиво рассматривал высокий кирпичный сарай. Кирпич потемнел и слезился невесть откуда взявшейся влагой. Ржавые листы кровли кое-где топорщились и постанывали под ветром.

— Тим, вот почему Вадик сказал — строить здесь. Видишь? — На выщербленной красно-коричневой стене под балками кровли выступающие из кладки кирпичи образовали знак: квадрат в квадрате.

— Как на пуле,— прошептал Тимка.

— Потому и Город здесь построили... А развалины сегодня утром закатали, опять эти дыры приезжали, и тип какой-то на черной «Борзой», даже из машины не вылез.

— Попробуем? — Тимка поехал: ветерок свободно прохватывал через школьную форму.

— Нельзя без радуги, неизвестно, что вылезет, когда откроем пути. Если б здесь Вадик или Аль...

Тимку знобило, то ли в самом деле от ветреной свежести, то ли прихватывала тревога.

— Думаешь, все соберутся?

— Надо, чтобы все. Нас и так мало,— отозвался Гранька.— Ушли же они из школы... К остановке сбегай, взгляни, как там.

— Ладно, только ты тут один...

— Да ничего со мной не сделается,— хмуро ответил Гранька.

Тимка бежал к шоссе, иногда оглядывался и видел, как одиноко сидит на сумке посреди пустыря мальчишка, как синее озеро, отражая перечеркнутое реактивным следом небо. «А если его, как Алешку?..» Тимка загонял подлую мысль подальше, торопился. Страх за Граньку окатывал его непонятной тоскливой болью. «Не уходи от нас», — повторял он, как заклинание, которое должно спасти от всех несчастий любых миров, какие только есть во Вселенной.

О ребятах Тимка беспокоился попусту. Он прибежал к остановки, тревожась, что не было автобуса, что слишком внимательно приглядывался к нему милиционер, торчавший под табличками с маршрутами. А все четверо были уже на месте.

— Автобус сломался,— пояснил Марчик. Он стоял над макетом, большим, в рост оруженосца Стаськи. А сам Стаська, утоляя горе, насмерть рубился с разросшимся репейником. Фима с Игорьком сидели в стороне на расстеленной куртке Марчика, молчаливые и насупленные.

— Грань, ты где? — позвал Тимка.

Гранька высунулся из-за макета, что-то там вышло не так.

— Помоги,— позвал он.

Стена и впрямь походила на настоящую, даже на стену настоящего замка. Она дугой встала между двух башен и внутри по изгибу была проклеена, выглажена и раскрашена. Гранька ставил Стрелу между росписью и Шаром, подсовывая под тяжелую опору обрезок толстой доски, серый уже, подгнивший. Легкий гул защекотал уши.

— Подержи,— сердито сказал Гранька.

Стрела оказалась куда тяжелее, чем представлялось по виду. Тимка чуть было не выронил ее, пока доска не встала наконец надежно и прочно. Опора впиалась в нее, вдавилась в дерево, но доска все же выдержала.

(31) Гул двинулся тяжелым валом, воздух у стены задрожал и заметался, сворачиваясь в смерч, по росписям мелькнули, запрыгали многоцветные искры. Краски наливались силой, свежели, и вдруг как занавес разошелся — дохнуло горячим ветром песчаных приморских дюн, которые уже не были нарисованы скверной краской на куске проклеенной и загрунтованной стеклоткани...

...От резкого толчка Тимка отлетел к пенопластовой башне макета. Гранька встал над ним и глядел испуганно расширившимися глазами: «Ты ведь сейчас ушел бы». Пустырь странно перекосялся, вечер на двинулся вплотную за секунды, пока Тимку закрутило на Звездном Пути. Закат пускал алые и золотистые перья по легким летучим облакам, набегавшим от восточного горизонта.

Гранька повернулся к ребятам. Багровые закатные тени прошли над ним.

— Орден, слушай. Без Города и башни мы не сможем держать постоянную защиту. Остается стать на Границе заставой и драться... Драться по-настоящему, на смерть. И никто не сможет помочь. Взрослые не верят в сказки, а другие заставы далеко по Кольцам Миров... Оруженосцам лучше уйти.

— Вот еще...

— По уставу рыцарь не может прогнать своего оруженосца...

— Но может попросить помнить о доме! — И добавил Гранька горько: — Ребята, оставайтесь живыми.

Тимка глянул на него отчаянно и зло: «Ты что, умирать собрался?!» Оруженосцы, только собравшиеся поскандалить, притихли.

— Бегите к шоссе...

Они пошли неуверенно, оглядывались.

— Скорее!... — крикнул Гранька.

— Ты что?

— Смотри! — Гранька вытянул руку к зениту. Там, полыхая зеленым огнем, сквозь последние языки закатного пламени пробились невиданная звезда. — Тим, Марчик, возьмите клинки у меня в сумке. Они настоящие. В Приозерске живет один человек... он оружейный мастер, хотя работает библиотекарем. Я ходил к нему утром.

— А ты? Тебе тоже надо клинок?

— У меня другое... — Гранька кинулся к Шару. — Идите сюда, станьте по обе его стороны, повернитесь к сараю...

Где-то прорвался вопль милицейской сирены, и тут же его задушило тяжелое молчание Границы, разлившееся в воздухе. Нервно протрещал сторож, но не показался. Рукоять меча, удобная, чуть изогнутая, прижалась к ладони.

— Ребята,— сказал Гранька.— Я открываю пути...

Краем глаза Тимка успел заметить, как Шар повернулся на игле и вперед, в сторону сарая, прошла волна бледного света. Земля дрогнула, зашаталась, на Тимку покатила глухая стена беспросветного мрака, изредка вспыхивающего злыми белыми прожилками, он даже обиделся поначалу: какая-то черная пакость вместо дракона или иного страшилища. «Пакость» замерла метрах в пяти от Шара и вдруг выбросила из себя, как таран, острое черное щупальце. Тимка успел только взмахнуть мечом перед собой. По земле ударил сноп искр, и отсеченное щупальце расплылось в воздухе легонькой серой мутью. Черная завеса затрепетала, подобралась, а потом медленно и страшно, как огромная волна прибоа, как цунами, вздыбилась, белые молнии ударили сверху, разбиваясь о клинки. Земля темнела, и пробегали по ней синеватые язычки пламени. Страха почти не осталось, враг казался не очень-то сильным, но вставший впереди Гранька обернулся, и стало видно плещущееся в глазах отчаяние. «Это — Черное Оружие!» — крикнул он через гро-

хот белого огня. «Ну и что?..» Сверху, от гребня черной волны упал зимний ледяной ветер, он сек по глазам мелким льдом, забивал воздухом рот, не давая вздохнуть. Клинок ему нисколько не мешал. И прямо через плотную стену холода ударила, ветвясь, такая молния, что сразу весь пустырь залило белым резким светом, а ребята оказались внутри огненного шатра. Тимка присел, Марчик уронил меч, Граньку отшвырнуло к стене с росписями. Ужас ударил под колени, свел тягучей болью живот, высек слезы. А шатер потускнел, но не погас, вроде даже стал плотнее, от стен его повеяло вдруг погребом, холодной сыростью, а с купола, подрагивая, свесились нити то ли паутины, то ли необычной плесени, уж, во всяком случае, вонь была подходящая. Стало темно, куда темнее, чем прежде. Гранька вскочил, взмахнул мечом, но тот завяз в нитях, и он еле выдрал клинок.

Снаружи слышалось шуршание, будто бродила здоровенная крыса. Кто-то бормotal там, перешептывался, просыпался мелкий стариковский смехок, не злобный даже: этакий хитренький, но, в общем, добродушный дедушка. Вот тогда стало по-настоящему страшно, и Тимка понял, что сейчас кинется к стенкам шатра, будет колотить в них кулаками и орать что-нибудь позорное.

«А как же Алешка? Ты ведь хотел...» — Он оглянулся. Гранька с Марчиком поднимали сбиту с подставки стрелу. На глазах Граньки блестели злые слезы, и, наверное, именно они сняли дурацкое впечатление.

— Ворочайте,— выдохнул Гранька, а сам отскочил к Шару, присел там на корточки, смотрел, устанавливал что-то, едва касаясь иглы кончиками пальцев, командуя, куда сдвинуть опору Стрелы.

— Не дергайтесь, мальчики,— слышался снаружи ясный, странно знакомый голос.— Оставьте магические затеи и Звездные Пути взрослым разумным людям, тогда Черное Оружие вас не тронет. Это ведь не ваша атомная бомба.

— Обойдетесь,— четко сказал Гранька.

— Грань, давай, я с ним поговорю,— прошептал Марчик.

Гранькины глаза блеснули:

— Давай, пусть у них уши завянут.

Тимка мало что слышал, непорочно ворочать по доске такую тяжесть. Наконец Гранька кивнул: «Хорошо...»

— ...Конечно, конечно, мы очень разумные люди, мы думаем над вашими словами и, конечно, примем их во внимание...

— Только быстрее,— откровенно ухмылялись снаружи.— Ледяная плесень — не слишком приятное общество.

Гранька выпрямился, стал напряженно, как струна, поднял вверх меч, взяв одной рукой за кончик клинка, а другой крепко схватив рукоять.

— Я никогда еще так не пробовал... — прошептал он. Тимка подвинулся ближе.

— Ребята, давайте вместе...

Тимка и Марчик стали по сторонам, опустив мечи. — Обманщики!!! — протяжно завизжали за стеной, шатер разошелся, странные смутные тени или твари ворвались внутрь, но Гранькин клинок падал уже, описывая сверкающую дугу, и коснулся оси Стрелы. Маятник качнулся, долгий звенящий удар кольхнул воздух; пока не замерла последняя нота, никто не смел пошевелиться.

Что-то изменилось вокруг... Шатер Ледяной плесени сгинул, как не бывало. Пустырь раскрылся в огромную равнину, Гранька стоял по-прежнему, но теперь на нем вместо школьной формы была пятнистая пластовая куртка, похожая на солдатскую, и такие же штаны с набедренниками и поножами, на голове — лихо сдвинутая пилотка с знакомой тройной искрой. А рядом — в шеренгу стали мальчишки. Они были

(32) разные, кто-то смотрел вперед открыто и весело, а иные — тревожно. Были там береты с пышными перьями и интегральные шлемы. Стали Заставы. Тимке почудилось, что совсем рядом с ним улыбнулся чему-то Алешка. Кто-то даже засмеялся — коротко и дерзко. Но тут разнесся пронзительный вой: на мальчишечью шеренгу катилась серая волна. Она казалась то танковой лавиной, то выбрасывала вперед толпы вопящих всадников, то надвигалась сверху звеньями атакующих вертолетов.

Не хватило Тимке последней минуты ни на страх, ни на прощание, ударил он налетающий темный ком снизу вверх, наискось, как учил Вадим, а потом плеснуло огнем таким яростным, что в глазах стало черное, а тело сделалось легким, невесомым.

Красно-белая «Нюска» накручивала на крыше синий маячок. Сирену шофер выключил: помогал врачам. «Гранька.. Марчик...» Носилки медленно покачивались под ними.

— А ребята? — попробовал приподняться Тимка.

— Лежи, лежи, — наклонился знакомый врач. — Живы они. — Он укоризненно поглядел на Тимку. — Что вы тут натворили, люди?

Тимка понимал, почему так страшно этому человеку. Он успел разглядеть с носилок обгорелый черный пустырь и оплавленные стены сарая. Скрипели по обугленной земле шаги, посвистывал осенний ветер. «И до вечера еще далеко...» — Вдали вчерашнюю мелодию выпевала, как плакала, скрипка.

Ты не бойся, что сошлись

Тучи над зарей...

По лязгнувшим металлом полозьям носилки вошли в люк «скорой».

— В пятый корпус, — врач кивнул шоферу, устроился рядом. — Поехали...

ГРИФОН. ГОРОДСКАЯ ТЮРЬМА

— Вадим Нэль Ведэн, инженер службы Морской охраны?

Вадим наклонил голову, усмехнулся:

— Клерк следственного отдела Ратуши Вольного Города Грифона Сэнни Этре Вантагль?

— Разумеется, Нэль Ведэн, вы имеете право иронизировать, тем более, что мы знакомы с вами лично, однако позволю себе напомнить, что вы являетесь подследственным...

— Не утруждайте себя излишней вежливостью, Вантагль, я сам расскажу вам и кому угодно: я хотел — и, вообще говоря, испытываю это желание и сейчас — убить некоего полковника стражи Виталь Кен Виталья. Я считаю его убийцей и негодяем, в частности, потому, что этот полковник...

— Достаточно...

— ...пытался застрелить мальчика, что по законам Грифона карается смертью, независимо от поведения и прилежания ребенка...

— Достаточно! — повысил голос Вантагль. — Вы забываетесь!

— Я требую встречи со старшим юрисконсультом Ратуши, — устало пробормотал Вадим.

«Они хотели убить Аля и теперь еще желают отмыться. Но какого дьявола Ратуша им в этом помогает?»

Думать не хотелось, а хотелось больше всего лечь хотя бы на тюремные нары и втихомолку плакать. Даже не оттого, что сволочь по имени Кен Виталь — Виталий Константинович, Вит Алькен и прочее — сейчас жрет где-нибудь шашлык. Для того, чтобы драться, надо уметь терять.

«Я устал терять, — подумал Вадим. — Кольца, миры —

Холт-Харран, «Громобой», Приозерск, Равнины... А мальчишки — умирают.

— Ладно, — клерк пожал плечами. — Мы устроим вам эту встречу, тем более, что господин Микэл Нэль Норра сам просил об этом... Не представляю, впрочем, что здесь может измениться. Вы сами только что признали, что если бы Кен Виталь не принял мер предосторожности, не поставил специального охранника, то преступный замысел вы довели бы до конца.

«Пошел ты, гад отутуженный».

Клерк позвонил в колокольчик, аккуратный, серебряный, уютно устроившийся на письменном приборе. Сзади распахнулась тяжелая, вся в витушках дверь, за спиной Вадима встал охранник из Гражданской гвардии, даже каблукими щелкнул, пижон несчастный.

— Проводите арестованного в камеру и будьте осторожнее, есть сведения, что он многое умеет и без оружия.

«Интересно, как Виталь объяснил им про меня? Надо ведь было, чтобы и самому в психушку не угодить...»

В камере было довольно чисто и даже не очень воняло. Охранник попробовал подглядеть поначалу, чем там будет заниматься арестованный, но Вадим запустил в окошечко жестяной кружкой, и глаз в зарешеченном отверстии больше не появлялся.

«Вот теперь самое время подумать о всех серьезных вещах сразу. Сказать, что ли, спасибо доблестной Гражданской гвардии со Стражей?.. Главное: где Черное Оружие? Что это такое? Как его уничтожить? Кое-что известно, как Бассас ни упирался, а рассказал столько, что даже письмо в Приозерск отправили. Интересно, как там Винтик, Винэ-Инэ. Я на него зря обиделся. Он-то мог совсем другое иметь в виду...» Вадим вспомнил, как Винтик уходил, и сердце защемило, пришла тупая, дурацкая боль. «Еще главное: что Стража хочет от ребят, при чем здесь Кен Виталь и связано ли это с Черным Оружием? Аль что-то определенно знает, сам ведь сбежал из Приозерска, пошел в Юнггвардию... Стоп. Как он там вообще оказался? В Королевскую юнггвардию просто так не берут... Может, он родом отсюда? Я так и не смог это узнать, а ведь ближе у меня никого не осталось».

...Запоздалое раскаяние ледяной иглой вошло в грудь, и Вадим отвернулся к стене, пережидая резкую, выдавившую слезы боль. В голове тяжело отдавался неровный яростный стук сердца.

Ключ забренчал в замочной скважине внезапно и нахально.

— Вадим Нэль Ведэн, вас приглашает для беседы господин Микэл Нэль Норра.

«Не выдержал Миша, даже до завтрака не дождал. Правда, если он теперь не с Ратушей или хотя бы сомневается...»

— Иду.

Он почти бежал по коридорам, охранник еле спевал за ним, нервничал, то и дело порывался достать револьвер. Вадим заметил, сбавил шаг. «Не хватало еще от дурака помереть». Его узнавали охранники в дверях и предупредительно отпирали решетки.

Комната свиданий: желтая краска по штукатурке, охрана — стражник вместе с Гражданской гвардией. Посреди — крепкий, приделанный к полу стол.

— Ну, здравствуй, Миша.

Микэл глядел в стол, услышав приветствие, сухо кивнул. Первый раз видел его Вадим в этикетной одежде Ратуши: глухой черный сюртук, прихваченный брошкой-гербом ворот... Лицо его было мрачно.

Вадим сел напротив. Нэль Норра махнул охранникам рукой. Гражданский гвардеец исчез сразу, стражник немного замешкался, кинул на Микэла уничтожающий взгляд, но убрался.

— Ты думаешь, подслушивать не будет? — спросил Вадим.

— Наплевать.

(32)

— Ну, что ж...

— Я могу сразу: ты своей выходкой с подосланным в Юнггвардию мальчишкой чуть не убил его, поставил под удар Перемирие... и себя. Стражники уцепились за эту историю, как паршивая собака за кость.

— Ты, пожалуйста, не шуми. — Вадим сморщился, устало потер лоб. — Я не посылал Аля. Но ты, возможно, помнишь еще устав нашего Ордена... Или поставился поскорее забыть?

— Это Аль?.. — Микэл тяжело глотнул, пытаясь прогнать что-то вставшее в горле. Его красивое сухое лицо обмякло. Стало жалким, безнадежно тоскливым.

— Еще одна скверная новость, — глухо сказал Нэль Норра. — В Аля и тебя Виталь стрелял два раза, а пулю нашли одну: от второй ни следа. Ушла... Ты понимаешь?

— Значит, где-то еще какая-то грязь упражнялась по ребятам...

— Я давно уже в стороне от дел Ордена, успел отвыкнуть от легкости, с какой у нас говорят о таких вещах... Здесь же Галеранская война — история, а ведь я ее помню...

«Он, наверно, куда раньше меня знал Аля... За что мы друг друга так бьем?..»

— Винтик домой вернулся? — спросил Вадим, хотя, наверно, пустой был вопрос. Микэл кивнул:

— Да... Вчера Бассас пришел на заседание вместе с Кен Виталем... Подожди. — Микэл неожиданно резко поднялся. Сюртук на груди у него встопорчился. «Пистолет или револьвер», — понял Вадим. Юрисконсулт подскочил к двери в караульную, резко открыл:

— Так. Вон отсюда. Доложите в контору Директории, что старший юрисконсулт Ратуши объявил вам арест на пять суток за попытку подслушать служебные разговоры. Можете убираться.

Стражник стоял навтыжку, глаз в тени полей форменной шляпы было не разобрать. Он сделал движение, собираясь исчезнуть.

— Подождите. Можете передать Кен Виталю, что добрый мэр Нэль Траго еще не весь Грифон. Все! — Микэл захлопнул дверь, выждал несколько секунд, прислушиваясь.

— Так вот, — продолжил он. — Похоже, Виталю удалось как-то обработать Бассаса. Старик говорил почти то же, что и нам, но смысл получался такой: поддерживайте Виталья во всех начинаниях и делах его. — Микэл прикусил губу. — Ты знаешь, как у нас относятся к словам Древних Мастеров. А наш достойный ученый — их прямой потомок!

— Не горячись, ты ведь не знаешь, какой разговор был у Виталья с Бассасом, почему старик сломался. Давай главное: что решили на этом вашем собрании и что было сделано после.

— Решение простое: дать конторе Директории свободу рук в городе на три дня, причем не Директории вообще, нейтралитет в Смуте сохраняем, а именно Виталю. Борис Нэль Стагге встал на дыбы: отдал город на съедение непонятно кому. Вооружил на свои деньги с королевских складов Народный Надзор, сделал за сутки Гражданскую гвардию. По-моему, давно готовился, властолюбец. А вот Праздник Грифона никто отменить не захотел.

— Скверно, что все наши бумаги у Бассаса. Виталь их наверняка видел... Поражаюсь твоему спокойствию, ты всегда ледышкой был.

— Мы так давно деремся с Виталем...

— На нашей Земле он казался предельно добропорядочным и весьма законопослушным гражданином, — Вадим погасил кривую усмешку.

— Дернула его нелегкая за тобой на Звездные Пути!

— Это от страха... По-моему, он бешено боится. Всего. Нас. Мальчишек и девчонок, которые все время разрушают его личный спокойный мирок своими выдумками и сказками. Да, боится и Черного Оружия. Но Аль успел узнать, что есть люди, которых оно не

«Аэлига»-90

трогает. Наш полковник это тоже знает и полагает, что как раз таких, как сам Виталь...

— Думаю, ему нужны три дня, чтобы подготовиться, прочесать школы, как-то нейтрализовать... ребят. В ночь на четвертый (а для твоего Приозерска меньше суток) Грозная звезда встанет в зенит, и Черное Оружие пойдет в дело...

— Я не понимаю только, причем тут школы. Неужели ребята способны как-то помешать его плану?

— Ты сам строил Города, — отозвался Микэл.

— Не я, мальчишки. Такие, как видели сами, в своих сказках.

— Тем более, — обрезал Нэль Норра. — Ты должен помнить старый Устав! «Светлый Дом есть сила более могущественная, чем высшие Магии... Города есть знак его и продолжение в человеческих Мирах. Светлый Дом неподвластен движению Вселенских Колец, ибо он — Детство».

— Это слишком старый устав, Миша. Города так легко сносятся бульдозерами...

— Может и так... Тебе виднее, я отдал меч Магистров давным-давно, на Холт-Харране... — тихо произнес Микэл. — Но ведь еще есть Заставы.

Магистр смотрел в стол, будто там мог быть написан ответ.

— Как выходит, что последний рубеж всегда достается детям?

ЛЕГЕНДА

Маришка встала на стол, сделала книксен, как положено артистке.

— Дорогие ребята, сегодня я расскажу древнюю легенду, о которой взрослые слышат в детстве, а потом...

— Ну, не выделывайся, а?.. — возмутился Дания долгим вступлением.

— А вот дядя Миша говорит, что театр, даже маленький, должен быть настоящим.

— Это он посоветовал тебе на столе топтаться? — При случае Дания становился ехидным до невозможности. Глаза у него становились рыжее шевелюра, а веснушки посверкивали этими искорками. Дня два назад Винтик кинулся бы в перепалку, но вчерашнее утро оставалось где-то рядом: «Веселишься? А тот мальчишка...»

— Ладно, Мариш, расскажи так...

...Никто не знал, когда началась эта Война.

Тысячи лет возвышались в долине реки Грант могучие стены, и тысячи лет вели их осаду черные полки мрачного народа, в незапамятные времена явившегося вслед за строителями Крепостей. Много позже вернулись сюда потревоженные войной земледельцы, мастера, весь тот люд, который боится Меча. Осмотрелись они, увидели, что никто не тронет их поселения, и устроились, работая да торгуя и с Крепостями, и с Черными полками.

Так шел век за веком, и никто не мог одержать победу. Если же Черные полки собирали все силы для штурма одной из Крепостей, из других в сверкающих доспехах выходили колонны рыцарей и пеших кольеносцев, сметавших Черных. По всей долине разбредалась уцелевшие. Приходил Мир. Но проходили годы, вновь собирались полки и окружали Крепости дымом бивачных костров.

А жители долины, те, что не воевали, смотрели да ухмылялись: «Ишь ведь, забаву себе нашли! Ну, да нам все равно, лишь бы те и другие платили исправно за наши товары».

И настал год, поначалу казавшийся обычным, как тысячи лет до него. Старый вождь Черных полков

(34) умер. Три человека оспаривали высшую власть. Один был великий Воин, сражавшийся у стен всех Крепостей. Другой — Искусник, знавший секреты хитроумных подкопов и устройство осадных машин. В одном они были едины: не обещали легкой победы. Третий был сыном старого вождя, но все полагали его сумасшедшим. Ему было девять лет, когда в драке он лишился правого глаза, и с тех пор ненавидел детей. В семнадцать лет он остался без ноги, раздробленной на лесосеке упавшим под топором кленом, и возненавидел деревья и всех людей. В двадцать пять, соблазнившись зеленой лужайкой, провалился в трясины, и там, пока он ожидал помощи, болотные твари объели ему левую руку. С тех пор он ненавидел все, что только есть на свете. Он попросил отца, и тот не посмел отказать: из лучшей брони была построена стальная комната, влекомая тридцатью лошадьми. И самый мудрый человек в долине взялся учить сына вождя всему, что знал сам. Когда учитель отдал все, ученик убил его, чтобы никто более не узнал того, что знает он, и только книги остались его друзьями. Эти книги повествовали о властных людях и коварных интригах, но когда очередная из них была прочитана, злая улыбка трогала губы сына вождя: книги кончились победой добра или осуждением зла, что не одно и то же. Однако он знал, как сделать так, чтобы торжество зла было неизменным, а потому улыбался наивности придумавших книги. До тридцати лет дожил он затворником, ибо ненависть и страх идут рядом, и он ненавидел так давно, что стал бояться и подозревать всех.

Когда же старый вождь умер, его сын впервые появился перед людьми и пообещал им победы не близкой, но легкой, если же ему не верили — только улыбался. Улыбка его была такой страшной, что ему не перечили, только чтобы не видеть ее, и все больше привыкали молчать.

Воин сказал, что обещание такой победы — ложь или подлость. На следующий день его убил в поединке маленький и хилый человек, недостойный даже стоять рядом с великаном.

Искусник сказал, что эта победа недостойна полководца, и его завалило в одном из подземных ходов, подведенных под стены ближней крепости. Тогда молчание стало правилом — и, само собой, сын вождя стал править Черными полками.

Однажды он призвал советников и сказал им, что настало время осуществить план. Никто не узнал, о чем они совещались, но на другой день поскакали гонцы по всем дорогам долины, и впервые за тысячи лет без сражений потухли костры военных лагерей.

Под стенами Крепостей появлялись гонцы и звали открыть ворота, ибо правитель предложил Мир.

И открывались ворота.

— Как они ведут себя? — спрашивал вождь.

— Они радуются, как дети, — отвечали ему.

Странные люди стали появляться среди торговцев: они сидели за одними столами с воинами Крепостей и рассказывали им истории осад. Будто незначай, поминали они каких-то людей из ближних или дальних Крепостей, сказавших о сотрапезниках нечто оскорбительное. Так шли годы, и прошло пять лет.

— Что они делают? — спрашивал вождь.

— Они хмурятся, когда появляется человек из другой Крепости, — отвечал Главный советник. — Только их дети как ни в чем не бывало играют друг с другом... и с нашими детьми, — шепотом добавлял он.

На дороге долины объявились грабители, и все чаще в одной крепости узнавали о том, что обоз с хлебом, шедший к ним, оказался в соседней цитадели. И снова прошли годы, и настал на десятое лето день, когда на вопрос вождя Главный советник ответил:

— Они точат мечи друг на друга... Но их дети все так же играют друг с другом. И с нашими детьми, — сказал он во весь голос, ибо это уже начало тревожить Главного советника.

— Наш час пришел,— провозгласил вождь.— Мы не можем долее терпеть этих игр. Пусть наших детей теперь обучают сражения.

Исчезли с дорог торговцы и грабители, подосланные вождем. Одними путями двинулись Черные полки и воины тех Крепостей, каким была обещана поддержка против других. Чужа поживу, слетелись со всей долины те, кто не упустит случая пограбить попавшего в беду.

Зазвенели мечи, и увлекшись войной, не заметили взрослые, как в Крепостях и в поселениях черных не осталось ни одного мальчишки, ни одной девчонки. Они ушли в другие страны за юными командирами, выросшими из ребят, за первыми из тех, кто подружился на пепелищах тысячелетней войны.

Впрочем, среди старших тоже нашлось немало людей, отказавшихся лить кровь без цели и ковать мечи неведомо для кого. Воинственные правители выселили их к морю прежде, чем начались последние сражения, чтобы не страдал боевой дух солдат. Переселенцы дали начало трем народам Галеранского побережья — Кен, Этре и Нэль.

А в долине жизнь мало-помалу замерла, ибо без детей не может быть ей продолжения.

Разошлись те, кто кормился около войны, но бывший вождь еще долго жил в своем стальном склепе. Почуввав однажды приближение смерти, отправился он к волшебнику, устроившемуся на развалинах одной из Крепостей.

— Я хочу сохраниться. Пусть не сам я, но что-то от меня должно остаться на этой земле...

— Зачем? Ты принес ей столько зла, ты сделал ее мертвой...

— Неужели в моей душе нет ничего такого, что можно было бы сохранить для будущего?

— Я посмотрю,— согласился волшебник. Он удалился и вскоре вернулся с непонятными бронзовыми инструментами в руках. Он прикладывал к груди и к голове бывшего вождя палочки и трубочки, смотрел на них и хмурился все больше.

— Только одно ты сможешь оставить на Земле после себя: черный ужас. Я не стану этого делать.

Долго еще метался по планете бывший вождь, оставив свое стальное жилье. И набрел наконец на Землю Древних Мастеров. Они умели многое, но не все из них обладали прозорливостью мага. Говорят, что кто-то из них был в то время весьма зол на соседа. И, чтобы досадить ему, выполнил просьбу бывшего вождя, оговорив на всякий случай, что только один день в году сможет показываться ТЕНЬ в разных мирах, поднимаясь из глубокого ущелья с поворотом оси звездного света.

Но бывший вождь пустил и вторую стрелу в грядущие времена; нашел он человека, обозленного достаточно, чтобы воспринять от него все, что выросло в нем за годы жизни. С тех пор бродят по свету люди с черной душой, а раз в году шевелится в глубоком ущелье жуткая тень, способная нестись над миром черным ураганом, сжигать в пепел одних, оставлять другим частичку жизни, чтобы ее взяла Ледяная плесень. Только тех, чья душа так же черна, как ТЕНЬ, не тронет вихрь. Да еще говорят, что от тех, кто не испугается и встанет на пути вихря, остается после смерти маленький тревожный огонек.

Дети, исчезнувшие из долины, разошлись потом по Кольцам Миров, и с них начался таинственный Орден Радуги, приходящий на помощь тем, кто сражается за чистую мечту и сказку, против подлости и грязи...

— Это что такое?! Кто вам позволил залезать на столб? — рявкнули от дверей. Ученики посыпались на места, класс наполнился грохотом сдвигаемых стульев. Школа древняя, класс — два пролета между колоннами, сверху — купола, как рупоры. Оттого деревян-

ный перестук мебели раздавался, как салют. Очки завуча по специальным вопросам воспитания сверкали победно, как генеральские угольники после удачи, доставшейся в трудном бою.

— Что-то он сегодня чересчур довольный,— шепнул Даня на ухо Винтику.

— На дверь погляди,— тихонько ответил тот.— Там «черная шляпа» стоит...

— Кен Грамм, Нэль Норра! Что за проблемы вы решаете? — лысина над очками вспыхнула праведным гневом. Темный хохолок сверху затрясся.— Кстати, почему Нэль Норра сегодня без формы? Конечно, вы — сын господина старшего юрисконсульта, но для нас вы все — ученики единой Школы Благонамерения. Должен заметить также Мари Нэль Катто, что прыжки по столу, напоминающие обезьяны, не идут примерным ученицам. Позволю себе напомнить вам, что завтра — день Грифона, покровителя нашего города...

«Что ему надо? Скорей бы кончал треп...» Винтик видел краем глаза, как побледнел Ласька, человек болезненный и падающий в обморок даже на свежем воздухе.— Г-гад, он что, нарочно издевается?»

— Господин завуч, разрешите Этре Канталю сесть, ему сейчас плохо станет...— Винтик бестрепетно смотрел в блики очковых стекол.

— Что?.. Вы, стало быть, полагаете, что я не думаю о здоровье учеников? Так, Нэль Норра? Кто еще так считает?

— Господин завуч, Инэ сказал не так,— враз побледнел Даня.

— Конечно, Кен Грамм, конечно, вы поступаете весьма благородно, становясь на защиту товарища, но...— Ласька прикрыл глаза, на лбу выступили бисеринки пота.

— Господин завуч, он сейчас в обморок упадет!

— Ты еще и перебиваешь?!.. Ладно,— голос завуча обрел ледяное спокойствие.— Этре Канталь может сесть, а ваш отец, Нэль Норра, сегодня же узнает о недостойном поведении сына.

Завуч отошел к двери: «Зайдите». Что-то там брякнуло, щелкнуло, скрипнули сапоги: «Я слышал фамилии... Нет нужды...»

«Это «черная шляпа»...» страх сжал на мгновение, но перед глазами Винтика снова вспыхнули и скатились в пыль красные искры-капельки.

— Ну, как хотите,— разочарованно вздохнул завуч.— Но узнаете ли вы потом...

— А это уже не ваша забота.

Завуч сухо кивнул, отчего хохолок на темени обижено дернулся, затем повернулся к классу:

— Садитесь. Напоминаю, что все, кому дорога честь школы, обязаны явиться завтра на праздник Дня Грифона. Вас, Нэль Норра и Кен Грамм, это касается в первую очередь, вы должны загладить сегодняшнюю вину. Уроков больше не будет, идите готовиться к празднику.

Завуч растянул губы в бледную улыбку и вышел из класса.

Как камни из жерла вулкана, взлетели вверх портфели и сумки.

— Мою, мою оставьте, ее галантерейщик Этре Рафатль отцу за двадцать пять монет толкнул! — вопил, бега по классу, всегда аккуратный сын начальника отдела налогов. Драгоценную сумку выбросили во двор, и хозяин с воем кинулся за нею.

Винтик сидел, смотрел в окно. Между домами на площади Обороны синел залив, а дальше, отрезая его от сверкающего морского горизонта, высился белый гребень Крепостного полуострова с ребристым конусом Артиллерийской горки.

— Инэ,— Даня подсел к нему, взглянул тревожно, немного даже испуганно.— Тебе нельзя идти завтра...

— А тебе? — Маришка уселась на учительский стол, показала свалившейся с пятки сандалий.

— Давайте соберемся сами на Горке? Фейерверки

и оттуда увидим. Данькин дом рядом, если что, слободские помогут.

— Н-не знаю,— с сомнением протянул Даня.

— Ну и трусь дальше...— буркнул Винтик. Наверное, Даня был прав, но он же не видел, как пробивает худого мальчишку тяжелая, тупая штуцерная пуля.

— Кто трусит?! Просто разумнее всем остаться дома. Тебя твой отец лучше всех защитит.

— А тебя, а Маришку?.. Папа говорит, завтра «черные шляпы» будут хозяевами в городе...— Винтик отчаянно презирал сейчас все страхи— и свои, и Данины.

— Он тебя не отпустит и правильно сделает,— сердито сказал Даня.

— Его завтра дома не будет, мамы тоже...

Загрязнев ведрами, в класс заглянула уборщица:

— А вы чего сидите? Остальные-то давно разбежались...

В классе было пусто и гулко. Винтик поднялся:

— Пойдем?.. Дань, я к тебе завтра на первом ялике доберусь.

— Ладно,— грустно ответил Даня.

БОИ

Теперь многое не вспомнить. А если и вспоминается, то смутно, в дымке печальной и жестокой памяти. «Как же там было?» Вадим отвернулся к грубой штукатурке тюремной стены.

Кажется, было так... Солнце... Оно ластилось, казалось таким мягким и пушистым, что сущим преступлением было открывать глаза. Вадим угадывал окружающий мир на слух. Отдаленный звенящий шелест и посвистывание— это ветер и сухая трава в степи, шуршание— маленькие, легкие утренние волны... А это— как будто шаги. Легкие шаги по мелкому песку пляжа. Кто-то наклонился над ним. Вадиму стало интересно. Он открыл глаза и подивился светлой беспечности мира.

— Братец Кролик,— тихо сказал он.

— Вот еще,— фыркнула темноволосая, большеглазая-синеглазая личность.

Теперь приходит даже недовольство: ведь черт-те кто мог появиться— от департаментских громил Холт-Харрана до спецгруппы с ракетно-лазерной базы «Громобой»— и, как барана, тебя... А появился он— Аль. В Песчаном лабиринте, где невообразимо чудовищными клиньями в неслышном громе космических катастроф сходятся вселенские Кольца, а по небу летят многомильные белесые пузыри— останки погибших миров-систем, обнаружился такой вот человек лет девяти-десяти, вполне самостоятельный, даже слегка нахальный. Но спрашивать Магистр почему-то постеснялся. Может, оттого, что боялся задеть и лишний раз вызвать боль неловким своим всезнанием. Это в те времена! Сейчас просто смешно от тогдашней самоуверенности.

И не расспросил Магистр, оставил на потом и непонятное судно, шастающее в запретных морях, и то, что не появился этот барк вновь в Лабиринте... А куда сгинул? Тысячи дорог в обычном море, здесь— миллион. А смертей— не меньше. Он, индюк самодовольный, наливался праведным гневом против негодяев, бросивших на необитаемом берегу мальчишку. А те моряки просто знали, что впереди неизбежная гибель... «Смешно развлекаться самобичеванием в тюрьме... Но собственно, и делать здесь больше нечего». Вадим повернулся на другой бок. «Сейчас бы побывать у Бассаса, узнать, что у него с Виталем, и добиться все-таки, где оно— Черное Оружие. Виталь наверняка знает многое об этой пакости, иначе не стал бы он в госпитале стрелять... Еще: про Аля и насчет Вольного флота...»

Снаружи, в коридоре, зазвенел ключами надзира-

тель, а Вадим с некоторым облегчением подумал, что Центральный госпиталь после той стычки взят под охрану Королевским флотом, об этом трепалась тюремная охрана в коридорах. Значит, Аль теперь в относительной безопасности...

— Эй, на прогулку!

Вадим натурально застонал и скорчился на нарах, неструганных, ошетиленных занозами. Гражданский гвардеец растерянно обернулся. «Именно так, господин гвардеец, инструкция еще не вошла в вашу нашивку штатскую плоть». Тот сделал шаг к Вадиму. «Еще...»

Вадим надежно оперся руками о доски, гвардейцу же показалось, что арестант приготовился помирать. Движимый служебным рвением, он подскочил вплотную.

— Р-раз!— нога, распрямляясь, коротко касается горла, гвардеец хрипит, оседая на пол, револьвер его— в руках Магистра. Тот уже в коридоре, вжаты в стену, и выстрелы перепуганной охраны идут в сторону и выше. Ответ— с пола в перекате. Кто-то ругается и воет, уцепившись за простреленное плечо. Пуля бьет в плиту, высекая искры.

Теперь— бросок до угла коридора. «Дурак, отдай ружье!» До внешней стены еще два поста... Стражник поворачивается, но опаздывает. «Получите за Аля, господа!»— веером— из самозарядки от пояса. Кнопка тревоги на стене— в куски, вместе с эбонитовой коробочкой. «Сейчас пойдет наряд...» Вот они, люди опытные, идут скачками вдоль стен. Перестрелка с ними не поможет, но все-таки их только четверо, и они пока, кроме стрельбы, ничего не понимают. Рубильник— вниз, полкоридора— в темноте. Они уже проходят мимо него, затаившегося в нише. У них сердца сейчас колотятся громче его дыхания. «Ах, ты...» Стражник подсвечивает потолок фонариком. «Ладно...» Ближайший летит на соседа, Магистр выходит броском за четверку, разряжает магазин в темноту...

Тут-то и отпустил его боевой азарт, желудок свело судорогой, в ушах застрял плотный хруст. «Странно»,— подумал он, цепляясь за стену. Как во время Харранской сечи... Тогда он был молодой и только-только стал Магистром. Сейчас— обработанный жизнью человек, а надо торопиться, проскакать в караулку и подвернувшейся гранатой (странно, зачем они в тюрьме!?) выносить громоздкую решетку, и все крутится, камни как будто шевелятся под ногами...

А горло стиснуло, сжало так, что не продохнуть. «Саня, Котька-котенок, Фляня, Тенька, Деша, Аль... Если хоть немного я сумею сегодня рассчитаться за вас...» Руки и ноги делают все сами, иначе уже был бы конец. «Ты уложил сегодня несколько дураков (не самых страшных), может, исхитришься устроить фейерверк и прикончишь здесь эту непонятную дрянь, а как быть со всем прочим?...»

Сзади, в бронированную дверь караулки, гулко щибанули выстрелы. Рывкнул взрыв, ударило сразу по ушам, по голове, по всему телу так, что побежали мурашки, больно стукнуло сверху упавшей решеткой. Вадим подскочил к окну.

Третий этаж... Ерунда, сразу видно, что тюрем здесь долго не устраивали... Кто ж из цирка каталажку делает...

Внизу— автомобиль. Отлично!

Шофер усталился вверх, в окно, из которого валит дым. Ключ— в зажигании. Короткий удар под челюсть: «Посиди немного». Вот так, теперь лишь бы не заглохнуть. Это хорошая машина— легкий армейский грузовик с усиленным капотом.

«Микэл немедленно перейдет на сторону Стражи, так мы договорились, только бы ему не сорваться, а дальше пусть действует сам, лишь бы не было избиения города...»

— Папа, почему ты не освободил Вадика?
— Я не мог... Он все же преступник по законам города...

— А Виталь? — Винтик говорил хрипло, потому что вначале он разревелся. Слезы прошли, осталась холодная злая тоска. А папа молчит или говорит мало и непонятно, угрюмо глядя в сторону. Или он тоже с этими?! Тошно и жутко от таких мыслей... Скорей бы завтра!

Насчет Виталья отец так и не ответил.

— Иди к матери, Инэ, пусть покормит. Это полезнее, чем такие вопросы.

Винтик пошел на кухню, чувствуя всей спиной, как хочется отцу вернуть его. «Папа, скажи, объясни, я пойму, я знаю, как ты дрался прежде...» Но ни слова не сказал отец.

Мама тоже молчала, в углах рта легли горькие складки. «Ей-то наверняка объяснил», — совсем как маленький, обиделся Винтик. Он прихлебывал горячее молоко, отламывал мягкий, свежей выпечки, хлеб и не заметил, как за своими мыслями умял полбуханки. Мама даже улыбнулась невесело:

— Ну вот, всегда бы так!

Винтик поплевал к себе: на улицу все равно не выпустят. А в комнате что делать, в солдатики играть? В углу громоздились стены недостроенной береговой крепости на острове — половинке громадного арбуза, хорошо высушенной и заготовленной еще осенью. Какая там крепость!

Под окнами загудел мотор, так шумела легковушка из Ратуши, которую в особо торжественных случаях посылали за отцом. Винтик посмотрел: «Ого, длинная, блестящая всякими железяками «барракуда»! Она еле втиснулась в узкий — коленом — проезд. За рулем лениво покуривал стражник. В животе стало холодно и пусто, и тут щелкнул замок в двери! Винтик кинулся к ней, толкнул всем телом. «Заперли!» А в прихожей стукнули по полу подкованные сапоги. Да что же это... Папа!

— Посыльный конторы Директории... — донеслось из-за двери.

— Я вас ждал...

— Нэль Ведэн ушел из-под стражи.

— Можно было предвидеть... Начальник караула?

— Наказан... Где может сейчас находиться Нэль Ведэн?

«Это он о Вадике!..»

— Понятия не имею. Если бы он по-прежнему доверял мне, то сообщил бы о побеге. Впрочем, я готов принять участие в розыске.

— Мы согласны, у меня — официальное предложение о сотрудничестве.

Голова пошла кругом. Ведь папа не мог... не мог с этими...

— Мы выезжаем немедленно...

— Один момент, соберусь. Подождите меня на улице.

Стражник ничего не ответил, видно, просто козырнул и вышел. Снова простучали по лестнице сапоги.

— Инэ! — Отец открыл дверь. — Успокойся... Успокойся же!

— Папа... Па! — Голос его прерывался, но слез не осталось больше.

— Успокойся, мальчик. Ты мне сейчас очень, очень нужен... — Он поймал взгляд сына и рявкнул вдруг: — Ты что, всерьез поверил, что я с этими?!

— Не знаю...

Микэл дернулся и улыбнулся криво и жалобно.

— Я тебе всего сейчас не объясню... — пробормотал он. Глаза его остановились, потемнели... — Я постараюсь вернуться быстрее! — Он попрощался нарочно громко, чтобы не так трепыхалась в голосе жестокая, нелепая какая-то боль.

Винтик ушел в свою комнату и видел, как уселись

(37) в машину отец с посыльными. «Барракуда» пустила сизый дымок и выкатилась со двора.

Мама неслышно подошла сзади, тронула за плечи.

— За что ты так его, сын? Ему сейчас совсем тяжело...

— Предать — тяжело? — Слова — камнями в лицо, а от надежды, от крохотного ее лучика — только хуже.

— Он никого не предал.

Винтик глотнул невыносимо тяжелый комок, застрявший в горле:

— Не знаю... Мама, ты не уходи сейчас, пожалуйста, ста.

— Ну, мальчик... Там раненые...

— На всю ночь?

— И завтра тоже... Да ведь ты знал?

Он кивнул. Мама устало вздохнула.

— Ладно, сын, уж постарайся понять папу, большой уже...

— Я не хочу... быть большим.

Наверное, это получилось от безвыходности, кругом — серая стена, даже дышать трудно.

— Сына, — тихо сказала мама. — Мне совсем пора...

Она медленно оделась, словно ждала, что все еще может измениться, хотя бы в этот последний момент. А ему и в самом деле хотелось прижаться к ней и говорить, говорить, высказать эту жуткую, горячую боль, рвущую его на части... Не подошел... только вздрогнуло что-то в груди, как будто тяжело и больно ударила в нее невидимая пуля.

Бегом!.. Чем быстрее бежишь, тем меньше остается в голове мыслей. Через городскую линию поперек, мимо рынка, вечно галдящего, а сейчас полупустого и придушенно молчаливого; через всю Абрикосовку, скрываясь по канавам от лихих станционных ватаг, на четвереньках по щебенчатой насыпи железной дороги, и плевать на ободранные колени. Винтик, задыхаясь от горя и от бега, выпрямился. Рельсы, по которым с начала смуты не прошел ни один поезд, подернулись ржавчиной, шпалы не просохли после недавних дождей, между ними упрямо покачивались под ветром серебристые метелки-колоски. Небо — опрокинутой опаловой чашей. Как натянутая струна, гудел ветровой гребень Краснокирпичного депо.

Под стенами его, протянув дула вдоль земли, чернели здоровенные пушки.

Отсюда начиналось подножие Степного наката. Неспешно поднимаясь от плоской приморской степи, гора круто обрывалась к морю белым отвесным лбом, над которым неведомо как прилепилась древняя (наверно, старше самого города) Башня Курантов.

Бассас! Винтик вздрогнул: к Бородачу не рисковали соваться без дела даже высшие чины Ратуши или Директории. А среди городских мальчишек бытовало множество страшных историй с летучими гробами, мертвецами и черным человеком, приставленным охранять Негасимую свечу... Правда, Вадик ходил... И по рассказам его ничего страшного в Башне не было, да только у Вадика свои секреты...

Но теперь некуда идти и спрашивать некого, а Бассас — Мастер, волшебник и должен знать, как быть, когда нет дороги. И еще была маленькая совсем, но упрямая надежда: если Вадик сбежал, то Башня — последнее убежище.

Тропинка, обогнув деповский забор, потянулась в гору, и Винтик забывался на мгновения, борясь с разбегом свежего ветра и неподатливой крутизной дороги. Город уходил вниз, раскрывался весь, такой чистый и красивый в глубокой дымке...

С порывом ветра донесло запах бензина. Винтик удивленно всмотрелся: из-под невысокой каменной арки выхода в башню торчала серая корма военного грузовичка. Такой мог быть и в Охране, и у десанта, но могли оказаться в нем и стражники. Винтик пошел тише, присматриваясь: в случае чего — с дороги и через валуны, на колесах не догонят.

Грузовик стоял смиренно, никто не показывался, и Винтик осмелел. «А вдруг это Вадик?..» Поверху дуло так, что на ногах еле-еле удержишься. И холодок, не похожий на черные тревоги этого дня, тронул и забился в груди: ветер здесь налетал из непонятного пространства, открывавшегося под аркой. Там метался свет. От оранжевых сполохов по травяным метелочкам у башни бежали искры, яркие даже теперь, днем. Шаг, еще шаг, и каменные плиты отразили в нависшем ноздреватом своде стук подошв. Винтик замер, придерживаясь рукой за борт машины, надежный, деревянный, понятный. Ветер погас, исчез, как не бывало. Пламя впереди мерцало и лилось по-прежнему, тянуло навстречу легкие язычки-ладошки. И не обжигало...

Где-то на верхних ярусах башни низко и тяжело, так что свод колыхнулся, ударил раскат гонгов в курантах. Винтик решился: он оторвался от грузовика, зажмурился, потому что в груди неприятно щекотало, и вошел в теплое текучее сияние...

— Инэ?! — возглас отдался под потолком, в громадной чаше, укрывшей зал, и угас в мягких, пушистых коврах, разлегшихся на паркете. Винтик стоял оглушенно среди высоченных книжных шкафов, золоченые корешки книг бросали в глаза лямки отблески. Из этого света, из мерцания не натуральных свечей и лакированной непреступности мебели появился Вадим, смотрел удивленно и растерянно и улыбался.

— Что там над горизонтом? — Бассас сощурился. — Не пойму, вроде нити ползут с океана. — И озаботился: — Рановато вроде, пока еще Звезда в зенит встает...

Вадим задумчиво смотрел вниз через парапет балкона:

— Почему Стрелу не двинешь? И роспись у тебя сильная, вся Злая Работа ее не возьмет, а уж одно Черное Оружие и подавно.

— Да что Злая Работа, всю ее наши Мастера делали, знаю ее... А пусти Стрелу, попробуй!... — вдруг озлился Бассас. — С броненосцев шаракнут и от насыпи, это мне пообещали. Они, знаешь!.. — Он задрал бороду и яростно жевал губы.

Винтик стоял поодаль, всего не слышал. Главное было сказано в зале.

...Вадим понял, наконец, из горячих от накипающего отчаяния слов, зачем Винтик явился в Башню, и долго мотал головой. Потом сел в кресло, сказал тихо:

— Инэ, малыш... — и усадил Винтика рядом, так что они вдвоем почти утонули в тишине и теплом домашнем уюте.

— Аль жив, папа твой никакой не предатель, ему со стражниками играть нужно, просто сейчас никак иначе город не сберечь; ну, а если попробуют... — Вадим сощурился, усмехнулся криво и недобро.

— А где Бассас? — спросил Винтик больше на всякий случай, все же интересно, какие из себя волшебники.

— Он наверху, возится с курантами. Минут через пять мы к нему поднимемся, а пока смотри что хочешь.

Винтик двинулся вдоль стеллажей, касаясь аккуратно пальцами золотого тиснения. Прошел мимо зеркала и улыбнулся белоловому, неподходящее темному глазу мальчишке с припухшим лицом и покрасневшим от слез носом.

— Вадик, я знаешь как спать хочу...

— Да здесь нельзя, здесь книги — живые. Заснешь — и такое порой начинается, — виновато сказал Вадим. — Вообще — пойдем, пора. — Он стоял у огромного, под стать залу, камина, только не настоящей огонь бился в темном, с золотыми вензелями каменном квадрате, а необжигающее светлое пламя. Винтик подошел и поглядил его тоненькие ленточки, они ответили, обвились вокруг, затрепетали над головой,

(36) и Винтик засмеялся: «Да что они могут, эти индюки в черных шляпах!»

— Идем, — позвал Вадим и шагнул через камин...

Все же как пусто наверху. Ветер пересвистывает сам с собой по щелям и выбоинам теплых древних камней. И небо так близко, мягкое, в опалах тучек, ярко-голубое в промоинах среди облачной кисеи.

— Давайте-ка... повыше... — пробормотал Бассас.

По скрипучей от ходов жучка-древоточца, беленой деревянной лестнице они молча поднялись к механизму курантов. Пахло пылью. Бронзовые колеса, зубчатки, маховики таинственно отсвечивали в лучиках света; уходил вниз, бросая длинный желтый блик, маятник-костыль, чуть вздрагивали гиревые цепи. И полным-полно было тут всяких жутковатых тайн.

— Здесь... — Вадим не договорил, его шепот отдался в бронзе, латуни и старом железе, побежал шорохом по лестницам и помостам.

— Нет, выше...

Теперь они оказались над курантами. Выступ, куда привел Бородач, был крохотным, только-только встать троим. Вадим за Винтика испугался, а Бассас только хмыкнул в седую бороду: он верил своей Башне. Отсюда — как на ладони Зеленый курган и Абрикосовка, Стапельный поселок с верфью и рыбная фабрика. И даже Крепостной полуостров.

— Как только тебе пушек под основание не вперли, — усмехнулся Вадим.

— Не захотел, и не вперли...

— А теперь боишься?

— Боюсь... — сказал Бассас глухо. — Нас, потомков Древних Мастеров, мало теперь, и так мало осталось от Наследия... Где Обратный Флюгер? На дне, вместе с барком «Жемчуг», который расстреляла эскадра броненосцев, за отказ спустить флаг Мятажа. А Гребень Теплых Ветров? Взорван Королевскими саперами в Галеранскую войну... А когда-то побережье совсем не знало зимы...

Бассас как-то увял, съезжился. Винтик удивился, не думал, что этакая громогласная машина способна так уменьшиться.

— Кстати, о войне этой... Как там Вольный флот, Бородач? Флаг Мятажа еще один?

— Да как... Флага Мятажа давно нет, по эскадрам все. У кого — Зеленая Чайка, у кого — Звезда Ветров.

— Ну, Звездная эскадра давно уже откололась. Я-то с ними на Холт-Харране встречался, по всеобщему времени Колец, года четыре назад.

— Вовремя откололись, — буркнул Бассас, — горели бы со всем Северным отрядом в Полудночной гавани...

— Стража поработала? — Вадим глядел исподлобья.

— Поровну с людьми Короля. Но ты спрашивал, не было ли их в лабиринте после Холт-Харрана...

— И как? — Винтик играл с ветром, Вадим придерживал его подалее от края площадки.

— Приходили, я слушал бывшего капитана «Жемчуга», какого-то Нэль Нагеля, его посудина как раз перед боем туда забиралась. У капитана этого сейчас фрегат «Лунный Луч», а здесь он по делам по-явился: искал кого-то или что-то.

Вадим прищурился, глаза его стали жесткими, как в бою.

— Какое имя у капитана?

— Настоящее — другое... Вроде Этре Огель.

— Этре Ольхель, — грустно сказал Вадим.

— Точно. Вот так с вами совсем свихнешься. Я еще его спросил, чего их бродяжить понесло по Кольцам. Он с усмешечкой: мол, когда клипера ходят в гонки у Кап-Интрана — это одно, а когда — под военные флаги и с четырехдюймовками друг на друга, так это примитивное свинство.

Винтик подвинулся к Вадиму, ухватил его за руку. У Аля нашелся папа, это здорово! Но Аль теперь будет с ним в море, в Ста Кораблях — городе на Дальнем Юге. А Вадик?

— Борода,— хрипло сказал Вадим,— найди мне этого человека, обязательно.

— Опять меня в свои дела путаешь! — обиделся Бассас.— Расстреляют Башню — кто удержит заслон перед Плесенью? — продолжил он тоскливо, шаря взглядом по стене своей Башни. Винтик вздрогнул, Маришкина легенда вспомнилась вдруг. А Вадим посмотрел на Бассаса жестко и прямо.

— Люди,— сказал он коротко.— Мальчишки.

— Не верю...

«Эх ты, волшебник...» — подумал Винтик.

— Ладно, Борода, добудь из караулки Ратуши мой меч, и расстанемся без обиды. Инэ, спускайся...

Бассас сощурился на солнце, прикинул что-то, выставил на пальцах знак и махнул рукой. Меч возник из воздуха, сразу оказавшись на поясе у Вадима.

— Вот что,— задержал Вадима Бородач.— Ты сегодня у меня в тайном зале посиди, почитай, может, чего и отыщешь... Магистр.

Винтик спускался первым и все оглядывался на могучую фигуру, впечатавшуюся в облака, чувствуя, как ворочается в груди иголочка непонятной жалости.

— Вадик,— спросил он, задержавшись на секунду среди латунных стержней, неведомо зачем встроенных в механизм.— Помнишь Маришкину историю про крепости и Вождя?

— А... черные полки, Тень... Ледяная плесень... — Вадим сморщился досадливо.— Уж больно смутно. Но ты не бойся... — Только бледной вышла улыбка.

«Проклятый Бородач знал, что делал, когда меня вчера оставлял. Господи, как просто! Соколиный Дворец — три десятка миль от города. Резиденция Короля и Арсенал. И там же эта черная пакость. Одно к одному. Ладно, парадный мундир на мне, меч — на поясе, мина в кузове. И Винтик вчера домой пошел прямо оживший. Вот легенда его... Интересно, что я буду рвать, если это вправду тень? Чувшь, даже Пентамическая магия не обходится без чего-нибудь осязаемого, а значит, и взрываемого.

Да и вся эта легенда... Театр... театр. Черный Злодей и Тень его. Опера, оперетта даже.

Не были древние Мастера обормотами, не их вина, что наша мерзость оказалась такой могучей. Как им было, наверное, страшно, когда Черная муть, высосанная Глазом из Человеческих Миров, обернулась жуткими провалами в Схождении Колец, и зыбучие пески лабиринта поглотили их Города. Из провалов, расплзаясь в Мертвых Мирах, двинулась Ледяная плесень. До сих пор Глаз стягивает в ущелье каждое дыхание танкового мотора, каждое довольное сопение безнаказанного мерзавца.

И на кого жаловаться? Нас он видит, только нас, не кого-то!

Аль в порядке, только сидит все время мрачный, даже медсестра жалуется... Плевать на сестру...

Куча мыслей, все рваные, бестолковые. Грузовичок хороший попался: ворота им вынесли, а ему хоть бы что. И теперь чешет по дороге — заглядение. А вот брюхо подводит, то ли от голода, то ли трясет сильно.

Стоп, что это?

Вадим съехал на обочину Городского шоссе, выскочил из кабины. Странно... Шоссе проскакивало между Зеленым курганом и Рыночной горой, уходило прямо, как стрела, к площади Грифона, к ратуше. Тяжелые клубы дыма поднимались, перечеркивая, загромождавая небо, скрывая колонну Вольности. Раскаты треск донесся от подножия дымным столбом. Там стреляли...

Магистр метнулся в кабину. Газу, газу... Ну что же ты за колымага! Пестрый шлагбаум и стражник с поднятой рукой. Пошел ты... Треск и разлетающееся дерево, стражник сигает в канаву. Туда тебе... По сторонам пролетали дома. Угол ветрового стекла вдруг вскипел,

лопнул, пошел трещинами. Сильно и резко ударило по капоту. «Молодцы, ребята-стрелки. У госпиталя тихо — тоже славно». Тревога ударила жестко, больно. Инэ, Дая, Маришка... Опять в вашем городе драка. Он застонал через стиснутые зубы. А что на этот раз не поделили господа политики?

Он пытался понять это, когда, загнав машину под стену Ратуши с торчащими ангелами и химерами, оказался на закопченной площади...

Отупев от страха за ребят, он мотался между костров, спрашивая сидевших вперемешку гражданских гвардейцев и горожан, вооруженных чем попало. Стекла Ратуши, драгоценные цветные витражи были расколочены увесистыми булыжниками, высоченные двери, похожие на язык пламени, пробиты навывлет.

«Согнали, значит, к пляжам... Детей... Всех... Не всех, а специальные списки были... Хулиганов... Да какие хулиганы? С нашей улицы — половину...»

Девчонок там было мало, брали в основном мальчишек. Их приводили на пляжи, а по берегу ходила вооруженная охрана. Потом построили колоннами, привели к Ратуше и запихнули в грузовики. Это оказалось легко сделать: быть на празднике обязала школа. Под завывания празднующей толпы брезентовые автофургоны срывались с площади и уходили на Соколиный... Злостных нарушителей дисциплины отправляли перевоспитываться в казармы Стражи и Королевской юнгвардии. Так объяснили любопытствующим равнодушные сопровождающие с самозарядками, в них узнавали иной раз директоров школ.

А потом было беспощадно трезвое утро, и родители пропавших явились к Ратуше. Около каменных львов, что по сторонам от входа, торчал пулемет, и стражник лениво курил, опираясь на львиный нос. Перед ним стоял в этикетной одежде Нэль Норра, заложив за спину руки в белых перчатках, и глаза его были пустыми и страшными.

Из окна Ратуши заорал мегафон, призывая разойтись. Но на площадь, сообразив, что происходит неладное, начали подходить люди. И тогда из конторского переулка, неспешно цокая подковами, выбрался эскадрон конной стражи на могучих черных першеронах.

Стражник-пулеметчик что-то спросил у Нэля Норра, тот качнул головой, но стражник только плечами пожал и присел к «машинке». Микэл шагнул вперед, повернулся, бросив перчатки, а потом резко и точно ударил куда-то в шею. Стражник мешком повалился на пулемет. Нэль Норра поднял прицел и дал длинную очередь по всадникам, он не отпускал гашетку, пока снайперская, видимо, пуля не вошла в его высокий бледный лоб. Но в руках горожан теперь появилось оружие, часть Гражданской гвардии перешла на сторону восстания...

Потом жгли документы Ратуши — бессмысленно и упрямо, теряя шанс разобраться в случившемся. А Борис Нэль Стагге прикатил в автомобиле на площадь, ждал. Когда всем стало ясно, что делать здесь больше нечего, когда собирались уже снарядить караван на Соколиный, он выступил, объявив войну всем, кому не дорога честь родного города.

— Силой оружия прогнать слуг Директории, уничтожить людей Короля! — Город — гражданам! Потребует от Короля и Директории вернуть наших детей!

Расстреляли Нэль Траго как изменника. Искали стражников — перевешать, но те, казалось, заранее знали, ушли в Восточный форт, укрепились на Абрикосовке...

«Господи! Да хоть кто-нибудь из вас о ребятах думал?!»

Королю отправили ультиматум, на броненосную эскадру — отдельно... «Ну вас к дьяволу!» Вадим пробрался к своему грузовичку, постоял, упершись лбом в желтую, запыленную дверцу... Черным-черно кругом, опять занудно и пакостно ноет сердце.

На базу... Там свои ребята, помогут. «Микэла боль-

ше нет... Бред сивой кобылы, хуже! Если я сейчас точно понимаю эти дела, то Винтик, Даня, Маришка, вообще все самые лучшие ребята в Соколином Дворце... Хотя... Дьявола лысого я что-нибудь понимаю... Дурак дураком».

Он катил по тряской мостовой, а патрули Гражданской гвардии лениво поглядывали вслед. Проскочив пост на Морском шоссе, он сообразил, что Нэль Стагге заметил его, оценил все и сейчас не препятствует ему сдохнуть под пулями стражников. Обточенные ногами, копытами, колесами, булжники мостовой лоснились в ярком свете, грузовик темной, отчетливой мишенью подкашивался прямо под стены форта, но стражники не открывали огня. «Законник Виталь!.. Новый анекдот. Хотя он сейчас, видимо, в Соколином». А между мыслями, кроме мыслей, плыли перед глазами ребячьи лица...

Вадим сигналил с минуту, пока раскрылись тяжелые ворота базы Морской охраны. Его разглядывали поверх прицелов со смотровой вышки, пришлось высунуть голову из кабины, только после этого двинулись, заскрипев, синие облупленные створки.

Встретил Бенни, злой, опухший, то ли от выпивки, то ли от недосыпа. В руках — тяжелый самозарядный штуцер.

— Что? — кривя губы, кивнул на него Вадим. — Вооружились и готовы по мере сил...

— Заткнись, — обрезал Бенни.

Пустой горячий плац базы, никого... Еще не начат бой, а порохом воняет горько и беспощадно. Мальчики, как вы там, на Соколином?..

— Приготовили, что могли, но если займемся Дворцом сами, поддержки искать негде. Борис занят собственной властью...

«Да о чем он?.. А... Восстание... И король — дурак, значит, не прости».

— Не надо... Не надо пока десанта. Борис додумался объявить войну всем сразу. Значит, будет союз против города. А король, подзреваю, без того в сговоре с Виталем. Тем легче им будет теперь... Держите город.

— Ага, мы сами то же решили... — обрадовался Бенни.

«А может, приказать, чтоб не дрались? Тогда погибнет меньше... А потом?» — спросил вдруг удивительно холодный и трезвый голос. Он был внутри, но существовал как-то помимо бешеного, рвущего сердце страха и боли. «Вообще, что ты предлагаешь этим людям? Или ты и в правду вечный чужак? Ведь ты не знаешь даже, получится ли у тебя с Черным Оружием».

— С броненосцев подняли воздушный шар! — крикнули от вышки.

«Значит, будут стрелять. Скоро, сейчас».

Бенни это тоже понял.

— Корректировщиков подняли, — угрюмо отметил он.

Вадим обвел прощальным взглядом белые казармы, мастерские, катера, пришвартованные к пирсам. Казармы из строительного камня светились золотистобелым в прямых, как выпад, солнечных лучах, катера серебристыми тенями покачивались на небесно-синей воде у пирсов, что-то звякало в мастерских. Плавной дугой вытягивалась до верфей набережная. «Утюги» броненосцев, всей тяжестью улегшиеся в заливе, пошевеливали стволами башенных орудий, целясь именно туда, в белые, розовые, голубоватые кружева домов, и висела над ними грязно-серая колбаса азростата.

«Возвращаться, видно, не придется... Ребят бы вытащить...»

Отсюда брать людей не стоило. Полбазы не возьмешь, а двое или один, там большой разницы не будет. Да и должен остаться здесь кто-нибудь, кому веришь до конца...

— Бенни, если выйдет совсем худо, прорывайтесь на Крепостной и морем на юг, до Ста Кораблей. Там Вольный флот...

— А ты?

— В Соколиный.

Бенни согласно кивнул, потом вдруг поджал губы: — Я так и думал. Только Вольный флот — это ж пираты!

— Нет, — вздохнул Вадим, — я знал многих капитанов Звездной эскадры раньше, чем попал сюда... Знаешь, я тебе записку оставлю. С нею отправись человека к Бассасу. И будь я проклят, если Бородач не выполнит мою просьбу.

Вот так, теперь — не забыть про Аля, про его отца... Сообщить капитану о его сыне... Связь с Вольным флотом: когда и в каком месте нужен их корабль прежде всего... А поверят? Должны все-таки помнить Холт-Харран... Или и ты — как Бассас: «Не верю...»

Конец разговорам, скорей, потому что подгоняет, не давая дышать, ребячья беда... Машину — сменить. Во дворец на армейской колыхае не въедешь! Длинный красно-белый кабриолет начальника Морской охраны — что надо. Прощайте, в кровавое время исчезнуть не трудно, вы славные люди, мне трудно уходить сейчас... Оставайтесь живыми. Пусть снова станет добрым ваш город, чудесный и белый... Машина легка на ходу. Красно-белая тень скользит по окружной дороге. Никому она не нужна, потому что уже гремит могучим раскатом залп королевских броненосцев. «Я не хочу... Стойте, сволочи!!!» Магистр облизнул пересохшие губы, побелели впившиеся в руль пальцы.

...Миша, я никому не поверил бы, что ты умер, я должен был держать тебя, раненого, на руках. Но я видел, как ты лежал в своей Ратуше и неумелый грим ненужным гипсом бугрился на лице...

Миша, я вытащу ребят и постараюсь не сдохнуть, и постараюсь, чтобы над твоей землей не маячила проклятая тень... А там — как выйдете... Мальчишки, не умирайте, дожидитесь...

И било в виски глухими ударами пульса, и гремели позади пушки.

СОКОЛИНЫЙ ДВОРЕЦ

Рядом тоненько подвывали. Винтик протянул руку: плечо, тощенькое совсем, как птичье. Там, в темноте, дернулись, ойкнули, зато нытье прекратилось.

— Ну вот, — покровительственно сказал он, — а то кроме темноты еще и сырость, разведутся мокрицы и тараканы.

— Ой, уж, — сказали рядом, вроде чуть повеселее, даже слегка нахально.

На самом-то деле впору заорать, от горя и бесилия. И до сих пор болела спина. Пнул сопровождающий, когда ловили на двадцать пятой миле. Винтику удалось протиснуться между неплотным краем брезента и кузовом. На перевале, у поста дорожного патруля, грузовики встали. Он проскочил в дыру, приземлился на задницу и, вздрагивая в ночной горной свежести, отправился вдоль колонн искать Даню с Маришкой. Поймали. Тогда он откровенно плакал, хотя, кажется, не ревел, только передергивало всего. А ненависть к «черным шляпам», перехватившая горло, задувала, как постоянная и сильная, но тупая боль. Это здорово помогало.

...Их выстроили у замшелой стены, тридцать мальчишек, вытщенных с праздника, несчастных, получивших свою порцию пинков и хлестких подзатыльников.

— Руки за спину, — вдоль стены прохаживался человек в сером дорогом костюме, со стеком, похожим на школьную указку. — Переодеть.

Стражники кинулись сдирать с ребят одежду. Винтик кого-то укусил, кому-то ловко стукнул головой в нос. Стражники не обращали внимания... Человек со стеком опять прошелся, ошупав каждого холодными рыбьими глазами, и сказал: «Годятся».

Занимался серый ненужный рассвет. Он мог не

стараться. Стыло, пусто, одиноко им было. Так, что жить не хотелось. Каменная стена кругом и навечно. Человек со стеклом был, видно, не новичок в таких делах. Он улыбнулся, широко и старательно раздвигая губы, даже в глазах обнаружилось что-то человеческое.

— Дежурный! — крикнул он в глубину низкой галереи. — Форму на тридцать человек! Кстати, меня следует называть «господин воспитатель», — добавил «Стек».

Появился высокий мальчишка лет пятнадцати. Юнгвардия! Сумрачно блеснул на берете летящий сокол. Вспыхнуло накануне утро, и снова хлестнуло по ушам тем подлым выстрелом. «Ладно! — яростно ударила мысль. — Еще не все!» Винтик выпрямился и стоял, в упор рассматривая господина воспитателя. Не дрогнув, принял из рук дежурного черную куртку и шорты, алый берет. Стражники куда-то исчезли.

— Их собственный хлам в каптерку, а потом сжечь... Одеваться! — повернулся воспитатель к продрогшим в утренней сырости мальчишкам. Оказалось великовато, а так неплохо, даже удобно.

— Все, господа. С правами и обязанностями Юнгвардии вас познакомят позже. Вне строя и занятий меня зовут Аксэ Кен Домен. — Будто жутковатая рыба маска спала с его лица, оно обмякло и подобрело. — Дежурный проводит вас до столовой, и — спать.

Сил у Винтика не хватало даже на удивление, усталость покрывала все серой дымкой. В полусне шагая за дежурным, он слышал еще, как тот разговаривает с Кен Доменом.

— Чего они все, как стукнутые?..

— Они здесь не по своей воле... Стража затеяла очередную гнусность, а его величество от большого ума согласился в ней участвовать... Этим еще повезло. Знаешь бараки за мысом?

— Туда тоже?..

— И куда большим числом...

Паренек хмыкнул:

— Наша добрая Директория...

День начинался неплохо, во всяком случае не лез никто, даже старшие юнгвардейцы, насмешливо косившие на «стукнутых». Кен Домен пообещал отправить письмо Винтика прямо в Ратушу, хотя глядел при этом куда-то в сторону. И рыба маска возвращалась на его лицо, как только он появлялся перед строем или когда неподалеку объявлялся стражник...

А теперь этот карцер... Ну и пусть. Не станет он разводить поклоны перед всякой дрянью, вроде Виталья, будь тот хоть трижды полковник, советник и кавалер всевозможных орденов. Жутко захотелось домой, от горьких мыслей, от глухой темноты вернулось вчерашнее. «А вся доброта этого... воспитателя — пока начальство не видит».

— Тебя как зовут? — спросил он невидимого соседа...

— Илька... Иллэ Нэль Ретто, — поправился мальчишка, опять вздрагивая, это Винтик даже в темноте почувствовал. Он думал о папе с мамой, о Вадике, о Дане с Маришкой, а тут вдруг неприятно и не по делу зашевелилась жалость к этому незнакомому несчастному мальчишке.

— Хочешь со мной?

— Что — с тобой? — спросил удивленно Илька.

— А так, со мной. Возьмем и уйдем отсюда... — сердито сказал Винтик.

— Вдвоем?

— Нет, возьмем всех, здесь же кругом вранье да поклоны... И когда не врут, — он вспомнил Кен Домена, — врут все равно... Уйдем, просто план нужен.

— У меня есть план дворца... — сумрачно сказал Илька. — Только все равно пойман, как меня поймали, и — сюда. И куда побежишь? Через Море?

— В Грифон. А потом на острова Вольного флота, — вспомнилось, что однажды рассказывал Вадик.

(41) — Ты сколько здесь? — чуть насмешливо спросил Илька.

— Со вчерашнего дня, — угрюмо сообщил Винтик.

— Так ты из Грифона?! Там у вас такое началось! Город объявлен вольным, стражники объединились с королем и начали бой. Там даже старший юрисконсульт из пулемета стрелял, пока его снайпер не срезал...

На двадцать пятой миле обнаружился наконец след колонны. Здесь грузовики сползали с перевала, отчаянно тормозили, оставляя черные полосы стертой резины. Пост не задержал Вадима, лениво куривший часовой удовлетворился внешностью машины и водителя: из боев такими чистенькими не выскакивают, а в военную хитрость повстанцев он, видно, не верил.

Это были его, часового, проблемы. Хорошо, что в багажник не полез... Мысли вместе с переживаниями остались там, в Грифоне, давали себя знать только мерзкой ноющей болью.

Дорога насквозь прорезала рифленые белые утесы, вырвалась к морю, через решетчатые стальные эстакады легла над трещинами и небольшими заливами. Тяжкие вздохи прибора ухали в сотнях футов под нею.

Вот еще пост. Серьезнее. Мешки с песком, из выложенных ими амбразур уставились пулеметные рыльца. Здесь — стоп. Можно вылезти, размяться. Да не показывай, что о них думаешь, а тем более — что бы ты сейчас хотел сделать на самом деле. Наоборот, закуришь предложи. Ах, не курят. Ладно. Зачем еду? А так, знаете ли, проветриваюсь. Что, не из Грифона ли? Нет, что вы! Кстати, не слышали новостей оттуда? Ах, вот как... Ну, какая роскошь, у вас даже телефон на посту. Движемся вперед. «Как скрутило... А ты улыбайся, улыбайся им». Ладно, черт... Посты Королевской армии, они Виталья могут и не знать, а если знают, то как сторонника Директории. Хотя у них вроде союз сейчас. Короче, я поехал. К Кен Виталю! Смотри-ка, подействовало. А это значит, между прочим, что Виталь личность весьма уважаемая и даже любимец короля. Ловок, гад. Эти только королевских фаворитов бояться до дрожи в коленках, так что любой служебный долг вылетает из головы.

Дворец... Шпилями и гребнями — каменный костер Большого Палатина, ребристые казематы Цитадели вокруг столовой вершины... Рядом — странные бараки. Сам Широкий Пляж на плане Бассаса имеется, а вот этого добра на нем нет. Достижение нынешнего Величества — дворец-лагерь.

Слишком уж хорошее зрение, а лучше этого не видеть, нельзя просто... Теперь хоть глаза закрой — ребята в шеренгах на берегу, около своих барачков, сумрачно застывшие фигуры стражников.

Но если придется рвать Арсенал, это — к лучшему: ребят не зацепит... Он замычал сквозь стиснутые зубы. Чугунные узоры ворот, невысокая стена с фальшивыми колоннами... Дворец! Вернее — въезд. Двое в idiotских дутых камзолах, но зато с вполне современными револьверами в кобурах.

Где мне поставить машину? Ах, стоянка за фонтаном, вблизи портика. Чудесно... Что? Так, так, прием через час? Замечательно.

Машина на месте. Не слишком ли просто? Ну, если Виталь считает, что заманил, какая разница? Никто пока не пытается ограничить твою свободу. Так что сейчас — вниз, к баракам.

Вадим нащупал локтем автомат, проверил меч на поясе и начал спускаться по крутой, узенькой, зато с резными каменными перилами лесенке. Какой сегодня хороший ветер, соленый, свежий. А небо! А чертовы эти скалы?.. И море, встающее на дыбы в схватке с утесами. Пенной шибящее вверх, как от взрыва...

Кто я такой? А, вы охрана спецлагеря! Ну что ж,

я — личный представитель полковника Виталь Кен Виталья в Морской охране. Да, деловая встреча на сегодняшнем приеме. Улыбка, дружеское рукопожатие... Списки задержанных детей. Ну конечно, я должен знать, кто из их родителей имеет отношение к Морской охране. Документы сгорели при разгроме Ратуши.

Список оказался увесистой тетрадь. По алфавиту расписаны фамилии. Короткие справки по каждому мальчишке, каждой девчонке. И не школьная липа, специалисты поработали.

— Приведите Кен Грамма из пятого барака и Нэль Катто — от девочек! Мне хотелось бы с ними побеседовать. Наедине.

«Странно, что в списках нет Инэ...»

Отключиться на несколько минут Вадиму не дали. Он удивился еще, как четко сработали. А Даня уже вошел и сел перед ним на скрипнувший стул. Потускнела его рыжая шевелюра, и глаза присыпал злой пепел, мальчишка глянул тяжело и ненавидяще. Потом узнал, но только на мгновение вспыхнули в его зрачках прежние лихие отблески.

— Охране покинуть комнату! Я буду беседовать наедине...

Магистр подождал, пока последний стражник аккуратно и вежливо прикрыл за собой дырявую, подгнившую дверь. «Досок пожалели».

Даня вопросительно смотрел в лицо Магистру, но не очень-то хотел, судя по всему, разговаривать наедине или в присутствии. Не верил.

— Начну издали, — сказал Магистр, и все съезжилось у него внутри. «До чего ненатурально и глупо». Скрипнула дверь.

— Что угодно? — холодно глянул Магистр.

— Нэль Катто от девочек...

— Давайте и выметайтесь скорее. — Вся дипломатия повывлетала из головы.

Дверь захлопнулась, пропустив Маришку.

— Так, ребята, у нас нет времени на просьбы и переживания... — «Что я, идиот, говорю?» — Поэтому поверьте сразу... Пожалуйста... Через пару часов во дворце будет взорван Арсенал с одной хитрой магической пакостью...

Следят... Я гость не короля, а Кен Виталья, и внутренние посты только что не расклавываются, но человек его следит почти открыто... Как здорово, что выучил я план наизусть. Вот этот тяжелый бордовый бархат прячет зеркало, которое не зеркало вовсе. Голову на отсечение: не знают агенты Виталья, в чем там фокус. Помотать соглядая еще по верхним покоем? Хватит, времени не осталось.

Вадим взглянул на часы, перевел на всеобщее время и охнул: час у него, не больше. Глянул еще вдоль бесконечных комнат, залов — прощально и тускло блеснули тяжелые золотые витушки, промерцали тайные знаки в глубине янтарных пластин. Магистр отодвинул занавес. «В Грифоне по всей городской линии пожар. Город изувечен снарядами, а вы гуляете здесь и жрете, и храпите по ночам довольным шотландским сытым храпом, и отдаете приказы, бросающие детей под пули и снаряды...»

Магистр оскаллился, выбросил на пальцах Знак Пути по Троицной магии и шагнул сквозь зеркало...

В темноте плавал полудохлый волосок электролампочки. Магистр жмурился и тер глаза, наконец они начали привыкать: все так, вентиляционный люк Арсенала. Снизу поблескивает содержимое отсека: огромные шары морских мин, ошетиленные рогульками. Туда, прямо на мины, спустил он свой заряд — аккуратно по ниточке, прикинув поначалу, как пойдет волна и не снесет ли она казармы Юнгвардии вблизи пляжа Палатина. Снизу пришел короткий писк: отсчет времени оставил ему полсотни минут. Магистр бросился

(42) к проходу. С этой стороны зеркал не было: кирпичная стена. Магистр нырнул в нее, как в податливую воду...

...Зал приемов. Магистр ловко увернулся от чести. Составить компанию престарелому сморчку во фраке. Нет, Виталья здесь не было...

«А если Бассас ошибся, или звездная ось за века стала иначе?» Ледяной ужас прошел сквозь Магистра навывлет. Нет, так не может быть... Бассас знает должен...

А зал продолжал бормотать: «Ваши броненосцы... Ах... Мятажники... Смута...»

Ненависть ударила в поддых. Магистр остановился уже около своей машины, замер на мгновение, пока продвигался. Четкий шаг пробился из глубины гаража. «Черт, смена караулов. Дворцовая стража и Юнгвардия». Магистр озлился на себя: «Дурак самоуверенный!»

Он метнулся в глубину переходов за мальчишками, обреченными погибнуть вместе с дворцом, если теперь, сейчас же, не вывести их из Тайных Галерей, пробитых в скалах под Цитаделью, под Арсеналом, под Большим Палатином. В гараже — один пост: вход в галереи. Каменная дикая арка и броневая, блестящая свежим металлом дверь с электрическим звонком и мигалкой. Перед дверью на посту стоял мальчишка — смуглый, тощий и маленький, из Юнгвардии. Незнакомый, но вдруг он сказал шепотом:

— Господин Нэль Ведэн... Го... Вадик!

Винтика взяли из карцера прямо на пост, а он ничего не соображал, не понимал, Илька помогал ему идти. А потом потребовал воспитателя и очень злобно объявил Кен Домену, что на пост они встанут вместе или вместе отправляются в карцер. «Ладно, — пожал плечами Аксэ, — будем считать, господин Нэль Ретто, что вы обучаете господина Нэль Норра стоять на посту. Первый ваш пост — у карцера... впрочем, опустевшего».

Винтик выслушал про пулемет на крыльце Ратуши, про гибель отца, но слова прошли где-то очень далеко, а когда отпустило наконец страшное варевое из тоски и сбивающего с ног горя, когда язык снова зашевелился под пересошим нёбом, он взглянул по плечу Ильку, который стоял рядом, положив руку на эфес узкого меча. Потом он сам рассказывал, запинаясь, вспоминая мучительно каждую секунду прежней счастливой жизни. Наверное, никто не удивился бы, сойди он с ума, Илька этого и испугался, когда Винтик вдруг прищурился и сказал:

— Я убью Виталья.

— Да с чего ты взял, что он в том виноват?!

— Он командует всеми «черными шляпами» в Грифоне. Я знаю, как он отдает приказы... Илька, Вадик приедет сюда, это точно. Если увидишь его, скажи... а лучше покажи дорогу. Ты говорил об Арсенале, так вот, его надо взорвать...

— У нас был мальчик, который хотел это сделать, его убили, как государственного преступника, — сердито сказал Илька.

— Вам опять врал! Аль ранен, но жив!

И толкнулась надежда в груди: а если папа только ранен, просто этой дряни хочется, чтобы он погиб...

— Господин Виннэт Нэль пришел в себя? Тогда прошу вас остаться на посту в одиночестве, а Иллэ Нэль пройдет на свой пост. — Кен Домен говорил без насмешки, тихо, устало. — Кстати, Виннэт Нэль, вам пора учиться фехтованию, личный клинок возьмете в оружейном складе, сегодня отстойте без оружия.

Винтик вначале ходил, потом сел прямо на каменный пол. В мозгах — гул, как в пустой бочке. Стоять на посту около пустого карцера, конечно, глупо. Но Аксэ, наверное, отлично понимал, что любой арестант, оставленный под охраной Винтика, немедленно оказался бы на свободе.

Шаги, знакомые шаги в этих проклятых коридорах

были, как гром! И еще одни — легкие, вприпрыжку. И кинулся Винтик на эти шаги, ткнулся Вадиму в живот, заревел вздохом, прижимался к нафталиновому парадному мундиру, спасаясь от горя и одиночества. И тот стоял, не в силах пошевелиться, и щелкали на руке Магистра часы прямо Винтику в ухо...

Они остановились перед дверью в караулку.

— Вадик, ты, если можно, Аксэ вытащи,— попросил Илька.

— Посмотрим...

Вадим резко шагнул вперед: человек восемь ребят и взрослый дядя со стеклом в штатском костюме.

— Чем...— холодно спросил человек и не закончил. Магистр разрубил телефонный кабель и решительно вдавил кнопку сигнала «Срочно собраться в казармы».

— Я...— заикнулся Аксэ, но Вадим перебил:

— Через полчаса исчезнет такой фейерверк, что большая часть дворца исчезнет. Есть возможность продублировать сигнал?

Сзади вдруг загромыхали сапоги.

— Скорее! — Вадим закрыл дверь.

— Куда детям идти? — спросил Аксэ.

«Он что, нарочно время тянет?!»

— Подальше от Арсенала.

Аксэ, чем-то похожий на рыбу, недовольную, что попала на крючок, шагнул к шкафу — большому, металлическому. На секунду отвлекся Магистр, а он уже стоял с самозарядкой. От выстрела заложило уши. Магистр ощутил свирепый ожог, теплое ползло по руке, но боли еще не было. И, пользуясь этими недолгими мгновениями, он шевельнул рукой, автомат скользнул под пальцы, маленький, не больше здешних револьверов. Очередь наискось перерезала Кен Домена, и не успев еще он упасть, а в уши хлестнул отчаянный Илькин крик.

— Инэ! Запоминай, как пальцы сложены,— Магистр показывал Знак Пути, а сзади ломали дверь.— Направь на стену или зеркало с таким же рисунком и тогда — скорей, пока не закрылась. А я буду выводить людей.

— Вадик, мы в Круге Тревоги,— Винтик показывал на отчаянно завывающий динамик.— Сейчас стража со всего дворца бежит сюда.

«Это даже к лучшему, меньше погибнет при взрыве».

— Уходи, Инэ, в сторону пляжей, там почти все из Грифона...

— Виталь был здесь...

— Плевать мне на эту мразь, выживет — пусть живет. А ты — бегом! Я комнату поворачиваю...

Винтик сделал Знак и ушел сквозь стену. Магистр вытянул меч, начертил веер в воздухе, звездой обозначил Обращение. Неуловимо поменялись местами дверь и глухая стена, умолкли вопли. Магистр повернулся к оставшимся ребятам, на Ильку старался не глядеть. Тишина легла в караулку тяжелой пустотой, а Магистру чудился смутный звук. Мальчишки, такие же, как в его Ордене, смотрели сквозь него на убитого Аксэ. Ну и ладно...

«Господи, что я буду делать, если они не пойдут!»

— Всем собраться! — хрипло прорычал Магистр, поводя стволком автомата.— Построиться у западной стены, впереди меня пойдете через Тайные Галереи!

«Даня, только ты выведи своих ребят... Ну, да мы с тобой столько говорили об этом, ты ведь помнишь...»

— Бе-гом,— выдохнул Магистр.

«Сколько идут? Раз... два, все...» Он подумал о Галереях, где темно и нельзя проверить каждого. «Хорошо хоть, что Инэ уже далеко...»

В Круге Тревоги не заблудись. Лампочки на стенах, вставленные прямо в грубые швы каменной кладки, показывают дорогу разноцветными огнями; стражники видят, что Юнггвардия выполняет инструкцию:

(43) бегом из Круга. Винтик вдруг вспомнил счастливое папино лицо, радужные фейерверки Дня Грифона, всхлипнул и надал, чтобы не осталось дыхания на слезы и воспоминания. Кожные подметки башмаков скользили по булыжникам внутренней мостовой, раза два больно втыкался Винтик в чьи-то животы и пролетал дальше, оставляя позади возмущение стражника и крики насчет нахальной мальчишечьей породы. А потом сразу исчез за поворотом дрожащий блеск последней мигалки, навалилась тьма Тайных Галерей.

Винтик сделал шаг в сторону стены, оперся обеими руками, перевел дыхание. Стук сердца отдался в ушах... Нет, стук где-то рядом, может, за стеной. Пальцы нащупали кругляк. На нем что-то выдавлено. Да не что-то: знак — почти как Вадик показывал. Попробовать...

«Что это?» — Огромное пространство ощущалось в гулкой крошечной тьме. Нет, не крошечной, вон наверху большой глаз-контур, и сквозь него видно небо, почти ночное. Всего одна звезда, горит таким свирепым зеленым пламенем, что кажется пускает по небу лучи-щупальца. «Грозовая звезда», — понял Винтик, будто ледяной водой облили.

Рядом вдруг раздался голоса, и он притаился.

— Вы все-таки упустили Магистра, Виталь!

— Признаюсь, он сейчас куда свободнее работает с Магией, а я этого не учел.

«Так тебе и надо!»

— Но вы не беспокойтесь, ваше величество, даже после взрыва мины Черное Оружие не пострадает, мина не сможет сломать ось звездного света.

— Мы сейчас под сводами, недалеко от Арсенала...

— Неважно, ваше величество. Игла несокрушима, такие делал всего один Мастер из Древних... Звезда встает в Зенит, — голос Виталья дрогнул.

«Значит, все зря, значит, вот сейчас поднимется черный ураган — хлестнет, и на Земле от всех хороших людей останутся только маленькие огни во мракел! А потом пойдет в другие миры...»

Небо уже сверкало все, было чужим — небо Песчаного лабиринта. Значит, правда, что Вадик говорил! Лабиринт — полупрозрачный мир, проникающий всюду, где до краев одиночества, горя и боли, и тянущийся через Кольца все дальше, дальше... И в далеком другом городе отец другого мальчишки упадет, пробитый пулей, или исчезнет, как было у Аля.

Сверху, освещая подземелье дрожащим зеленым огнем, протянулся тонкий луч звездного света, уперся в кончик прежде невидимой иглы, будто растущей из каменной чаши. Это было всего в двух шагах от Винтика. Острие иглы горело все сильнее, луч-ось перестал трепетать, а со дна ущелья поднималась лоснящаяся черная пелена, по ее кромке ходили волны.

Все круче вставали черные языки, луч полыхал раскаленной нитью.

«Сейчас ударит».

Земля задрожала, и вот медленно, трудно повернулся черный прибор, клочья его понеслись в воздухе хлопьями сажки.

— Мина Магистра не сработала? — беспокойно спросил Король.

— Неважно, для звездной оси даже время другое... Вихрь уже прошел через границу. Вот мина!..

Камни, прыгнув вверх, больно ударили по ногам, рычанье воздуха забило уши, метнулось и погасло багровое, широкое пламя. Но сверкающая зеленой нить не собиралась гаснуть, ни одного камешка, расколотого взрывом дворца, не упало на утес Иглы. И правда, время — другое. В Винтике нарастало злое отчаяние: сломать проклятую Иглу! Короткий высверк — будто клинок в выпаде. Черные хлопья, летевшие под сводом, в мгновение, без перехода, стали сполохами огня, рассыпались искрами.

Величество пицало, съезжившись под невысоким

каменным козырьком... Черный прибой нещадно сек огнем стонущую землю и поднимался все выше.

Воздух наполнился мутой, будто с сотрясающихся скал поднялись тучи мелкой противной пыли. Вопль сторающих камней угас, сменившись невнятным бормотанием, крысиным шорохом, странными голосами. В серой мгле медленно опадали маслянисто-черные мягкие холмы. Сверху словно пошел снег. Тусклые хлопья несли влажный холод, и Винтик, застывая от тоскливой безнадежности, проваливался в наползающую череду серых дней без весны, без лета. Наверное, так умирают?..

Гулкий звенящий удар смял пространство над черной дрянью...

— Виталь, что это?! — взвизгнуло Величество голосом оскорбленной кассирши.

— Это Орден! — крикнул Виталь. — Их Весть издадека... — и добавил невнятно: — в Приозерске — застава...

Сверху он казался Винтику огромной растопыренной кляксой, Виталь расставил ноги пошире, словно боролся с сильным, с ног сбивающим ветром. Гнилая воноющая мгла распалась.

И самого подземелья не было больше, ущелье кануло. Винтик и Виталь с Королем оказались на плоском утесе, источенном ветром, уж никак не подземным. Только сверкала ось, и прежним злым огнем кололо глаза острие...

Под утесом темнела расплосованная изрытая земля, а дальше — зыбкий песок волнами и замыкающий круг рыжих зарниц.

А чернота не исчезла вовсе, она отпрянула в сторону, подобралась и вскипела острыми быстрыми языками до Грозовой звезды, роняя меркнувшие бледные комья.

И еще увидел Винтик: через равнину — до призрачно близкого горизонта — стояли шеренгой люди, вроде даже мальчишки. Это было как дурацкий страшный сон, из которого нет выхода. Но снизу от ребят доносился быстрый непонятный говор и чей-то короткий смех... Нет, все взаправду!

Тогда пространство снова зашаталось от дурного трепещущего воя, мелькнуло, будто родившись из тьмы, что-то непонятное, какие-то брызжащие пламенем машины.

Виталь поднял в воспаленное небо кулаки:

— Я не боюсь ваших застав! — проревел он. — Это моя битва!!!

— Нет... — прошептал Винтик и не услышал себя. — Нет... Виталь! Так не будет! Но будет по-твоему!!! — Он сорвал голос и закашлялся.

Виталь повернулся, по лицу его ходили страшные тени.

— Смотри, — сказал он. — Смотри, ты сам убедишься...

Словно развернувшаяся пружина бросила Винтика вперед... Обими руками ухватился он за Иглу. Жесткий ледяной ожог пробил все тело неистовой болью, но руки будто прикипели к Игле, и он почувствовал, как поддается несокрушимое острие!

— Не смей! — тоненько, нелепо заорал Виталь, но уже треснул в ладонях неведомый металл, открывая на изломе свирепый белый блеск.

А черный прибой вдруг обернулся лиловым огнем и, сжавшись, ударил в лицо.

Магистр стоял на самом краю сверкающего над закатым морем утеса, он высоко поднял меч, стараясь, чтобы полированный клинок добросил блик в пылающую даль, где встал над волнами четкий, как росчерк пера, силуэт фрегата. Позади, на обгорелой, разодранной куртке Магистра спал наплакавшийся Илька, чужой навсегда. Даня сидел на краю обрыва (надо гнать). Лениво бросал с жуткой высоты мелкие

(14) камешки. От надежды почти ничего не осталось, угли под пеплом. И все же, вдруг еще Винтик придет... Вдруг...

...Большинство расположилось в уцелевших комнатах дворца, и видели они уже десятые сны. Кто-то пока остался в бараках — дерево, теплее. Вот с едой было туго. Но теперь все решалось сразу... Бассас все-таки смог... Иначе не было бы этого корабля. И как дальше? У тебя Аль... И может, жив еще Инэ...

— Вадик, ты куда теперь? — неторопливо поинтересовался Даня.

— В Грифон, куда же еще? — сморщился от боли в уставшем плече Вадим.

— Меня возьмешь?

— Возьму... если сейчас же от пропасти уберешься.

— Чего размахался, — кивнул на меч Даня. — И так рука больная.

— Ну, — растерялся Вадим, — чтоб увидели с моря.

— Увидят, — сказал Даня теперь по-настоящему грустно.

Вадим обернулся: над уцелевшим шпилем Палатина бился и дрожал в сумеречном синем небе огонек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРИОЗЕРСК

— Вадик, это все? Так и кончилось?..

— А что еще, Тим? Полуразрушенный Грифон был взят войсками Короля. Генералы отыскались... Мы были стражников из Форта, а укрепления на Абриковке остались за ними...

Вадим оглянулся: палата тихо шелестела ребячьими голосами.

— Спать немедленно, — свирепым шепотом потребовал Вадим.

Сейчас принесет «медицину»... Накаркал. Дежурившие в корпусе Гранька и Марчик проскользнули в палату:

— Дежурная на подходе.

— Всем лишним — в окно, — приказал Вадим.

Аль проскочил к широкой, оправленной в дюраль стеклянной пластине, повернул на оси.

— А на тебе бацилл больше! — И махнул через невысокий подоконник на ухоженный газон.

— Люди, я вечером появлюсь, а пока выздоравливайте! — Вадим шагнул в дверь навстречу медсестре; шел вместе с нею к выходу, слушал рассуждения о нехороших людях, лишающих больных детей сна и нахально злоупотребляющих расположением врачей.

«...Аль стал похож на мальчишку, прежней суровой взрослости словно не бывало. Как теперь Этре Ольхель его в море опять возьмет?» Вадиму становилось жутко при мысли, что из тихого Приозерска Аль снова уйдет за отцом на палубу «Лунного Луча» в завывание снарядов, в десант под пулеметные очереди. Он, Магистр, тоже вернется туда, там Даня и Маришка, там — Илька, непростивший, ненавидящий, но одинокий и несчастный, там — невысокий земляной холмик в парке у Ратуши Вольного Города Грифона... И огонек над развалинами дворца...

Вадим вздрогнул, вспомнив, как звенели подошвы ботинок по песку лабиринта, спекшемуся в блестящую корку. След Битвы...

Этот врач... кажется, у него может получиться, он останется здесь с мальчишками, будут заново строить Город.

Рядом с Алем Магистр шел по больничной аллее, гулкой от прихваченного первым инеем асфальта, в бледном зеленоватом свете «дневных» ламп. Последняя не горела, за больничной оградой легла темнота, вся в красноватых сполохах фар проносившихся автомобилей. Шаги отдавались все громче, сливаясь с урчанием моторов... А может, осенний ветер доносил уже через грань Кольца отзвук боя.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ: ГОД 1990-й

Помещаем краткий список памятных дат НФ на нынешний год [к сожалению, не помещившийся в нашем январском номере]. Составить его нам помогли: прежде всего В. Окулов (Иваново), а также А. Сауткин (Мурманск), Л. Выставкин (Москва) и ряд других наших читателей.

Январь, 2. 70 лет со дня рождения (1920) известного американского писателя Айзека Азимова.

Январь, 9. 100 лет со дня рождения чешского писателя Карела Чапека (1830—1938), общепризнанного классика мировой НФ.

Январь, 12. 75 лет со дня рождения (1915) ленинградского писателя Вадима Сергеевича Шефнера, автора НФ романа «Лачуга должника», повестей «Девушка у обрыва», «Круглая тайна» и др.

Февраль, 15. 90 лет со дня рождения Яна Леопольдовича Ларри (1900—1977), советского детского писателя, автора популярной книги «Необыкновенные приключения Карика и Вали» (1937).

Февраль, 18. 165 лет со дня рождения Мора Йокаи (1825—1904), «отца» венгерской НФ.

Февраль, 24. 95 лет со дня рождения Всеволода Вячеславовича Иванова (1895—1963), одного из зачинателей советской литературы, автора многих фантастических произведений.

Март, 10. 50 лет со дня смерти Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940); 65 лет его первым книгам.

Март, 24. 85 лет со дня смерти французского писателя Жюль Верна (1828—1905), общепризнанного родоначальника мировой НФ. 125 лет его роману «Из пушки на Луну», 120 лет — роману «20 000 лье под водой».

Март, 26. 140 лет со дня рождения Эдварда Беллами (1850—1898), американского писателя, автора социальной утопии «Взгляд назад».

Март, 31. 190 лет со дня рождения Осипа Ивановича Сенковского (1800—1858), русского писателя, автора «Фантастических путешествий Барона Брамбеуса».

Апрель, 2. 150 лет со дня рождения Эмиля Золя (1840—1902), французского писателя, автора социально-утопической тетралогии «Четыре евангелия».

Апрель, 3. 70 лет со дня рожде-

ния (1920) Юрия Марковича Нагибина, советского писателя, автора «современных сказок» («Чужое сердце», «Пик удачи»).

Апрель, 14. 60 лет со дня смерти Владимира Владимировича Маяковского (1893—1930), в чьем наследии — фантастические пьесы «Клоп», «Баня», поэма «Летающий пролетарий».

Май, 6. 75 лет со дня рождения (1915) Орсона Уэллса, американского кинорежиссера, автора знаменитой радиопостановки «Вторжение с Марса» (1938) по роману Г. Уэллса «Война миров».

Май, 26. 90 лет со дня рождения Витеслава Незвала (1900—1958), чешского поэта, автора философско-фантастической драмы «Сегодня еще зайдет солнце над Атлантидой».

Июнь, 12. 150 лет со дня рождения Якуба Арбеса (1840—1914), основоположника НФ в чешской литературе.

Июнь, 24. 75 лет со дня рождения (1915) Фреда Хойла, известного английского астрофизика, автора НФ романов «Черное Облако» и др.

Июль, 1. 65 лет со дня рождения (1925) Зиновия Юрьевича Юрьева, автора книг «Финансист на четвереньках», «Белое снадобье», «Дарю вам память» и др., лауреата премии «Аэлита»-82.

Июль, 8. 90 лет со дня рождения Юрия Корнеевича Смолича (1900—1976), украинского писателя, автора НФ трилогии «Прекрасные катастрофы» (1928—1933).

Июль, 26. 110 лет со дня рождения Владимира Кирилловича Винниченко (1880—1951), украинского писателя, автора НФ романа «Солнечная машина» (1924).

Август, 5. 80 лет со дня рождения (1910) калининградского писателя Сергея Александровича Снегова, автора трилогии «Люди как боги» и др. НФ книг, лауреата премии «Аэлита»-84.

Август, 22. 70 лет со дня рождения (1920) Рэя Дугласа Брэдбери, известного американского писателя. 40 лет его «Марсианским хроникам».

Август, 23. 110 лет со дня рождения Александра Степановича Грина (1880—1932), известного советского писателя-романтика, неоднократно обращавшегося к фантастике.

Август, 28. 65 лет со дня рождения (1925) Аркадия Натановича Стругацкого, известного советского писателя, лауреата премии «Аэлита»-81.

Сентябрь, 1. 115 лет со дня рождения Эдгара Райса Берроуза (1875—1950), американского писателя, автора знаменитой серии романов о Тарзане, «кота» американской «космической оперы».

Сентябрь, 22. 115 лет со дня рождения Микалоюса Чюрлёниса (1875—1911), литовского композитора и художника, чье творчество неразрывно связано с фантастикой.

Октябрь, 23. 70 лет со дня рождения Джанни Родари (1920—1980), известного итальянского писателя, автора многих фантастических произведений.

Октябрь, 26. 110 лет со дня рождения Андрея Белого (1880—1934), известного русского писателя, отдавшего дань и фантастике.

Ноябрь, 5. 105 лет со дня рождения Велимира Хлебникова (1885—1922), поэта-футуриста, в чьем творчестве фантастика — одна из важнейших составляющих.

Ноябрь, 19. 90 лет со дня рождения Анны Зегерс (1900—1983), немецкой писательницы, обращавшейся и к фантастике (книга рассказов «Странные встречи», 1973).

Декабрь, 30. 125 лет со дня рождения Джозефа Редьярда Киплинга (1865—1936), английского писателя, автора ряда фантастических рассказов и знаменитой книги о жизни мальчика Маугли среди зверей (1894—1895).

Кроме того, в наступившем году исполняется:

250 лет со дня рождения Луи Себастьяна Мерсье (1740—1814), французского писателя, автора утопического романа «2440 год» (1770);

115 лет со дня рождения Анатолия Васильевича Луначарского (1875—1933), советского гос. деятеля и писателя, в своем творчестве неоднократно обращавшегося к фантастике; классика французской НФ Мориса Ренара (1875—1939);

85 лет со дня рождения Вадима Дмитриевича Охотникова (1905—1964) и Виктора Степановича Сапарина (1905—1970), создававших в послевоенное десятилетие фантастику «ближнего прицела»; английского писателя-фантаста Эрика Фрэнка Рассела (1905—1978); прозаика и драматурга из ГДР Гюнтера Крупката;

75 лет со дня рождения Александра Александровича Меерова (1915—1975), автора НФ романов «Сиреневый кристалл», «Право вето» и др.; Георгия Константиновича Реймерса, автора книг «Неземной талис-

ОЦЕНИВАЕМ ФАНТАСТИКУ

Владимир
БОРИСОВ

ман», «Северная корона» и др.; известных и у нас американских писателей-фантастов Артура Порджеса, Лестера дель Рея и Роберта Янга; 65 лет со дня рождения (1925) Владимира Константиновича Печенкина, автора романа «Два дня Вериты»; Юрия Гавриловича Тупицына, автора книг «В дебрях Даль-Гея», «Перед дальней дорогой» и др.; Владимира Николаевича Фирсова (1925—1987), автора романа «Срубить Крест» и др. произведений; американского писателя-фантаста Гарри Гаррисона и англичанина Брайана Олдисса;

60 лет со дня рождения (1930) Михаила Тихоновича Емцева, автора многих НФ книг, написанных в соавторстве с Е. И. Парновым («Море Дирака», «Ярмарка теней» и др.); Юрия Степановича Самсонова, автора романа «Стеклянный корабль» и др. НФ книг; английского писателя-фантаста Джеймса Болларда.

В наступившем году исполняется также:

155 лет рассказу Э. По «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфалля» (1835);

150 лет социально-философской утопии Э. Кабе «Путешествие в Икарию» (1840);

125 лет знаменитой «Алисе в Стране Чудес» Л. Кэрролла (1865);

95 лет не менее знаменитой «Машине времени» Г. Уэллса (1895);

75 лет повести Д. Лондона «Алая Чума» (1915);

70 лет антиутопии Е. Замятина «Мы», написанной в 1920 г. и опубликованной у нас лишь в 1988-м;

65 лет первой книге А. Р. Беляева — «Голова профессора Доуэля» (1925);

50 лет с начала публикации в «Пионерской правде» романа А. Казанцева «Пылающий остров» (1940);

35 лет первой книге Г. С. Мартынова «220 дней на звездолете» и роману С. Лема «Магелланово Облако» (1955);

25 лет деятельности К. Булычева в области НФ и повестям А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века» и «Понедельник начинается в субботу» (1965).

Отметим наконец, что:

80 лет назад, в 1910 г., начал выходить журнал «Мир приключений»;

25 лет назад, в 1965 г., вышла первая книга 25-томной «Библиотеки современной фантастики», завершённой издательством «Молодая гвардия» в 1973 г.; первенца популярнейшей серии «Зарубежная фантастика» выпустило издательство «Мир».

— Но позвольте! Это же бессмыслица! Какая может быть у произведения объективная ценность?

— Почему бы и нет? — повторил он.

— Да хотя бы потому... Это же, простите, банальность! Мне, например, нравится, а вас от каждого слова тошнит. Сегодня это гремит на весь мир, а завтра все забыли...

А. Стругацкий, Б. Стругацкий

Один из основных приемов познания мира — сравнение. Но труднее всего сравнивать и оценивать произведения искусства и литературы. Как правило, каждый оценивает их, руководствуясь собственным опытом, своими собственными вкусами и пристрастиями. Более того, распространено мнение, что оценить произведение объективно просто невозможно.

Как же быть? С одной стороны, по прочтении книги мы ее неизбежно оцениваем, а с другой — мнений о прочитанном столько же, сколько и читателей! Нельзя ли выработать систему экспертных оценок, которые дали бы возможность сравнивать различные произведения по одним и тем же критериям? Ведь оценивают таким образом судьи выступления по художественной гимнастике или фигурному катанию...

Зачем нужно оценивать фантастику? Развитие творческого воображения требует анализировать фантастические идеи и преобразовывать их в новые и более сильные. И вот здесь система оценок просто необходима, она позволяет не только сравнивать идеи, но и дает подходы к тому, как эти идеи изменять.

Писателями-фантастами Г. Альтовым и П. Амнуэлем предложена шкала «Фантазия-2», предназначенная для оценки НФ идей, ситуаций, сюжетов и произведений в целом. Думается, эта шкала может стать мощным инструментом для тех, кто пожелает серьезно исследовать фантастику.

Конечно же, «Фантазия-2» — не истина в последней инстанции, а скорее — образец, по примеру которого каждый может разработать свою систему оценок.

Что представляет собою шкала «Фантазия-2»? Она позволяет оценивать НФ идею и ее воплощение в

литературе по пяти показателям:

- новизне;
- убедительности;
- человековедческой ценности;
- художественной ценности;
- субъективному фактору («нравится — не нравится»).

Каждый показатель имеет четыре уровня (отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо). Допустима дробная оценка уровней.

В дальнейшем мы подробно рассмотрим первые четыре показателя. А сегодня поговорим о субъективной оценке. Обосновывать эту оценку нет необходимости. Но Г. Альтов и П. Амнуэль предлагают такие критерии:

— 4 балла — книга оказала влияние на жизнь, судьбу, на мировоззрение эксперта;

— 3 балла — книга много раз перечитывалась экспертом и всегда давала что-то новое (или непременно производила сильное впечатление);

— 2 балла — хорошая книга, которая в свое время произвела сильное впечатление;

— 1 балл — никакого впечатления.

Это очень строгая шкала. По ней большинство книг лежат в диапазоне 1—2,5. Даже классика часто оценивается этими уровнями. В течение жизни можно встретить всего несколько десятков книг с оценкой 3. А с оценкой 4 и того меньше: единицы.

К сожалению, литературы по данному вопросу практически нет. В рецензиях обычно оцениваются конкретные произведения, и делается это в основном с субъективностью истинно безотчетной. Редко обращались к этой теме и писатели. Наиболее известны следующие произведения:

Акутагава Рюноске. *Mensura Zoi-li.* — В кн.: Акутагава Рюноске. *Новеллы.* — М.: Худож. лит., 1974. — С. 76-80.

Стругацкий А., Стругацкий Б. *Хромая судьба.* — Нева. — 1986. — № 8, 9.

Задание второе: Назовите фантастические произведения, которые, по-вашему, достойны субъективной оценки 4. Расскажите, почему вы так оцениваете эти произведения.

Наталья ЧЕРНЫХ,
сотрудник дома-музея
М. Е. Салтыкова-Щедрина

КАК ВЯТСКИЙ МУЖИК ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ

В известной сказке Салтыкова-Щедрина простой лапотный мужичок проявляет чудеса изобретательности: из собственных волос силок делает и ловит им рябчиков, из дикой конопля веревку плетет, даже в собственной пригоршне суп варит. Сказка великого сатирика, несомненно, имеет реальную и, как нам кажется, вятскую основу.

За семь лет, проведенных Михаилом Евграфовичем в вятской ссылке (ныне г. Киров), там были организованы три сельскохозяйственные выставки, причем, в двух последних Салтыков участвовал как распорядитель.

Одна из улиц Кирова названа в честь династии вятских умельцев Бронниковых, создавших знаменитые каповые часы. Комитет выставки во главе с М. Е. Салтыковым ходатайствовал перед Министерством сельского хозяйства о награждении слободского мещанина Василия Рысева за «стеклянные столовые часы с боем весьма замечательные как по прекрасной отделке, так и по верности, с которой они ходили в течение двух недель, куда продолжалась выставка».

В 1851 году на колокольне бывшей Благовещенской церкви в Слободском Василий Рысев установил башенные часы, циферблат которых был 2,5 метра, а каждая гирия весила 2 пуда.

Вообще вятские часовых дел мастера были богаты на выдумку. Крестьянин Нолинского уезда Андрей Демьшев сделал часы, которые отбивали каждую минуту. Гири, маятник и колокол были у них металлическими, циферблат же представлял бумажный лист, наклеенный на дерево, а стрелки — две лучинки, вычерненные сажей. Мастер из починка Ярок Нолинского уезда Андрей Хитрин получил в Москве бронзовую медаль за часы, вделанные в трость, самодельное ружье и модель механической жатки.

Одним из интереснейших явлений выставки 1854 года стала модель водяной мельницы с турбинным колоколом крестьянина Вятского уезда Семена Кривошенна. Как свидетельствовал казанский профессор М. Я. Киттары, «речь о турбинах была мало слышна в то время и в образованных слоях промышленного общества и, конечно, не могла дойти до крестьянина, живущего в вятской глухомани». А модель Кривошенна, «далеко не похожая на сложные турбины Фурнейрона, свидетельствовала об оригинальности, а не подражании».

Первые пожарные машины появились в Вятке в 1874 году, но, как выяснилось из отчета выставки, ровно за 20 лет до этого слободской купец Михаил Попов уже

представил две пожарные машины, «по испытании оказавшиеся весьма хорошего достоинства».

Среди диковинок выставки 1849 года — рояль «о 6 1/2 октавах очень хорошей отделки и с приятным музыкальным тоном», сделанный крестьянином Алексеем Кушовым.

В Яранском уезде при слободе Кукарке в 1841 году учреждено единственное в губернии заведение, «содействующее к распространению ремесел, свойственных крестьянскому быту».

Железные изделия ремесленной школы слободы Кукарки были названы М. Е. Салтыковым в отчете 1850 года «блистательным... исключением». Что это были за изделия, отчет сведений не дает, но из писем Салтыкова родным мы узнаем любопытную деталь: в 1852 году Михаил Евграфович посылает из Вятки в подарок брату Дмитрию шкатулку со столярными и слесарными инструментами. Подобные шкатулки делали именно в Кукарском ремесленном заведении. В Вятской губернии промыслом было мебельное производство. На нем основывалось благосостояние значительного числа семейств. «В искусстве работы, изящности формы, в ценности оклейки дерева» всех в губернии превосходили в то время столяры Троицкой волости Вятского уезда. «Между ними было много таких, — считал профессор Киттары, — произведения которых выдержали бы с честью строгий суд столичного вкуса, избалованного роскошью мебельных магазинов Петербурга».

Для производства столов десертных, подзеркальных, рабочих, дамских, а также стульев, кресел, диванов, кроватей, этажерок, комодов и различных, даже складных конторок мастера использовали ореховое дерево или березу, которую, как правило, окрашивали или оклеивали под орех. Для оклеивания мебели использовали карельскую березу, дуб, а иногда и кокосовое дерево.

О диковинных, с многочисленными потайными ящичками шкатулках слепого мастера Амвросия Ковязина, удивительных по красоте изящных каповых шкатулках, сигарочницах, папиросницах Василия Макарова мы сумели сохранить память, но о так называемых «обсыпанных шкатулках» на Вятской земле забыли окончательно.

А ведь шкатулки эти не были известны в других местах России. Вот как пишет о них все тот же профессор: «Вятский мужичок, искусный на всякую ручную работу, придумал для столярных работ особый материал, свою композицию, весьма красивую и разнообразную, в цветах, по которой трудно угадать, из чего вещь сделана. Пестрота частиц, проблески металла, неопределенность цвета, при совершенно ровной отполированной поверхности приводят в недоумение».

Чудом выставки 1850 года стали фрукты, выращенные и представленные крепостным крестьянином Лаврентием Власевым. Виноград и ананас — они ведь и до сих пор почти недоступны местным садоводам!

В укор современным кондитерам хочется напомнить, что в 1854 году ассортимент лакомых изделий вятчан был очень разнообразен: тут и бисквиты, и конфеты ликерные, коврижки обычные, голландские, вяземские, и какие-то воздушные репейки. А также вятский хлеб, секрет которого, похоже, утерян навсегда.

г. Киров.

ШШШШ

Юрий ДУНАЕВ,
краевед

Тысячи лет назад на склоне массива Веселые горы выбился из земли родничок и стал жить. Побежал с увала, с другими ручьями породнился, и родилась речка, выбила русло себе в распадах между гор, устремившись к старшей сестре Чусовой.

Более 85 километров мчит свои воды Большой Шишим. Он образуется от слияния нескольких рек: Полдневого, Черного, Восточного, Казачьего Шишимов.

Шишим... Название кажется загадочным. Откуда оно пришло в наш край? Можно допустить, что имя речки чисто русского происхождения. В далеком прошлом на Руси было распространено имя Шишим. В «Словаре древнерусских личных собственных имен» (СПб, 1903) Н. М. Тупиков отмечает, что в шестнадцатом веке имя Шишим носил суздальский крестьянин. Так что имя речке мог принести русский человек по имени-прозвищу Шишим, пришедший на вольные уральские земли.

Это одна версия, но можно поискать и другую.

До прихода русских на Урал его населяли мансийские племена, которых вытеснили тюркские народности. Существует башкирское слово — «шишмя». Оно обозначает — источник, родник (Матвеев А. К. «Неройки караулят Урал», Свердловск, 1976). Может быть, башкиры нарекли речку «Шишмя». Русские же переселенцы никогда не называли речки новыми именами, а сохраняли местные — пусть тюркские или иного происхождения — названия, лишь приспособившая их к особенностям своего произношения. Не случилось ли так, что русский топоним Шишим возник на базе башкирского названия путем диссимилиации звуков?

У одного из притоков Большого Шишима бьют два названия: Казачий и Воробьевский. Воробей — тоже старое русское имя, широко распространенное среди крестьян Коломны, Владимира, Вязьмы, Переяславля, Нежина и у служилых людей Сибири. От имени-прозвища Воробей возникла фамилия Воробьев. Может быть, пришедший в наши края казак Воробей поселился на берегу, завел хозяйство, и поселение получило название Воробьева деревня. А потом название перешло на речку.

Значительно позже, когда Верхнетагильский и Уткинский заводы перешли во владение Яковлева, в Воробьевой деревне был устроен постоянный двор для пристанища возчиков, которые транспортировали чугун и другие товары из Верхнетагильского завода в Уткинский.

Речка Шишим издавна занимала особое место в экономике края. В 1733 году в восемнадцати верстах от Билимбаевского завода, близ слияния Черного Шишима с Казачьим, крестьянин Максим Тупицин открыл месторождение бурого железняка с богатым содержанием железа: из ста пудов руды выплавлялось 45 пудов чугуна. Было заложено несколько разрезов. Из Шишимского месторождения руду брали для Билимбаевского и Васильевско-Шайтанского заводов. Рудокопы основали здесь деревню под названием Пальники.

В первой четверти прошлого века в долине Черного Шишима обнаружили золотоносные пески. Черношишимское месторождение оказалось весьма богатым. С 1822

по 1870 год было намыто до 110 пудов золота, а вместе с ним вымывалась платина, осмистый прирдый.

Кроме того, река исправно работала на промышленность. До революции на правом берегу, близ устья Большого Шишима находились 22 выжигательные печи. Годовая выработка угля доходила до 50 тысяч фестметров плотной массы. Рядом с печами стоял барак для рабочих и изба для мастера. На уголь шел лес, растущий в долине Шишима. Его рубили лентами шириной 50 метров через 50. Оставался «простенок» для естественного обсеменения вырубленной полосы. К сожалению, мы забыли такой порядок рубки.

В 1920 году близ станции Коуровка построили лесопильный завод и по Шишиму стали сплавлять древесину. Речка была многоводной, ее подпитывали многочисленные лесные ручьи.

В 1926 году десять бедняцких семей из деревни Починок объединились в коммуны под названием «Нива» и поселились в трех километрах от деревни Пальники. В ее распоряжении было 12 десятин пахотной земли и 37 — покосных угодий. Первая же жатва выдвинула коммуны в число лучших хозяйств района. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1938 года в Москве от Первоуральского района была представлена коммуна «Нива».

В 1943 году коммуна вошла в состав колхоза «Искра». Коммунары привели туда 116 голов крупного рогатого скота, 149 овец, несколько сотен голов птицы и 12 лошадей. По сию пору живет в народе топоним «поле коммунаров».

В 1929 году на крутом левом берегу Большого Шишима возникла деревня Крутая. Сюда были переселены семьи крестьян из других районов области. Переселенцы выкорчевали и распахали большую площадь земли, построили дома, зажили новым хозяйством. В деревне были свои хлебопекарня, начальная школа, кузница. Жители рубили лес и сплавляли его по Большому Шишиму на лесозавод...

В тридцатых годах на левом берегу Большого Шишима, в 6—7 километрах от устья, в живописном лесном уголке был построен и открыт Шишимский дом отдыха: широкие пляжи, в лесу обилие грибов и ягод, в речке много рыбы.

Еще один топоним связан с этой речкой. На стрелке между Большим Шишимом и Чусовой среди зеленых берез и сосен белеет крутой и высокий Камень Шишимский.

Прошли годы, десятки лет. Изменилась речка. Человечек взял у нее больше, чем дал. Вырубил лес — и обмелела речка, сбилась с плавного хода. Изменилась и жизнь на ее берегах. Нет уже и в помине деревень Воробьи, Крутой, строений коммуны «Нива». Вешние воды затопили разрезы, в которых добывался бурый железняк. Прекратил существование и дом отдыха. Но историю речки Шишим нам забывать нельзя. Вдруг да понадобится она потомкам.

г. Первоуральск.

пароль — «Балтика»

На промысле

«...На днях была встреча ветеранов авиаполка по случаю присвоения одной из улиц Калининграда имени Героя Советского Союза А. Я. Ефремова. Я — однополчанин, меня пригласили ветераны. Летчики Балтики подарили нам по тельняшке, а мне писатель Михаил Львов (он написал историю полка, в котором когда-то воевал стрелком-радистом) дал автограф на своей книге «Пароль — «Балтика»...»

Строчки эти взяты из письма, полученного от старого товарища, Бориса Петровича Харченко. Я видел его в последний раз в тот день, когда ему, отставнику, было присвоено звание капитан-лейтенанта, но я-то разыскал его не по этому поводу, о чем, естественно, ничего не знал, а как соплавателя на баркентине «Меридиан». Было время, штурман торпедоносца попал под сокращение ВС и превратился в матроса учебного парусного судна, а потом и курсанта Липейского мореходного училища.

Был я в порту на рабочем месте Бориса, видел его в белом халате, склонившегося над верстачком. Теперь он ремонтирует судовые компасы, ибо рыбак-промысловик, штурман Харченко расстался по болезни с морем, как раньше расстался с небом штурман торпедоносца. Это — прошлое. Я держу в руках его рисунки, я перебираю их, а их много, очень много, и думаю, что это — настоящее: морские компасы и инструменты, рисунки, аккордеон, песни русские, которые он умеет и любит петь — настоящее в его настоящей жизни.

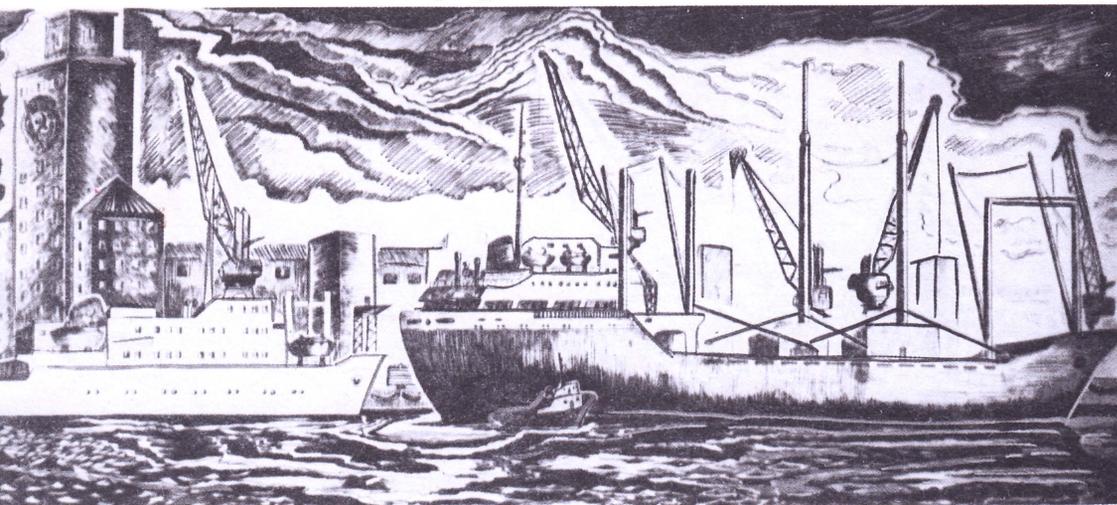
Никольский монастырь в Старой Ладоге

Домой

Последний шар

Порт
Старая Ладога
В море
Китобоец

Рисунки, рисунки, рисунки... На них — океан, корабли, люди, на них — балтийские порты, на них родина Бориса Петровича — древняя русская земля, древний русский город Старая Ладога, с древней, воистину седой крепостью над Волховом-рекой.

И я бывал в тех местах, потому и мне дороги изображенные на берегах реки деревянные дома, заборы, перевернутые лодки, краснокирпичный монастырь, удивительно красивый на первом снегу, многочисленные церкви. За Волховом, в полях, деревушка, где родился и похоронен академик живописи, передвижник Максимов, автор известных холстов «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» и «Все в прошлом»...

Рисунки и множество дипломов, полученных на выставках самостоятельных художников, на выставках всех рангов, начиная от своих, городских и областных, до Всесоюзных и ежегодной «Балтика — море дружбы».

Многие моряки занимаются в море резьбой, поделками, пишут красками, рисуют. Человек, оторванный от близких, от земли, стремится занять руки и сердце, чтобы унять Морскую тоску, Большого Халля, как назвал ее писатель Юхан Смуул. В работах Бориса Харченко видится большее. Может быть, теперь — тоска по морю? Да, но и в большей степени по родной земле. Ведь гены — способность к чему-то, желание творить красоту, закладываясь не только родителями, но и землей, на которой ты вырос. Это — прошлое. Сильны его корни, его тяготение, но человек живет в настоящем и настоящим, а если прошлым, то в большей степени — ближним, своим, от которого еще не оторвался окончательно. Поэтому рыбацкая жизнь, жизнь кораблей и морского люда равноправно соседствуют в творчестве Бориса Харченко с образами Родины. В конце концов, пароль «Балтика» живет в сердцах многих людей, живет по праву памяти о последней грозной войне. Она — порог, с которого, будем надеяться, человечество шагнуло в долгий созидательный мир.

ЕВГЕНИЙ ПИНАЕВ

ПРОПАВШАЯ ВЕРШИНА

Александр МАТВЕЕВ

Честно говоря, сперва я даже не поверил, что вертолет пойдет на Хайму, прямо в оленеводческую бригаду на границе двух Уралов — Приполярного и Полярного. И что нас — сотрудников топонимической экспедиции — могут туда забросить. Только надо по-быстрому собраться. Хайма — моя давняя мечта, потому и не верилось...

Но все так и было. И уже через час мы вместе с вертолетчиками сидели в просторном чуме и пили традиционный чай.

Хайма — понятие широкое. Это — река Хайма, затем — перевал Хайма, невысокий и ровный, словом, удобный для перехода или переезда с одного склона Уральских гор на другой, наконец — гора Хайма, которая возвышается над перевалом. Но для оленеводов Хайма — прежде всего обширные горные пастбища, протянувшиеся в этих местах на многие километры. Потому и говорят «идти на Хайму» или «лететь на Хайму», хотя чум стоит далеко от перевала и горы, и вовсе не на реке Хайме, а недалеко от ручья Маланьвож — «Маланьин исток». Правда, ручей этот близ чума имеет метров двадцать в ширину и где-нибудь на Среднем Урале вполне мог бы уважительно называться рекой.

Маланьвож и Хайма, сливаясь, образуют Большую Хайму, одну из рasses Ляпина, или по-местному — Хулги, наиболее значительной реки этого края. А главный исток Ляпина находится севернее — у самой границы двух Уралов, где возвышается высокая островершинная гора, которую хорошо знают ненцы, манси и ханты — коренное население, а также сравнительно недавние пришельцы — коми-ижемские оленеводы. Место это приметное, и недаром пролегла здесь граница не только между двумя Уралами, но и между двумя автономными округами — Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким. Далеко не всегда географы и администраторы находят общий язык, но тут — полное единодушие.

Зовут гору — Пайер, точнее, по-ненецки Пэ Ерв, то есть «Владыка гор», «Хозяин Урала». Только это совсем не тот Пайер, которым в звездную зимнюю ночь 1843 года восхищался финский лингвист Александр Кастрен и на котором в наши дни так любят себя испытывать туристы-лыжники. Самая высокая гора Полярного Урала с тем же названием находится куда севернее — недалеко от Печорской железной дороги. Подступы к ляпинскому Пайеру, пожалуй, труднее: здесь и долгая дорога по глухим таежным лесам, и коварная бечева по горным рекам. Разве что выручит вертолет, если случится оказия, как это было с нами.

Исследователи Уральского Севера еще в середине XIX века знали, что есть два Пайера — северный и южный. Впервые южный Пайер, или Войкалди, появляется на карте венгерского путешественника Антана Регули. настолько понятие название Пайер, настолько темно это самое Войкалди (у других путешественников — Вой-Халди), которое так и осталось загадкой для топонимистов, тем более что скоро исчезло с географических карт.

После Регули южный Пайер много раз упоминался в трудах Северо-Уральской экспедиции Э. К. Гофмана. Вот что писал сам Гофман: «Эта речка вытекает из хребта высочайшей в этом краю горы, которая по своей высоте получила от самоедов пышное название Пайер (Владыка гор). Они, однако, придают Пайеру эпитет «южный» для отличия его от одноименной, но высшей горы...»

Все толково объяснил Гофман. Осталось только добавить, что ханты называют эту выдающуюся вершину Емынгкев — «Святой Урал», а манси — Сакв-Талях-Нёр-

Ойка — «Хозяин гор в вершине Сыгвы (Ляпина)». Можно перевести и «Старик-Урал в вершине Сыгвы». Значит, у названий Пайер и Нёр-Ойка — одно и то же значение. «Владыки гор» были и у ненцев, и у манси.

Сейчас уже трудно сказать, кто первым дал эти звучные и полные смысла имена горным великанам. Правда, исконными оленеводами на Урале были ненцы, а манси и ханты заимствовали у них это занятие несколько веков тому назад. Так что приоритет, скорее, за ненцами.

Если в XIX веке о южном Пайере писали много, то позднее о нем забыли. Последнее упоминание находим в статье ботаника В. С. Говорухина. Это было в 1940 году. А затем южный Пайер исчез с топографических карт, молчали и туристские путеводители. На топографических картах вместо южного Пайера появилось коми-зырянское название Грубеиз — «Крутой Камень».

Утром мы записали названия близлежащих хребтов и рек, быстро собрались, распрошались с гостеприимными хозяевами, и наш маленький караван отправился в путь.

Стало холодно, и в этой водяной круговерти думалось только о костре и горячем чае. Но палатки оленеводов на месте не оказалось: они откочевали дальше к северу. Проводники с трудом разожгли костер из полусырых ветвей полярной ивы.

Ночью дождь перестал, а утром, выбравшись из палатки, я увидел горы в белых полосах и пятнах снега и бесконечные просторы горной тундры, покрытой карликовой березкой, мхом и ягелем.

После завтрака мы двинулись дальше, и вскоре на севере появились очертания мощной треугольной горы, на склонах которой еще висели рваные клочья уходящего тумана. Она явно главенствовала над всеми окружающими вершинами и, конечно, должна была иметь свое название. Я спросил старшего из проводников, как называется эта вершина. «Пайер», — не задумываясь, ответил он. И оленеводы подтвердили, что только так и называют эту вершину. Перед нами действительно был южный Пайер — «Владыка гор».

Что же произошло? Почему название Пайер перестало употребляться на картах?

Когда мы закончили экспедиционные работы в этом районе и сравнили наши записи топонимов и их картографические формы, выяснилось, что на карте верховий Ляпина очень многое перепутано и искажено: ручей Маланьвож стал рекой Хоймаю (именно так: с «о» вместо «а!»), озеро Маланьты — озером Большое Хоймато, река Хайма — рекой Молоньвож, а перевал Хайма переделан в Хойма. И сразу стало понятно, что здесь крепко «потрудились» топографы, разрушительной деятельности которых мог поспособствовать и не очень сведущий проводник, скорее всего, из коми-ижемцев: ведь большинство «картографических» названий содержит географические термины языка коми: ю — «река», вож — «исток», ты — «озеро». Этот проводник, видимо, и назвал гору Пайер Грубеизом — «Крутым камнем», потому что у ее подножья начинается Грубею — «Крутая река», главный исток Ляпина. А со временем название Грубеиз утвердилось на карте и вытеснило Пайер.

«Владыкой гор» считали Пайер оленеводы, исконные хозяева этих мест, тяжким трудом заслужившие право давать имена своим угодым. Настоящим историко-лингвистическим памятником было это слово. Но пришел человек, которому безразлично, что и как называть. И появилась еще одна «Крутая гора», которым на карте и так нет числа.

Медвежонок обиженно уходил в селник и там «барабошил», ища поживы. Вылезти наружу он не мог — Иван убрал лестницу.

Совсем стемнело. Иван лежал на кровати с набрякшим лицом и старался заснуть — сон первый лекарь — но вместо сна приходили тревожные мысли. Как покажет себя рана? Иван мужик незалежливый, но нынче и три дня пролежать — много. Нужно добывать пропитание для себя и для медвежонка...

С досадой вслушивался Иван в толчки крови в раненой жиле. Он ранен опаснее, чем волк: ножевая рана у волка быстро слипнется и заживет, а рана от клыка долго не срастается и кровоточит. «Броский зверь, — думал Иван про волка. — Повалился на поляну. Видать, тутошний. Похоже, тот самый, что с Дуксаном сшибся...»

Прежде, когда Выползиха была жилая, мужики волкам спуску не давали. Волки тогда боялись людей и обегали деревню за семь верст. «Свои» волки, что жили близ Выползихи, и вовсе в Выползиху не совались. Теперь с ними тоже воюют, с вертолетов бьют, даже ядом травят, а они вон какие наглые.

«Этот-то, — думал Иван про «своего», — одинокий... Как я. И упорный тоже... Не миновать нам в третий раз встретиться!»

Медвежонок в селнике затих — наверно, заснул. Знать, понравилась новая спальня-опочивальня.

— Ну, спи, спи... — произнес Иван шепотом, лежа неподвижно и глядя в темный потолок.

«Надо кровь в ране вязать. Настраюгаю завтра калиновой коры, приговюлю отвар. Жаль, зверобоя нет...» — думал он, задремывая.

Лечился он всегда сам, к врачам не ходил, таблеток сроду не глотал, пользовал себя травами, корьем, ягодами, банькой, горячей печкой. Довернись здоровью врачу — так оно и будет врачу в руки смотреть, здоровье твое, рассуждал он; а коли не от кого помощи ждать, кроме как от себя самого, так оно, здоровье то есть, само будет себя держать.

Всю ночь Иван ощущал сквозь сон жгучую боль в ране, и только под утро боль утихла, как будто ее рукой сняло. Стоило, однако, проснуться, как рана тотчас разгорелась, запекла с новой силой.

Мишка, как оказалось, перебрался ночью из селника в избу и досыпал под печкой на спине, безмятежно раскинув лапы. На мешковине лежать было мягче и уютнее, чем на голом полу.

А может, захотел быть поближе к Ивану.

— Есть нечего, — пробормотал Иван, вставая. — Поиду хоть травы нащиплю.

В голодное время вся Выползиха травой питалась, особенно весной. Крапивные щи варили, траву кислуху тоже в варево бросали, но больше сырую ели, верхушками лебеды, стеблями борщевника, снитью-травой брюхо набивали. Бывал снедью и первоцвет, и иван-чай, и клевер. И дубовые почки употребляли, и сосну глодали, как лоси, и березу. И ничего, спасались. В траве да в корнях сила большая. Возьми хоть коня, хоть корову: корм у них трава, а какова могучесть! Или медведь — без мясного ества великаном становится...

Медвежонок проснулся: увидев, что Иван уходит, увязался за ним.

Иван настраюгал с калинового куста пучок коры и оставил его на свесе крыши, а сам пошел на поляну

за кислухой. Медвежонок бродил рядом, ел траву, искал в трухлявых пнях личинки. Сунет переднюю лапу под пень, выдернет и отряхнет ее, снова сунет и снова отряхнет. Порой он поднимался и, стоя свечой, прислушивался к чему-то в лесу. Ивану от этого становилось не по себе.

— Ничего, мишук, доживем до малины, — грустно подбадривал он малыша. — Будем дожидать матуху на малинниках. За Сонжей этого ества меньше, чем у нас. Да и не сладка она там, водяниста. Вот матуха и вернется...

Нарвав кислухи, Иван и ее положил на свес кровли; взяв веревку, направился в лес за хворостом. Еще зимой он собрал впрок и оставил совсем поблизости несколько охапок хвороста. До весны ему было не сжечь весь хворост, но он по привычке собирал и собирал. А теперь пригодится, раз еще здесь жить. Обязал и стянул веревкой заготовленную охапку, закинул за спину.

У избы сбросил вязанку, стал развязывать веревку — и отдернул руки. Из вязанки медленно сползала в траву гадюка.

По спине сыпнуло морозом... За всю Иванову жизнь в лесу гадюка ни разу не напала на него; не напала и ныне, когда он нес ее у себя на захребетье; но он с внезапной яростью схватил брошенный под избой ржавый заступ и кинулся за гадюкой, чтобы изрубить ее на куски. Гадюка, однако, успела скрыться, и Иван с досадой швырнул в траву заступ.

5

Двое неизвестных вышли на поляну и остановились. Один из них показал рукой на Выползиху, и они двинулись к Ивановой избе. Каждый нес по громадному рюкзаку за спиной. Оба были в брезентовых куртках, в сапогах.

Иван, сидя в избе у окна, зашивал крупными стежками рубаху, разорванную на груди волчьими когтями. Заметив незнакомых людей, он надел рубаху и вышел на крышу.

У каждого ружье в чехле, на поясе нож, фляга, топорик, лопатка. У переднего еще и бинокль на груди.

Серьезно снаряжены.

Передний, видать, главный. Тучный, круглолицый, с черными усами и бородой, в очках. Второй — тонкий.

Подойдя к избе, остановились. Чернобородый улыбнулся:

— Ну, здравствуй, Робинзон! Принимаю гостей...

— Здравствуйте... — спустился к ним Иван.

— Игорь Сомов, лесоустроитель, — протянул руку чернобородый.

— Артюхин. Вячеслав Артюхин, — представился второй, тшедушный, с впалой грудью и впалыми щеками. От него крепко пахло табаком.

— Заходите в избу, — пригласил Иван. — Дверь у меня, извиняюсь, в землю вросла. Так что — через крышу.

— Великолепно! — улыбнулся Сомов.

С трудом протасили в дыру рюкзаки, спустили их в сени.

— Великолепно! — повторил Сомов, войдя в избу. — Абсолютное отсутствие роскоши. Никакой тебе цивилизации... Впрочем, это дело поправимое.

Он глянул на своего товарища. Тот вышел в сени

и внес в избу рюкзак. Расшнуровал его и принялся вынимать и ставить на стол консервы.

— Это тебе, Иван, от егеря, Петра Филиппыча... — посмеивался Сомов.

Иван растерянно стоял посреди избы.

На столе появилась бутылка подсолнечного масла. Это мог прислать только Петр Филиппыч. Вот и лук, и кульки с крупами, и пачки соли, и колотый сахар, и чай, и хлеб...

И это было еще не все. Артюхин доставал куски мыла, коробки спичек...

Полмешка груза нес он на себе для Ивана.

— А теперь от нас... — распорядился Сомов, опускаясь на табуретку.

Артюхин выстроил на подоконнике ряд масляных жестяных банок без наклеек.

— Тушенка, — сказал Артюхин, вытирая руки оберточной бумагой.

Щуплый, а басистый.

— Спасибо... — говорил Иван, глядя на заваленный припасами стол и не веря глазам своим. — Как с неба свалилось... Только вот какое дело. Что от Петра Филиппыча, то возьму, а что от вас, то не приму.

Гости переглянулись.

Сомов усмехнулся:

— Ну... считай, что мы не за так.

— Купить, верно, куплю, — согласился Иван.

— Да я не про то.

Иван вопросительно посмотрел на Сомова, затем на Артюхина. Артюхин все еще рылся в рюкзаке.

— О делах потом, потом! — замахал руками Сомов. — Ты лучше скажи, что у тебя с шеей? Может, что-то из медикаментов нужно? У нас с собой есть...

— Волк за шею хванул.

— Во-olk? — изумленно протянул Сомов. — Ну-ка, Слава, найди пузырек йоду, стрептоцид, бинт и все такое прочее...

В сенях скрипнула лестница. Артюхин настороженно распрямился; Сомов тоже замолк на полуслове и повернул голову к двери.

В избу вошел медвежонок. Не обращая внимания ни малейшего на посторонних, подбежал к Ивану и обхватил его ногу. Иван сел под печку на мешок, обнял мишку.

Сомов при появлении медвежонка засмеялся. Артюхин метнул острый взгляд на медвежонка, затем на Сомова и снова занялся рюкзаком. Выставив на стол лекарства, он сел на кровать, устало сгорбился и, достав сигареты и спички, закурил. Сомов вышел в сени за своим рюкзаком. Артюхин тряс-тряс спичкой да и бросил ее горящую. Медвежонок тотчас подбежал к спичке и прихлопнул ее лапой. Артюхина это забавило. Он чиркнул еще одной спичкой и кинул ее на пол. Медвежонок снова забил огонь. Тогда Артюхин поджег и бросил на пол обрывок оберточной бумаги. Мишка сердито забивал огонь — теперь уже не только лапами, но и лбом. Тонкие губы Артюхина растянулись в улыбке.

Иван поднялся, погладил медвежонка и отломил ему кусок хлеба.

— На берлоге взял? — спросил Сомов, втаскивая рюкзак.

— Не-ет... — неохотно ответил Иван, снова садясь на мешок. — Присталой...

— Для подсадки держишь? — спросил Артюхин, полулежа на кровати и пуская дым по стене в потолок.

— Какая там подсадка, — махнул Иван рукой. — Я уж не знаю сколько лет не охочусь.

Медвежонок съел хлеб и забрался под стол. Он очень любил сидеть там, обнимая всеми лапами ножку стола.

— Значит, усыновил? — насмешливо сощурился Артюхин.

Не отвечая ему, Иван перевел разговор на другое:

— А что же сам Петр Филиппыч не пришел?

— Заболел, — ответил Сомов. — Ходит только по дому.

— Вот как? То-то давно в лесу не появлялся... Сердце, никак?

— Оно самое.

Иван сокрушенно покачал головой.

— Узнав, что наша экспедиция направляется в сонжинский сузенок, передал поклон и припасы, — продолжал Сомов. — Просил также сообщить, что рекомендует тебя в объездчики. Зарплатишку тебе кинут, лошадку дадут и все такое прочее. Вот такие новости... Ну, а теперь, если не возражаете, перекусим с дороги...

Известия разволновали Ивана. Он встал, принялся с излишним усердием растапливать печь. Подхватил почти полное ведро, пошел за водой. Медвежонок сопровождал его на колодец, и это тронуло Ивана. «Ишь, какой верный. Не остался с теми...»

Зачерпнул воды, полез обратно в избу. «В объездчики, говоришь? — думал, сдерживая радость. — В объездчики — это хорошо, это по мне... Ишь, каков Петр Филиппыч: сам чуть жив, а обо мне хлопочет...»

Сомов отлил воды в котелок и стал готовить похлебку. Он уже снял куртку и засучил рукава красной клетчатой рубахи. Стряпал он — залюбуешься: ловко сыпнул в котелок вермишель, бросил щепотку соли, в момент накрыл луку, выпотрошил банку тушенки. Как заправский повар.

Иван снова опустился под печку; мишка тотчас сел рядом.

— Иван, а Иван... — пробасил Артюхин и закашлялся. — Мы к тебе знаешь чего пришли?

Артюхин все еще полулежал на кровати. Умаял его лес. По голосу, по серьезному выражению лица и как бы нарочито замедленным движениям он казался важным мужиком, но был на удивление хил и, кроме того, как показало его обращение с медвежоном, не шибко умен и разумен.

— Мы у тебя базу хотели бы обосновать, — гудел Артюхин. — Помимо лесоустройства мы с Игорем решили, так сказать, промышлять пушного зверя, бобра, выдру, барсука... Ты показываешь нам барсучьи норы, места, где водятся бобры и выдры, а мы тебя обеспечиваем продуктами. Идет?..

Иван перевел взгляд на Сомова — тот наклонился над котелком.

— Мы... мы тебя и не просили бы... помочь... — заговорил Сомов, запинаясь и краснея. — Но у нас мало времени. Всего две недели... А ты знаешь сузенок, как свои пять пальцев...

Иван долго не отвечал. Барсучьи норы, бобровые и выдряные гоны он, верно, знал. В суземке ему были известны все добыточные места. Он мог бы помочь этим людям, которые принесли ему полмешка груза из далекого Александровского. Но...

Сомов словно подслушал его мысли.

— Разрешение у нас имеется... — Он достал из заднего кармана брюк бумажник, вынул из него го-

лубоватые листики, показал их издали Ивану. — Вот...

Бумажки были похожи на те, что выдавались на отстрел дичи и зайцев. Иван видел такие у охотников и у Петра Филиппыча. А на зверя посерьезнее, кажется, какой-то другой документ выдается... «Темные люди, — подумал Иван. — Попадешь с ними в беду... Петр Филиппыч сказывал, что бобра нынче разрешается добывать с ноября по март...»

— Да ты не бойся, — сказал Артюхин. — Даже если мы и не по бумажке чего добудем — ответственности на тебе никакой. Ты только места покажешь, а добывать мы будем сами, Игорь и я. Боятся нечего, тем более, что егеря сейчас практически нет.

«Так и есть, — хмурился Иван, — браконьеры... Вот они, значит, какие. Вроде, люди как люди. Полмешка припасов притащили. Хоть и с умыслом, а все же притащили, выручили меня. Только вот зверя не жалеют ни в какую пору ради своей корысти».

Артюхин закашлялся и стал выуживать из пачки сигарету. Сомов выжидательно молчал.

— Зря вы пришли, — тихо, хриловато произнес Иван.

Сомов снял очки и близоруко, беспомощно смотрел на Ивана:

— Значит, отказываешь нам?

— Ночевать ночуйте, живите — это пожалуйста, это сколько угодно...

— Да зачем нам твое «ночуйте», — презрительно протянул Артюхин, разминая сигарету. — Ночевать и в спальнях мешках можно. Ты нам норы покажи.

Иван молчал.

— Ты одно пойми, — наседал Артюхин. — Дело свое мы все равно сделаем. согласишься ты или нет — разницы никакой. Вопрос только в экономии времени.

— У нас в суземке волк и тот один остался, — усмехнулся Иван. — Перевелись звери. Ничего вы не найдете, кроме нежилых нор.

— Ничего, говоришь, нету? — недобрый взглядом смотрел на Ивана Артюхин. Он все еще катал в пальцах сигарету, соря табаком себе на брюки. — А это что? — кивнул он на медвежонок.

Кровь бросилась Ивану в лицо.

— Можно подумать, что ты не браконьерствуешь, — зло улыбался Артюхин. — Живешь в лесу, не сеешь, не пашешь и не браконьерствуешь. А ружье зачем?

Сомов переставил котелок с плиты на стол. От котелка шел вкусный дух, однако есть всем расхотелось.

— Чем ты вообще тут занимаешься? — не унимался Артюхин.

— Слава! — одернул товарища Сомов.

— Ты не обижайся, — бросил Артюхин Ивану. — Но жлобом быть нехорошо. Всем зверя хватит. Тебе нужен медведь, а мне барсук. Нужно и чужой интерес уважать. Вот ты, например, для чего медвежонок держишь?

— Медвежонок? Вроде, как нянчу... — виновато осклабился Иван.

— Ну и нянчи себе на здоровье! — Артюхин закашлялся. — А мне на здоровье помимо всего прочего барсучье сало нужно.

— Да, ему для лечения легких сало прописано.

ли, — подтвердил Сомов, присаживаясь к столу. — Собачье или барсучье.

— Ну так как, святой человек, попромышляем? — насмешливо смотрел на Ивана Артюхин.

— Э!.. — махнул рукой Иван. — Какой я святой... Есть на мне вина — зимой секача на огородах уложил...

— Не будем считать свои грехи, — облегченно вздохнув, сказал Сомов. — Давайте все к столу, пока похлебка совсем не остыла. Доставай ложки, Робинзон, — улыбнулся он Ивану.

Иван поднялся, подал с поставца алюминиевые старые ложки. Гости повеселели. Иван от похлебки отказался, отломил только кусок хлеба.

Аппетитно поев, Сомов тщательно вытер платочком усы и бороду и извлек из кармана куртки карту.

— Так... — разложил он карту у себя на коленях. — Вот, значит, где у нас Алексеевское. А вот где Выползиха...

Артюхин отложил ложку и тоже склонился над картой.

— Иди, грешник, показывай места, — позвал он Ивана, доставая сигареты и спички.

Иван с удивлением взглянул на Артюхина с Сомовым.

— Знать, вы не поняли, что я вам сказал... Я что коряга — несговорчив. Сказал, зря пришли — значит, зря...

Они повернулись к нему: Сомов с растерянно приоткрытым ртом, Артюхин с плотно сжатыми тонкими губами.

— Ах, так... — побледнел Артюхин.

— Погоди, — тихо велел Сомов. — Послушай, Иван... Слава горячится, так как считает, что ты, пользуясь покровительством Петра Филиппыча, свободно промышляешь в суемке и не хочешь ни с кем делиться. Это чушь. Ты человек честный, это видно невооруженным глазом. Слишком честный — вот твоя беда. Ну и давай договоримся... По шкале гражданских исков за незаконно убитого секача ты должен государственному охотничьему фонду сто пятьдесят рублей. Мы замалчиваем твой поступок. И дело, как я понимаю, даже не в ста пятидесяти рублях, а в твоём добром имени. Мы обязуемся сохранить твоё доброе имя. А ты ткни пальцем в карту.

Иван свесил голову.

— Всем нам надо как-то выходить из положения, — ворковал Сомов. — Так давайте по-человечески...

— А я и сделаю по-человечески, — вскинул голову Иван. Встал, снял с верхней полки поставца круглую жестянку из-под леденцов, в которой хранились деньги, и протянул ее Сомову. — Здесь триста рублей. Будете в Алексеевском — отдайте Петру Филипповичу. Так, мол, и так, за кабана и за припасы. Ну, и вам за труды, за все про все, сколько скажете...

Сомов в растерянности смотрел на жестянку.

— Вот уж именно... чересчур честный, — бормотал он, вертя в руках жестянку, как какую-нибудь диковинку.

Артюхин выудил из кармана приемничек чуть больше сигаретной пачки, включил его и, откинувшись на кровать, стал слушать музыку, показывая всем своим видом, что его здесь больше ничто не интересует. Сомов пожал плечами и опустил жестянку в карман куртки.

Наутро, прощаясь, Сомов сказал:

— Что ж, попытаем удачи сами. А ты подумай, Иван. Честность честностью, а жизнь жизнью. Тебе ведь теперь на избу денег не хватит. А как ты будешь тут жить?.. Ты нам только намеки, что тебе нужно: ружье ли новое, сапоги ли — все принесем. Подумай, мы еще придем...

Иван стоял на крыше, провожая их взглядом, пока они не скрылись точно в том месте, откуда пришли.

— Ничего у вас не выйдет, — бормотал он. — Бобр вам не дастся, он курилок за версту чует...

6

Зной и духота не прекращались. В самые жаркие дни, когда солнце добралось до макушки неба и там будто призадумалось, как бы ему снова начать потихоньку спускаться к земле, листья стали никнуть и даже опадать, а по тропинке, что вела к Алексеевскому, можно было пройти сухими ногами. Лес томился и ждал, когда свалит жар. Лес казался Ивану большим зверем, что разлегся без сил с разинутой пересохшей пастью и уже не мог и не хотел ни преследовать кого-либо, ни убежать от кого бы то ни было. Безразличным взглядом смотрел лес в мутноватую небесную даль, уже не надеясь на то, что там вырастут облака и что оттуда дохнет желанной прохладой.

Иван с медвежонком и в полночь, бывало, ходили на озеро, забредали по шею в воду и так стояли подолгу, чтобы хоть немного остудиться, но вода была теплая, как воздух, и Иван выходил из нее таким же вялым, разморенным, каким входил. Неподалеку от них в озере, случалось, стояли лоси, тоже изнеможенные зноем и духотой.

Ледяной по-прежнему была только лишь вода из родника. Медвежонок, усвоив привычку Ивана, то и дело обливал себя водой из рукомоя. Другого спасения от жары не было.

Трава блекла; деревья стояли неподвижно, мертвенно; воздух даже при солнце был мрачен: где-то уже загорались торфяники.

Иван с тревогой взглядывал на небо: солнце задышалось в мареве, багровело, но никак не могло утишить свою иссушающую и палящую силу. Торфяники загорались изнутри, от скопившегося собственного тепла; выгорала болотная утроба, и невозможно было достать и потушить это губительное тление, от которого ползли по лесу палы и поднимался удушливый дым и чад, распространявшийся на десятки километров и висевший над землей днями и неделями. Только когда в солнце словно вступит разум и уймёт забывшую предел силу, прекратится бедствие земли: набегут тучи, хлынут ливни, зальют пар и подспудное тление, очистят воздух от смрада — и все живое облегченно вздохнет.

Но разум не вступал в солнце: оно нещадно жгло и губило; и Иван уже гневался на яростную и слепую силу солнца, как гневался на необузданную силу людей, бивших зверя с вертолета и самолета.

Над болотами вставали испарения, от которых у человека начиналась дурнота. На болоте Иван покрывался холодным потом, сердце вдруг начинало мелко дергаться, а ноги будто отнимались.

Плохо было с грибами, плохо с ягодами. Съест-

ных припасов, «свалившихся с неба», было еще довольно, Иван расходовал их расчетливо, однако, потому они и сохранялись, что он по-прежнему нажимал на рыбу. Тушенку он сложил Артюхину в рюкзак, не оставив себе ни одной банки. Когда же Иван нерешительным жестом протянул им и лекарства, Сомов возмутился: «Ты что — совсем нас за нелюдей считаешь?» — сердито отвел Ивановы руки с лекарствами и решительно выставил на подоконник несколько банок тушенки. «А чтобы тебя совесть не мучила — мы высчитаем стоимость из той суммы, что в жестянке. Ешь на здоровье. Считай, что купил».

Иван вялил рыбу, собирал впрок землянику, которая нынче слишком быстро заалела и была суховатая. Набрал два ведра дикой черной смородины. Насушил и колосовиков, что попадались вокруг поляны. В былые времена в пору колошения ржи даже боровики шли, а колосовиков, подберезовиков,лисичек, сыроежек было хоть косой коси. Нынче же ни гриб не идет, ни ягода не наливаются. Сухо в лесу, пусто. С пожарами и зверь разбежался, и птица разлетелась.

Медвежонок кормился сам. Был он изрядный рыбак и толковый грибник: червивый гриб не проглотит. Разворотит муравейник, полакомится муравьями. Еловыми маслянистыми семечками подкрепит. Пенек вывернет, подьест личинки. Там корешок сгложет, луковку, там ягоду слижет, там травку пожует. Мышь попадется — и от мыши не откажется.

Не знал Иван, как быть ему с медвежонком. После случая с волком ни на шаг не отпускал мишку от себя. Глаз с него не сводил, а все же просмотрел, как тот по своему младенческому любопытству и простодушию подошел на проточине к лосю. Бык, к счастью, стерпел его обнюхивания; а мог так ворхнуть топтыжку рогами или двинуть копытом, что из него бы и дух вон. А подойди косолапый к кабану!..

«Ну, ладно, — думал Иван. — Авось, матуха в самом деле на малину пожалует». «А если не пожалует?» — тут же задавал он себе вопрос. Думал и так и сяк и ничего не мог придумать. Одно твердо знал: нельзя бросить медвежонка.

«Глупое чадзе... Глупое, доверчивое», — потрепывал Иван круглые медвежьих ушки. Медвежонок тотчас обхватит Иванову ногу. «Ишь ты, какой обхвачивый да обнимчивый... Вестимо, я у тебя одна защита».

Когда поспела малина — как и земляника, мелкая и сухая — они стали ходить в малинники. В прежние времена, когда в суземке водилось много медведей, жители Выползихи обижались на них — они очищали малинники, ничего не оставляя людям. А теперь кусты стоят «недоенные». Один мишка за всех усердствует — красный язычок так и мелькает... Отведав малины, Иван выйдет на луг, сядет или ляжет в траву, засмотрится на лес, на поляну.

Родные, с детских лет любимые места!..

Глянешь кругом — вроде ничего особенного: лес, кусты, трава. А ведь что ни дерево, что ни травинка, то целая история, целая повесть!.. Вот осина, у которой почему-то дурная слава: и сырая-то она, и гнилая, и не горит без керосина, и иудино дерево, поскольку-де Иуда на ней повесился, и кол-то осиновый в ведьмину могилу вгонять следует... А на самом

деле она, если не лучше, то и не хуже других. Растет быстро: за год в рост человека — какое дерево за ней угонится? Без ее тени и сосенке, и елке худо. Горит жарко и без копоты. Старики ею Выползиху от пожаров спасали: протопят печи осиновым джем — сажа в трубах и выгорит вся дотла. Осина и лосю, и беляку корм. Она и горячку собьет, и самой душе отраду даст. Как всеми-то листочками залопочет, так и заслушаешься, точно музыкой или песней. А что краше всех она в осень, так, наверное, никто и спорить не станет: глянешь — и глаз не отведешь, простиошь неизвестно сколько; душа щемит, и так тебе печально, и так хорошо!..

Или же в подлеске калина. Мудра по-своему. Пьет много, поэтому место выбирает сыроватое, любит окраину болота, берег ручья. Кормит и пчелу, и птицу, и человека. Ягодой горька, а медом сладка. В старину в Выползихе пекли пироги-калинники, варили кашу с томленой калиной. Целительны у нее и побего, и плоды. Одно от золотухи, другое от чирьев. Она и от одышки, и от простуды, и кровь останавливает, и корчи унимает... На всякую пользу калина. В старину из ее древесины сапожные гвозди строгаля. На уголь тоже жгли... А до чего красовита она в белом цвету или осенью в гроздьях! Девчонки, бывало, наломают веток с красными гроздьями, развешают пучки на избях — деревня сразу праздничная делается, и люди в ней станут праздничные, веселые...

Лежит Иван в траве, руки раскинул, в небо смотрит. Как в далеком детстве... Кажется, вот-вот раздается из кустов орешника глуховатый звук ботала, а там еще, еще. Вот старая степенная Лысенка, а вот резвая бодливая Пеструха, а там маленькая кроткая Черничка. Иван узнавал коров даже по звуку ботала. А когда они выходили из кустов и разбредались по поляне, он смотрел на них в бинокль. Бинокль ему подарил вернувшийся с фронта сосед, Сергей Бобров. Иван и дневал и ночевал с подарком. Бывало, перевернет бинокль — и коровы вмиг отодвинутся далеко-далеко и сделаются маленькими, что твои муравьи. Засмеется Иван, поверх бинокля глянет: вот же они, рукой подать... Чудо, и только! То на деревню наведет, то на облака. А то птиц примется разглядывать: вертлявую черно-белую сороку на верхушке березы, желтую иволгу на суку, серых поползней, словно прилипших вниз головами к пню... Потужил-таки Иван, когда потерял бинокль.

Но жизнь на поляне и в лесу была интересна даже и без бинокля. Пасти скот — дело не скучное и не простое. Нужно и самому в траве понимать, чтобы стадо напаслось, да чтобы молоко было вкусное, да чтобы ни одна корова не заболела. В лесу, к примеру, ядовитых растений больше, чем в поле, и поэтому скот чаще болеет. Тут и чемерица, и ветреница, и грушанка, и ландыш... Погонись в чаполоть или туда, где разрослась лесная метла, скот останется голодным. Не любят коровы их жесткие серо-зеленые листья. Худая пастьба и там, где много сивца. А сивец, как назло, в светлые места лезет. Весной глянешь на поляну: кругом прошлогодние засохшие колючки белеются; а тут уже и новые плотные пучки прут с листво-щетиной. Пересте скот сивца — желудок забьет, намучается бедная.

Иван начинает рассказывать подошедшему мишке про лесную копытень-траву, про мятлик, который

любит просеку, про клевера, про траву палашник, которую сеяли на палаш...

— Что мне дивно, так это твое медвежье понятие. Никто тебя ведь не учил, какая трава съедобна, какая вкусна, какая целебна. Ваш брат, родившись, всю эту науку знает. А мы — через слова. Вот эти низкие кустики по-нашему занозница, а, к примеру, вот те длинные стебли — собачий пырей. А вот это — калган, его корень от живота помогает...

Иван приумолк, задумался.

— Эх, мне бы все, что я от стариков усвоил, передать кому-нибудь! Да кому! Не осталось в Выполнище цивилизации...

Почувствовав, что Иван загрустил, медвежонок схватил его за руку и стал тормозить. От усердия он даже приоткрыл пасть, как будто улыбался, и Иван сам невольно улыбнулся.

— Что, поборемся?

Привстал и принялся валять медвежонок с боку на бок. Тот вмиг так раззадорился, что стал хватать Ивана за руку мелкими своими зубишками. Иван клал его на лопатки, прижимал к земле, а он пищал и колотил его по рукам и по животу крепкими черными пяточками.

— А правду говорят, что о медвежьих пятки хоть нож правь, — смеялся Иван.

Медвежонок отчаянно отбивался лапами, вырывался. Иван повалился на бок и позволил ему взять верх.

— Ну, вот и ничья...

Медвежонок соскочил с Ивана, повел носом.

«Неужто матуха?» — настороженно поднялся Иван. Медвежонок косолапо побежал к лесу; Иван двинулся за ним, чувствуя, как перехватило грудь то-

ской. «Уйдет мишка с матерью, а как же я?» — подумал с неожиданной обидой.

Запахло дымом. «Уже у самой деревни загорается», — заметил Иван. Дымился мох. Медвежонок сердито вертел головой, бил лапой по мху.

— Ах ты, молодец! — сконфуженно похвалил Иван медвежонок. — А я и не догадался, куда ты побежал...

Уже замолкли соловьи, уже и кукушка «подавилась житным колосом». Тихо стало в лесу. «Считай, половину лета отжили», — говорил Иван медвежонок.

Поспевали костяника, голубика, черника. Прибавлялось корму лесным жителям. Медвежонок бродил по огородам, обирал кусты черной и красной смородины, взбирался за ягодами на черемуху, лазал на деревья за диким медом. Иван ходил в ягоды и непрерывно сетовал на сушь. Черника была с булавочную головку, земляника — на корню сушеная. А бывало, свернешь с тропинки — земляника под сапогами так и чавкает...

Воздух надоедливо пах гарью. «Худо, — бормотал Иван, — худо. Лето все тепло съест, зима будет лютая».

Но вот однажды Иван выбрался на крышу и радостно принюхался: потянуло освежающим ветерком. Солнце уже не стояло в мареве зловещим багровым шаром — оно было чисто и весело; лес облегченно вздохнул, зашевелился, залопотал... Наконец-то! Теперь падут росы, туманы, мхи отсыреют, травы отволгнут, зверь, от палов безжавший, восвоится вернется...

Ночью Иван проснулся от глухого удара грома и шума дождя. «Ну, вот и хорошо, вот и славно, — шептал он, слушая шум дождя. — Изождались...» Сверкнула несколько раз молния, воркотнул гром;

дождь превратился в ливень, обрушившийся на лес до самого утра.

С неделю над суземком из ночи в ночь прокатывались грозы.

— Ну, что, бурый барин,— весело говорил Иван медвежонку,— пойдем в сосновый молодняк за маслятами!

Медвежонок к этому времени стал осторожен и пуглив. Иной раз валежина у Ивана под сапогом треснет — медвежонок стрелой на дерево, на самую верхушку. Теперь-то он под волчий зарез не попадет!

Иван потешался, глядя, как он мчит к избе от громко скрипнувшей березы-высокуши.

Потешится Иван, посмеется, да и загрустит. Время шло, мишка вырослел; неумолимо приближался час разлуки. Как все разрешится, Иван не знал. При мысли о неизвестном будущем сердце его разрывалось от тоски.

Медведица в малинник не приходила; малина уже вся завяла, осыпалась. Уже без всякой надежды, в последний раз обошел Иван суземок, особенно тщательно прочесывая хвойные островки, где много бурелома, гнилых деревьев, муравейников и ягодников, осматривая чесальные деревья и водопойные тропы. Нашел волчье логово в разлапистых еловых корнях и близ него белый помет — знак того, что волк трапезничал одними костями; видел в берегу сухого ручья жилую лисью нору с отнорками; в ягодных местах встречался взглядом с рябчиками — они не выдерживали человеческого взгляда и тотчас улетали; а лес казался ему пустым...

Медвежонок ждал Ивана, сидя на качелях. От дому он не отбивался. Иван неслышно приблизился с подветренной стороны и тихонько свистнул. Мишка, к удивлению Ивана, в ответ тотчас издал звук, похожий на свист, и, слетев с качелей, покатился к Ивану.

— Ай, да молодец! — подхватил Иван мишку на руки. — Ай, да артист! А вот я тебя плясать научу. — Он опустил медвежонка на задние лапы. — Ну-ка, переступай с лапы на лапу!

Подчиняясь движениям Ивана, медвежонок «плясал», но как только Иван отпустил его, он бросился наутек.

— Ах, вот ты как от науки-то, вот ты как! — засмеялся Иван и погнался за сбежавшим учеником. Тот мигом взлетел на березу.

Иван сел под березу, прислонившись спиной к стволу и вытянув усталые ноги. Когда медвежонок, пятясь, слез и уселся напротив, Иван сказал:

— Не бывать тебе пестунчиком у родной матери, не знать ни защиты ее, ни науки...

Медвежонок грустно смотрел на Ивана, а Иван через силу произносил суровые слова:

— Сурьезная у тебя судьба, сиротская, все равно как у меня... Рад бы я с тобой и зиму встречать, и вовек не разлучаться — да нельзя...

7

Иван с медвежонком возвращались с удачной рыбалки; Иван нес кукан с десятком щук, каждая в локоть длиной. Ловил в осоке на лягушек. Погода была самая подходящая для рыбалки — пасмурная.

Выйдя на Мокрую Поляну, Иван нахмурился: у колодца сидели двое, в которых сразу угадывались давешние гости. К колодезному срубам были прива-

лены огромные рюкзаки. Сомов и Артюхин пришли с тем же снаряжением, в той же одежде.

— Здорово, Робинзон! — встал Сомов, улыбаясь и издали протягивая руку.

Встал и обнажил в улыбке мелкие зубы Артюхин.

— Здравствуйте, — ответил на приветствие Иван. — Пожалуйте в избу. Как раз на свежую щуку.

Он поднял кукан, показывая рыбу. Сомов крикнул от удовольствия; Артюхин скользнул по рыбе безразличным взглядом.

В сенях Иван разулся, набросил портянки на голенища болотных сапог и вошел в избу босиком. В резиновых сапогах ноги горели.

— Иван, а Иван, — кричал Сомов, спускаясь по лестнице с рюкзаком, — у тебя теперь, никак, ковры на полу?

— Меха, — ответил за Ивана Артюхин.

Едкий человек.

Иван сразу принялся растапливать печь. Жарить рыбу, однако, вызвался Сомов, большой любитель кухарничать. Он немедля разделся, засучил рукава и стал чистить щуку. Его чрезвычайно удивило то, что бутылка подсолнечного масла у Ивана израсходована только наполовину. Оказалось, что они и на этот раз принесли припасы от Петра Филиппыча. Мало того, услышав, что Иван ходит в резиновых болотниках, Петр Филиппыч догадался прислать ему новые кирзовые сапоги. Сомов даже бросил чистить щуку и подскочил к рюкзаку, чтобы достать сапоги.

— Я сам, — с ленцой поднялся Артюхин с кровати, где он уже отдыхал полумлежа. — У тебя руки в рыбе.

Он расшнуровал рюкзак, выставил кирзачи.

— Вот. Сорок пятый размер.

Медвежонок понюхал и тронул лапой новый пахучий сапог. Артюхин протянул к медвежонку руку — тот нанес молниеносный удар лапой по руке и отпрянул. Артюхин усмехнулся и стал извлекать из рюкзака припасы. Составил на пол консервы, выложил кульки, мыло, спички... Газеты, в которые были завернуты куски мыла, он небрежно бросил на пол.

— Хлеб у тебя тоже, наверно, еще с того раза остался, — насмешливо глянул он на Ивана, доставая буханку черного хлеба.

— А как же. Сухари про запас, — признался Иван.

— Феноменально! — воскликнул Сомов. — Да ты бери, бери, — не отрываясь от сковороды, показал он локтем на припасы. — Это тебе Петр Филиппыч, твой благодетель, на твои же деньги купил. Могу отчитаться по расходам. Сто пятьдесят рублей за честность, то бишь за кабана, двадцать рублей за присланное в прошлый раз да тридцать пять за все вот это с сапогами. И осталось у него твоих девяносто рублей. Впрочем, у него свой счет, все до копейки записано. Петр Филиппыч тоже очень честный человек и большой аккуратист.

— Не знаю, как вас благодарить... — сказал Иван, краснея.

— А ты не красней, — весело взглядывал на него Сомов. — Мы теперь не будем тебя на путь преступленья толкать. У нас теперь все вполне законно, и мы надеемся, что ты нам поможешь... Но давайте сначала подкрепимся...

Он поставил сковороду на стол.

— Может, перейдем к делу? — глянул на Сомова Артюхин, доставая сигарету.

Сомов дожеввал, прокашлялся:

— Значит, так. У нас есть разрешение на медведя. Сейчас я тебе объясню, что к чему, какие у нас планы и что требуется от тебя...

— Мы тебе показываем бумагу — ты нам показываешь медведя, — сощурившись и пуская дым, объяснил без обиняков Артюхин.

— В этом году охота на медведя открыта с пятнадцатого августа. У нас разрешение... Все честно-благородно, — торопливо говорил Сомов, доставая из бумажника какой-то листок.

— Верю, верю, — махнул рукой на листок Иван. — Только помочь ничем не могу. Нету в суземке медведей.

— Поври еще! — зыркнул на него Артюхин.

— Сам ищущу: нету! Месяца, чай, три ищущу...

У Сомова отвисла челюсть.

— А это что? — Артюхин пустил струю дыма в сторону медвежонка, сердито ходившего возле печки, в которой потрескивали угольки.

— Так я, ведь, его матуху и ищущу, — объяснил Иван. — Почитай! У самого водополя... Нету! Как сквозь землю провалилась...

Сомов с Артюхиным молчали.

— Что зверя, что птицы мало в лесу осталось, — говорил Иван, точно оправдываясь. — Как стали лес вырубать, так куда что девалось...

Сомов подавленно слушал Ивана, более соображая что-то свое, нежели вникая в его слова. Артюхин смотрел на сигарету, которую погасил о подошву и вертел в пальцах.

— Филина — и того не слышать! — продолжал Иван, то ли оправдываясь, то ли утешая горе-охотников. — Гуся не видать... Бывало, так и залюбуешься на озере. У него полет сильный и быстрый. А как станет кувыряться в воздухе — дух захватывает! Или беркут. На алексеевской опушке на дубах сидел. Царь-птица! Волка сильнее!.. Тоже покинул наши места. Обеспокоили его... Ну, и медведя, знать, выжили вертолетами...

— Вертолетами, говоришь? — переспросил Артюхин. — Ты вот что... Ты брось мне сказки рассказывать. Рассказывай их Сомову — он верит. А мне нужны не сказки, а меха... Я думаю, что ты врешь нам. Я не верю в честных людей. Один такой, как ты, неделю тому назад продавал в городе на рынке вот такую же куклу, — Артюхин ткнул пальцем в сторону медвежонка. — Невероятно, но факт. Подтверди, Игорь!

Сомов, глядя в пол, кивнул головой.

— Ну вот... — Артюхин растирал сигарету, рассыпая табак на кровать и на пол. — Все мы честные, пока нас не прижмет. И ты тоже. Притворяешься честным, а как прижмет, так последнему на Земле гусю голову отвернешь. Ну и отворачивай, если без этого тебе карачун. Меня лично возмущает только то, что я в настоящий момент должен страдать от твоего притворства. Тебя прижало — ты укладываешь кабана, добываешь медвежонка и так далее. Меня прижало, мне добыча нужна — ты передо мной честность разыгрываешь... Ну, ладно. Не наведешь на медведя — пеняй на себя.

Иван с удивлением смотрел на Артюхина: сколько же злости накопилось в этом маленьком человеке!.. Что-то, однако, в артюхинских речах задело Ивана. Он опустил голову и присидел так довольно долго,

не вникая в смысл фраз, которыми перебрасывались Артюхин и Сомов.

— По-твоему, я волк? — неожиданно спросил Иван, поднимая взгляд на Артюхина. — И все мы волки?

Тот побледнел.

— В конечном счете, да...

— Видишь ли, Иван... — нарушил Сомов наступившее молчание. — У Славы было трудное детство. Вообще сложно складывалась жизнь. Он... как бы это выразиться?..

— Сидел! — презрительно бросил Артюхин.

— Да, отбывал наказание в воспитательно-трудовой колонии. Ну и...

— Имею основания утверждать то, что утверждаю! — перебил Сомова Артюхин.

— Стало быть, надо собираться в стаю? — невольно усмехнулся Иван.

— Вот именно, — сказал Артюхин, заметно успокаиваясь и доставая из пачки очередную сигарету. — Мы к тебе по-хорошему. Жратву принесли, сапоги...

— Разрешение! — вставил, улыбаясь, Сомов.

Иван встал, заходил по избе.

Артюхин чиркнул спичкой, закурил и подмигнул Сомову. Медвежонок следил за Иваном; стоило Ивану подойти к двери, как он тотчас подавался за ним, словно не хотел ни на миг оставаться с чужими.

— Сурьезное ты тут говорил мне, — остановился Иван против Артюхина. — Непутное, однако сурьезное.

— Ну, так что?.. — остро смотрел на Ивана Артюхин.

— Ты, чай, о медведях? Так ведь сказано тебе: нету их в суземке...

Артюхин снова побледнел.

— Для тебя, значит, есть... Даже на рынке для желающих есть. Только для нас нет. Для нас — ни медвежат, ни их мам и пап. Ну, что ж... — Артюхин встал. — Ты, Игорь, как хочешь, а я пошел.

— Чистую правду говорю: нету! — твердил Иван, прижимая ладонь к груди.

— Нет так нет, — стал подниматься и Сомов. — На нет и суда нет...

Иван сокрушенно покачал головой. Неладно получилось. Вон уже и Сомов, отводя от него взгляд, одевается, и Артюхин рюкзак шнуром затягивает. Обиделись. А все этот Артюхин, неразумная голова. Подозрителен, горяч, зол...

Иван нахмурился:

— Дело ваше. Хотите — идите, хотите — оставайтесь, медведя ищите... Только я вам правду сказал. Ну, а коли вас по недоразумению досада на меня взяла, то и забирайте назад все, что принесли.

— К черту! — сказал Артюхин, не вынимая сигарету из зубов. — Нашли верблюдов таскать туда-сюда... Ты лучше вот что... — сощурился Артюхин. — Ты лучше проводи нас через болото. Прошлый раз шли — сухо было, а на этот раз чуть не утопили.

— Проводить — это можно, это сколько угодно, — с готовностью согласился Иван. — У нас тут сторожье лешего. Как с неба ливнет — так путь и отрежет. По вашей карте не пройдешь, надо знать, где самые низы обходить.

Отломив медвежонку корку хлеба, Иван сложил все припасы на полки поставца.

Обув болотники, первый полез из избы. Стоя на

крыше, принял рюкзак у Сомова, а Сомов помог вытащить рюкзак Артюхину.

Медвежонка Иван оставил дома «за хозяина». Пока тот лакомился коркой хлеба, подбирая крошки с пола, люди успели скрыться в лесу.

Вернулся Иван к вечеру. Тревога, с которой он возвращался домой, не обманула его: у медвежонка, подбежавшего к нему с жалобным гнусоватым прывкиванием, была осмолена шерсть на лбу и на лапах. Забравшись в избу, Иван увидел следы начинавшегося пожара: разметанные по полу обгорелые клочки газеты, пепел... Суконное одеяло, свисавшее почти до пола, по краю порыжело, обсмолилось...

— Известное дело — окуроч бросил, — проворчал Иван, берясь за веник-голик. — Кабы не мишка, сгорел бы мой булдырь.

Стал Иван мести избу, да вдруг распрявился и точно одеревенел. А ведь пожар начался не случайно!.. Это Артюхин сделал! Да как ловко: выходил последним, бросил окуроч или спичку в скомканную газету, а чтобы изба сгорела-таки, увел Ивана в лес за проводника...

Иван швырнул голик под печку и, сжав кулаки, ступил к двери. Медвежонок, беспокойно ходивший по избе, тотчас устремился за Иваном, обхватил лапами его ногу. Иван остановился.

— Не пускаешь?..

С минуту он грозно смотрел на медвежонка. Этого оказалось достаточно для того, чтобы гневное помячтение прошло.

— Вот ведь разумное существо. Чует недоброе — и удерживает...

По утрам поляну заволакивало туманом; жгуче

холодны стали росы; пошли в отлет стрижи, мухоловки, кукушки, иволги; блекла листва.

Пришла пора расставаться с найденным. В человеческом жилье медведи не впадают в зимнюю спячку. Приучится мишка зимой шататься — дошатается до беды. Нельзя ему долго быть с человеком. Одомашнится, изнежится, забудет свои лесные привычки и, как окажется снова один в лесу, погибнет. Осенью, к примеру, у него самая забота, жир на зиму запасть. Если же сызмальства он приучится надеяться на корм от человека, то и не будет благоприятно нагуливать жир — вот уже и опасность. Кроме того, медведь, долго живший с людьми, теряет не только всяческую осторожность, но и необходимый страх. А это опасно и для медведя, и для людей. В Выползихе жил некогда Кузьма Сорокопутов, который по своему чудачеству держал во дворе медведя до зрелого возраста. Медведь вымахал громадный: башка с бельевую корзину, лапища шириной в пядь. Совсем ручной был; а однажды летом, в конце июля, насмерть изломал Кузьму у него же в избе и ушел в лес. Такой медведь особенно страшен, потому что людей не боится. Через неделю он наведался в деревню — тут его и застрелили. Старики жалели не только Кузьму, но и медведя. «Непошто было сурьезного зверя с обычной сбивать».

Все это Иван знал, понимал, а решиться трудно было. Подойдет, бывало, к медвежонку, захочет сказать прощальные слова, а язык не поворачивается, а в горле ком. Постойт-постойт возле медвежонка, да и отложит разлуку на денек. Ныне же скрепил сердце...

Медвежонок сидел на яблоне, точь-в-точь как сам Иван в детстве. Иван стал ждать у крапивных зарослей: пусть он поживится напоследок яблочками.

Медвежонок, однако, и яблочки не ел, и не слезал.
— Пошли, что ли...— позвал Иван.

Прижимаясь к стволу, мишка грустно смотрел на Ивана.

— Ишь, глядит, словно все во мне выразумел... Слезай, сынок, отведу тебя в лес...

Иван свел брови, повернулся и зашагал к лесу. Медвежонок — Иван слышал — догонял его. Вот он уже и под рукой. Не останавливаясь, Иван достал из рюкзака кусок хлеба.

— На хлебца...— последнее мое угощение. Отныне на одного на себя надейся. Вон брусника краснеет, клюква — любимое твоё ество. Опенки уже лезут — знать, лето на ущербе. Сейчас пойдут черно-головики, подосиновики, моховики... Наедайся впрок. А там облюбуйешь себе яму под вывороченным корнем, натаскаешь туда веток, приготовишь до холодов берлогу. Загодя повалайся в ней, примеряйся...

Шли в сторону Красной рели, к хвойному лесу, где Иван видел следы медвежьей лежки на муравейнике. Место глухое, подходящее. Поскольку ель в землю не глубока, то и ветровала много. Там и муравейники, и ягодники, и Сонжа недалеко.

Миновав знакомую барсучью нору, Иван остановился. Медвежонок с любопытством озирался, принюхивался. Осваиваясь на новом месте, побродил среди елей, но вскоре бегом возвратился к Ивану.

Иван сел на землю, привалившись спиной к ели и вытянув ноги. Медвежонок по привычке сел перед ним.

В лесу было тихо, лишь изредка протяжно вздыхал в вершинах ветер.

— Ну, давай прощаться...

Иван встал, провел ладонью по круглой медвежьей голове. Медвежонок не сводил глаз с Ивана, словно

чувял неладное. Хотя бы пошел снова бродить в елях или вскарабкался бы на дерево...

— Уходи,— через силу произнес Иван.

Вместо того, чтобы уйти, медвежонок подошел к Ивану, обнял его ногу в пахучем новом сапоге.

— Уходи,— повторил Иван сурово.

Медвежонок попятился. Остановившись, он поднялся и, переступая с лапы на лапу, стал... плясать! Вспомнил науку и додумался теперь задобрить Ивана...

— Ах, ты мое нещечко! — дрогнул Иван, и медвежонок немедленно воспользовался переменной настроеня: подбежал к Ивану, и Иван подхватил его на руки. Прижимая мишку к груди, улыбался и бранил себя:

— Не устоял ведь! Эх, ума у меня — что у тетерева...

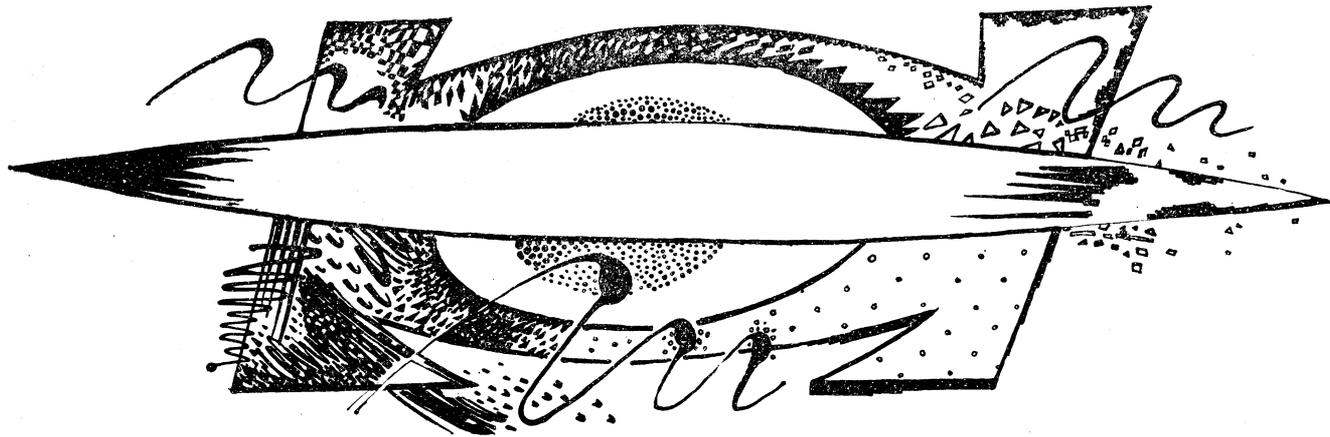
Посуровев и опустив медвежонка на землю, сказал:

— Видно, придется мне уходить уходом.

Снял с плеча рюкзак, вынул из него начатую буханку, положил ее под ель. Медвежонок проголодался в пути и стал охотно подкрепляться хлебом.

Тихо ступая, Иван отходил от него все дальше и дальше. «Прощай!..» — прошептал он, еще видя среди деревьев медвежонка, такого маленького и одинокого в большом, настороженно притихшем лесу. Промокнув рукавом рубахи глаза, уже не таясь, Иван быстро зашагал прочь.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Взрыв вместо зубила

Михаил ПЕТРОВ

Рис. Владимира Ганзина

Широкий круг людей имеет о литейном деле смутное представление. Попытаюсь объяснить его суть на простых примерах. Возьмем чугунную сковороду. Обычно их отливают в металлические формы — кокили. Но изготовление кокиля стоит недешево и применяется только при массовом производстве. В других случаях пользуются опоками. Модельщики изготавливают сковородку из дерева, шлифуют, красят и сушат. Наступает очередь формовки — получения отпечатка в песчано-глинистом составе, формовочной смеси. Она состоит из песка, но не речного, — для лучшего сцепления друг с другом нужен песок с острыми неровными гранями. Песок перемешивают с глиной и другими составляющими и засыпают в специальные металлические рамы, называемые опоками. В одной делают отпечаток дна сковороды, в другой — верхний ободок и углубление. Когда отпечаток получен, прорезают литниковый ход, опоки скрепляют и заливают в них металл.

Отливка остыла. Опоки раскрывают и — сковорода готова. Но что это? Она вся облеплена песком, как еж иголками. Такую сковороду не решится купить ни одна хозяйка. Оказывается, к расплавленному металлу припаялся песок. Отодрать его нелегко. Прилипший песок, или пригар, — бич всех литейщиков. Пригар снимают наждаком, в дробеструйных камерах и другими механическими путями. Но сковорода весит чуть больше килограмма, ее легко переносить. А деталь весом в десятки или сотни тонн? Такую отливку не подтащить к наждаку, а переносной наждак мал. Сколько времени потратишь, если работать с ним. Очистку отливок от пригара производят и с помощью пневматических зубил. Работа трудоемкая, а главное — вредная, вызывает вибрационную болезнь. Есть еще дробеструйные камеры: мелкая дробь под большим давлением выбрасывается из металлизированного шланга и очищает отливки, но плотного пригара не удаляет.

Вот мы и подошли к делу Перцовского. Виктор Наумович — инженер-исследователь Уральского завода тяжелого машиностроения, заслуженный рационализатор и заслуженный металлург республики. Его лаборатория подбирает нужный состав формовочных смесей и противопригарных красок. Свою работу они делают неплохо, и процент брака по пригару на старых смесях не высок. Но в производстве появился новый формовочный состав — жидкоподвижный, где крепителем является жидкое стекло, или, попросту говоря, канцелярский клей. Такие смеси, сметанообразные на вид, легко заливаются в форму без дополнительного уплотнения. Они значительно облегчают работу формовщикам, но есть, к сожалению, нежелательный эффект при этом крепителе: изжить пригар полностью не удается.

Что ж делать? По логике нужен сильный инструмент, как ножом срезающий с поверхности корочку оплавленного песка. И способ найден. О нем рассказал мне Перцовский. Все его рассказы я запомнил не в специальной беседе, а на бегу, в праздничной колонне, на улице или в цехе.

— Новый способ для очистки отливок предложил В. И. Иконников, инженер научно-исследовательского проектного института горного и обогатительного машиностроения, — начал рассказ Перцовский. — Он предложил: взрыв! Да, да, с помощью тола, аммонита или аммонита. Как его применять, надо было подумать.

Стали заниматься этим делом по субботам и воскресеньям в камерах копрового цеха. В эти дни люди отдыхают, и камеры свободны. Привезли детали бурового насоса — гидрокоробки с большой корочкой пригара. Установили их в канавах с накатными бронированными крышами. Там, где на деталях был пригар, насыпали взрывчатку. После взрыва исчезал не только пригар, но даже срезался облой и тонкие выпоры.

— И даже выпоры? — не удержался я от вопроса, слушая Перцовского.

— Что выпоры! Срезали прибыли до восьмидесяти миллиметров. Срезали их, направив взрывную волну с двух сторон, только не в лоб друг другу, а чуть выше. Одна волна над другой, как ножицы.

Стержни из глубоких, круглых полостей удаляли с помощью длинных бумажных трубок, заполненных взрывчаткой и перетянутых бечевками, как сардельки. Заложив связку «сарделек» в центральный стержень, детонатор устанавливали у крайней. Когда первая взрывалась и выстреливала смесь, от детонации взрывалась вторая «сарделька», затем третья. Полость отливки оказывалась чистой.

— Однажды чистили барабан скиповой лебедки, — продолжал Перцовский. — Если б его чистили лежа, ничего бы не случилось. А мы поставили барабан вертикально, отверстием вверх. В это отверстие заложили заряд и зажгли бикфордов шнур...

— Это ж зенитное орудие получилось! — засмеялся я.
— Правильно! Не сообразили... Взрывом подняло накатную крышу из бронированных листов весом сто сорок тонн на метровую высоту. Бревна размером в обхват, скрепленные железными скобами, раскидало по обе стороны.

Я сказал рабочим, которые были тут: «Ну вот, я вам испортил всю обедню. Придет смена, а работать нельзя».

— Ничего, наладим, — спокойно ответил мастер ремонтной бригады.

И верно. В понедельник смена работала. Рабочие наладили камеру за воскресенье. Хорошие все-таки у нас люди. Всегда помогут в трудную минуту.

— Поэтому и отказались от продолжения опытов? — спросил я.

— Нет, не поэтому. За полтора месяца провели много пристрельных работ, составили карту обстрела, разработали интересные устройства для проведения взрывного процесса. А отказались из-за неудобств, возникающих при работе с готовыми взрывчатыми веществами.

Слустя некоторое время встретились с Перцовским в заводском коридоре. Нам было по пути.

— Знаешь, Михайло, я нашел способ генерировать взрывы в широком диапазоне частоты и возможность изменять силу взрывов.

— Вновь с твердой взрывчаткой?

— С жидкой. Есть в Москве институт ЦНИИПодземмаш. Там разработали установку для разрушения горных пород, назвав ее взрывогенератором.

— Что-то из области фантастики.

— Собираюсь съездить к ним, договориться о серии опытов.

Прошло время. Я знал, что машину привезли. Но в работе ее не видел. Однажды мне позвонил Перцовский.

— Хочешь посмотреть взрывогенератор в действии?

На полигон, за город я приехал с группой рабочих и инженеров-металлургов. Виктор Наумович в синем халате и коричневой защитной каске осматривает подвезенные для очистки детали. Это уже знакомые нам стальные гидрокоробки для бурового насоса. Детали полностью закрыты приставшим, спекшимся составом.

Вся установка представляет из себя продолговатый металлический короб, поставленный на колеса КРАЗа с кабиной и двигателем. От короба тянется хобот — очень подвижный и маневренный. В хоботе протянуты трубы, по которым подается жидкость: керосин и азотная кислота.

Машина просигналила и подвела стальную гильзу к отливке. Из мелких отверстий, что просверлены в теле гильзы, полилась прозрачная жидкость. Потом из центра гильзы выбежала струя другой жидкости. В гильзе мель-

нуло пламя и с пулеметным треском взорвалось огромным желтым шаром.

Когда стрельба закончилась, все потянулись к отливкам. Да, очистка хорошая, хотя в углах еще остался небольшой пригар. Перцовскому указали на недоработку, он ответил:

— Сюда не попала взрывная волна. В будущем я сделаю управляемую струю...

— Интересно, насколько эффективней чистка взрывом от обычной? — задает кто-то вопрос.

Виктор Наумович поворачивается к одному из обрубщиков:

— За сколько минут выполнишь эту работу?

— Минут за двадцать, двадцать пять.

— А машиной — за минуту! — торжественно сообщает Перцовский. — Выходит, в двадцать раз быстрее.

Следующий разговор произошел по дороге на картофельное поле. Участки нашим отделам отвели далеко от железной дороги, ходьбы минут тридцать. Мы обрадовались, что можно поговорить без помехи.

— Приняли, наконец, нашу заявку на изобретение. С четвертого захода, — начал Виктор Наумович.

— Почему не сразу?

— Когда мы ставили вопрос о взрывогенераторе для чистки литья, у нас заявку не принимали. И тут у меня появилась совершенно оригинальная идея. Нас, институтских работников, часто посылают на всякие хозяйственные работы. Мне вспомнилось, как я однажды скалывал лед с асфальта. Долбил ломом по льду сверху, физиономию себе запорошил осколками льда и грязи, а толку никакого. Тогда надумал подковырнуть снизу. Подвел ломик между льдиной и асфальтом, и льдина начала отделяться, а потом целым большим куском отвалилась, оголив черную поверхность тротуара. Так и в отливке.

Я предложил не долбить в середину спекшейся массы, а направить взрыв в место разделения сред (смеси и металла), и эксперт тотчас ухватился за эту мысль и с радостью заключил: «Вот это и есть оригинальное зерно идеи».

— Выходит, идею тебе помог найти эксперт?

— Тем, что не принимал прежние заявки. У них ведь так голова повернута — все серое, неоригинальное они отвергают, требуют что-нибудь новое.

Потом нам долго не удавалось побеседовать. Встречи были мимолетные. Но за работой Перцовского я следил, узнавая новости от окружающих: ГИПРОтяжмаш, взявшись проектировать установку, попросил заключение геологов о состоянии грунта. На это ушло несколько месяцев. Когда были получены данные грунта, администрация нового обрубного цеха возстала против монтажа установки возле них. И так неожиданно. Видели, что возле их цеха ведутся работы, и молчали.

Сколько затрачено средств, труда, времени — и все впустую. Это был удар! Первый инфаркт пригвоздил изобретателя к постели. Но не только неудача со взрывогенератором была толчком к болезни. Дала о себе знать и работа в лаборатории формовочных материалов. Десять лет не был в отпуске. И это сказало. Только начал поправляться, второй инфаркт надолго уложил Перцовского в больницу.

Пока лежал в стационаре, руководство отдела уволило знающих рабочих, обученных управлению взрывогенератором. Когда вернулся, долго не мог найти нужные материалы по строительству камерной установки. Зашел к начальнику отдела и увидел, что все его потерянные бумаги лежат на уголке стола.

— Как они у вас оказались?

— Не знаю. Уж месяц, как лежат, и никто не спрашивает.

Врачи предлагали инвалидность. Перцовский отказался: «Уйма незаконченных дел!»

Начал искать подходящее место для взрывогенераторной установки, советоваться с проектировщиками, с начальниками цехов. Наконец получил разрешение директора завода на размещение установки возле старого обрубного цеха, с небольшим заглублением.

И все началось сначала. ГИПРОтяжмаш вновь составил проект и вновь потребовал схему коммуникаций для выноса их в другое место, теперь уже возле старого обрубного цеха. Пошли к заместителю начальника паросилового цеха — исполнителю коммуникационных работ.

— Нужна схема коммуникаций возле старого обрубного цеха.

— Пожалуйста,— заместитель начальника цеха нанес на бумаге все линии.

— Посмотреть бы на месте.

— Можно.

Сели в машину, поехали. На месте стали сверять со схемой, оказались расхождения.

— Кто же даст правильный ответ?

— Надо Василия спросить.

Вернулись в цех. Заместитель начальника вызвал Василия. Пришел мужичок в валенках, на валенках — галоши. В руках у него металлический прут с крючком для откручивания крышек колодцев.

— Вызывали?

— Да. Вот этим товарищам покажешь, как между колодцами проходят трубы. Где питьевая вода, где ливневка.

Потопали по весенней распутице. Идти было далеко и тяжело. Ноги проваливались в мокром снегу. Пришли. Рабочий ловким движением скинул крышку с одного колодца — забит песком. В двух других колодцах оказалась питьевая вода.

— Трубы между колодцами так идут?

— Нет, под углом. Вот так.

— С чего это? Так прямой.

— Это сейчас прямой, а раньше здесь была будка складирования ацетилена.

Наконец, когда Перцовский составил действительную схему расположения коммуникаций, ее с удовольствием подписали и начальник паросилового цеха, и энергетик завода. Эту схему увезли в ГИПРОтяжмаш.

— Какая все же у нас безалаберщина на заводе,— заметил я.

— Был только один человек на заводе, Мельников, в управлении капитального строительства, пенсионер. Сейчас помер. Он не подписывал документ о сдаче участка, пока ему не покажут, как проложены коммуникации. Без его подписи премию не выдавали. А чтоб составить план, мало нанести линию укладки трубы или провода по горизонтали, надо еще и указать глубину залегания, а для этого надо знать топографию. Мельников знал. Сейчас и не знают, и не хотят знать.

Однажды были вместе со своими супругами в оперном театре. Шел «Князь Игорь». В антракте Перцовский начал мне рассказывать недавнюю работу по взрывогенератору. Увлечлись и не заметили, что коридоры опустели. Он рассказывал, что когда выдал заводским конструкторам задание на проектирование камеры взрывогенератора, они в голос заявили: «А как мы избавимся от шума?»

— Найдите,— сказал я им,— вы ведь проектировщики.

— Где найти?

Я позвонил в аэропорт «Кольцово». Спросил, где они ремонтируют моторы, ответили, что возле аэропорта «Уктус».

Рассказывал это Виктор Наумович громко, с обычной

своей жестикуляцией, рубя для убедительности рукой. К нам подошла работница театра и попросила, чтоб говорили потише. Перцовский снизил громкость, но ненадолго. Забывшись, так же увлеченно продолжал:

— Поехал, отыскал, вошел в цех. Шум невообразимый от обкатки моторов, а с улицы не слышно. Оказывается, по ходу звуковой волны установлены щиты с перфорированной поверхностью. Щиты стоят в шахматном порядке.

— На турбомоторном заводе, помнишь, как в войну гудели моторы? — напомнил я Перцовскому.— На Уралмаше слышно было.

— Как не помнить. После «Уктуса» я приехал к турбомоторцам и спросил, где у них испытывают моторы? Ответили, что у них не испытывают. Так там тихо. Не поверил, пошел искать. А когда нашел камеру по испытанию, то там разговаривать невозможно, ничего не слышно. Оказалось, что у них такие же колонны в шахматном порядке. Спросил, кто посоветовал так делать? Сказали: Осипов Георгий Львович, заведующий лабораторией по борьбе с промышленными и городскими шумами Московского института НИИстройфизики. Позвонил ему. Ответил, что некогда заниматься идеей взрывогенератора. Позвонил снова. Отказал. Позвонил в третий раз. Осипов видит, что от меня легко не отделаться, сдался: «Презжайте».

Перцовский замолчал, прислушиваясь. Из-за прикрытой двери доносились звуки экзотических «Половешких плясок».

— Н-да. Бородин и химией занимался неплохо, и отличную музыку написал. Так вот, поехал я к Осипову в Москву. Рассказал ему о своей работе. Он до того заинтересовался взрывогенератором, что организовал выездную лабораторию.

Время было зимнее. Стужа, ртутный столбик в термометре опустился ниже тридцати градусов. Ничего не оставило Осипова. Отличный исследователь! Уехали за Тулу и там провели опытные стрельбы на экспериментальном участке ЦНИИподземмаша. Произвели обмер уровня шума в очаге взрыва и на разных расстояниях, замерили вибрацию грунта, и полученные данные потом были использованы в расчетах звукоизоляции и виброгашения...

У читателя, наверное, сложилось впечатление, что изобретатель топчется на месте. Не видно движения вперед. Возможно, читатель несколько прав. Движение, правда, есть, но медленное, трудное. Всякие большие изобретения с трудом пробивают себе дорогу.

Четырнадцать лет отдано работе по взрывогенератору, накоплен огромный материал.

— В какой стадии работа на сегодняшний день?

— Одни говорят, проект утвержден, другие — не утвержден. Очень сильное сопротивление... Не знаю, кому наступил на мозоль?

Думаю, сопротивление не из-за личных неприятий, а из-за неверия многих в конечную цель дела, над которым работает Перцовский. Слишком необычен метод очистки литья. Люди привыкают к старому, понятному методу, десятилетиями применяемому в литейной практике не только отечественными, но и зарубежными специалистами.

Надо очень верить в идею очистки литья взрывом. Перцовский верит!

Я уверен, он добьется своего и сделает мирный взрыв достойным промышленности нашей страны.

„СМЕРТЬ И К“

Дешиэлл ХЕММЕТ

Рис. Николая Мооса

Советская литературная энциклопедия называет Дешиэлла Хеммета в числе наиболее крупных представителей детективной литературы США.

Хеммет родился в 1894 году в округе Сент-Мери на востоке США. Уже в 14-летнем возрасте вынужден был оставить школу. Был продавцом газет, упаковщиком, служил на железной дороге, в рекламном агентстве и наконец — детективом в частном сыскном агентстве Пинкертона в Балтиморе.

Начиная с 1923 года все чаще публиковались его рассказы, которые, как считают английские литературоведы, оказались «первым и наиболее реалистичным описанием

американского преступного мира». Затем выходят один за другим несколько остросюжетных романов, в числе которых «Кровавая жатва», «Мальтийский сокол», «Стеклянный ключ» и другие.

В наши дни романы и рассказы Хеммета издаются в переводах на французский, немецкий, итальянский и другие языки. Несколько книг Хеммета вышло за последние годы в ГДР, а в журнале «Дас магазин» опубликован ряд его детективных рассказов.

В эпоху Маккарти Хеммет подвергался преследованиям как коммунист и даже оказался в тюрьме.

Умер в Нью-Йорке 10 января 1961 года.

Старик пригласил меня в свою контору, представил человеку по имени Чеппл и предложил сесть. Я сел.

Чепплу было лет сорок пять, он был темно-кож и плотно сложен. Выглядел несчастным, словно чем-то обеспокоен или обуян страхом. Веки покраснели, под глазами набухли мешки, уголки рта отвисли. Рукопожатие было вялым и безвольным.

Старик взял со стола листок бумаги и подал мне. Это было письмо, написанное корявыми печатными буквами.

«Мартин Чеппл!

Если вы хотите увидеть свою жену в живых, то выполните то, что здесь сказано. Ровно в полночь подойдите к углу Турк-стрит и Ларкин-стрит и положите 500 долларов стодолларовыми купюрами под кучу кирпичей у входа на стройку. Если вы этого не сделаете или если обратитесь в полицию, или попытаетесь пометить купюры, то завтра утром получите письмо с сообщением, где найти труп вашей жены.

Это не пустая угроза.

Смерть и К^о.

Я положил письмо обратно на стол.

— Миссис Чеппл отправилась вчера в театр и не вернулась,— сказал старик.— Это письмо поступило к мистеру Чепплу с утренней почтой.

— Скажите, она отправилась в театр одна? — обратился я к Чепплу.

— Не знаю,— усталым голосом ответил он.— Когда я собирался после обеда в свою контору, она сказала, что пойдет в театр. Но не сказала, с кем и на какой спектакль.

— А с кем она обычно ходила?

Он недоуменно пожал плечами.

— Я мог бы назвать вам ее ближайших друзей, хотя это вряд ли поможет. Когда она не вернулась, я обзвонил всех, но безуспешно.

— Есть у вас какие-нибудь предположения?

Он опять недоуменно пожал плечами.

— Есть у вас враги? Может быть, вы или она кого-то обидели? Припомните хорошенько, даже если это было давно или вы считаете обиду пустяковой. Это обычно служит причиной похищения.

— Нет, насколько мне известно,— устало ответил он.— Я уже думал об этом.

— В какой области вы работаете? Чем занимаетесь?

Он был ошеломлен этим вопросом. Но все же ответил:

— У меня рекламное бюро.

— Как насчет людей, которых вы уволили?

— Единственный, кого я уволил, это Джон Хеккер, но он нашел куда лучшее место у моего конкурента. И мы всегда ладили с ним.

Я бросил взгляд на старика. Он внимательно следил за нашей беседой, хотя и делал вид, что

его, руководителя конторы, все это не касается. Я откашлялся и снова обратился к Чепплу:

— Прошу прощения, мне придется задать вам несколько... ну, скажем, нескромных вопросов. Вы позволите?

Он вздрогнул, понимая, о чем пойдет речь, затем кивнул.

— Олл райт.

— Скажите, бывало ли, что ваша жена проводила ночь вне дома?

— Нет. Во всяком случае, я всегда знал, где она была.— Он беззвучно пошевелил губами.— Я догадываюсь, о чем вы хотите спросить. Лучше не задавайте вопросов, я постараюсь рассказать сам.

— Да, так будет лучше,— подтвердил я.— Вы, конечно, понимаете, что эти вопросы не поставили бы мне удовольствия.

— Да, понимаю,— согласился Чеппл. Он глубоко вздохнул и заговорил быстрее.— Я никогда не имел повода думать, что она ходит куда-либо тайком от меня. Или что у нее есть поклонники, о которых мне не известно. Именно это вы хотели бы знать, не так ли? — спросил он жалобным тоном.

— Да, благодарю вас.— Затем я обернулся к старику, который, очевидно, предпочитал молчать, если ему не задавали вопросов.— А что вы думаете обо всем этом?

Мой шеф вежливо улыбнулся, словно бы все это его не касалось, и проговорил:

— Вы сами знаете теперь все обстоятельства этой истории. Что вы посоветовали бы мистеру Чепплу?

— Разумеется, он должен прежде всего уплатить выкуп,— ответил я.— Это неприятно, но таков единственно возможный способ обращения с похитителями, если хотят спасти жертву. Господа из фирмы «Смерть и К^о» не слишком разумно выбрали пустующий участок. Их можно запросто схватить там.— Затем я изменил тон и обратился к Чепплу: — Вы сможете достать деньги?

— Да.

— А как насчет полиции? — спросил я шефа.

— Нет-нет, никакой полиции,— вмешался Чеппл.— Не хотите же вы смерти моей жены...

Я перебил его:

— Мы обязаны поставить полицию в известность, чтобы она могла вмешаться, как только ваша жена вернется. В лучшем случае, мы можем просить полицию подождать до поры до времени. Вы не согласны? — снова обратился я к старику.

Он кивнул и потянулся к телефону.

— Это возможно. Сейчас я приглашу сюда инспектора уголовной полиции Филдинга и кого-нибудь из прокуратуры.

Вскоре появились Филдинг и сотрудник прокуратуры Мак Фи. Вначале они хотели было

сосредоточить к полуночи половину полицейских Сан-Франциско вокруг кучи кирпичей на углу Турк-стрит и Ларкин-стрит. Но постепенно нам удалось образумить чиновников: мы доказали с помощью статистики похищений, что если уплатить выкуп, а затем попытаться схватить преступников, то оказывается куда больше шансов спасти жертву.

...В половине двенадцатого Чеппл вышел из своего дома с пятью тысячами долларов, обернутыми в серую бумагу. В двадцать минут первого он вернулся. Его тело била дрожь, рубашка насквозь пропотела, в лице не было ни кровинки.

— Деньги положил,— сообщил он.— Но никого не видел.

Я налил ему бокал виски из его собственных запасов.

Почти всю ночь он ходил из угла в угол. Я прикорнул на диване и раз десять слышал сквозь дрему, как он подходил к входной двери, открывал ее и выглядывал на улицу. Сотрудники уголовной полиции Мур и Каллаген улеглись тут же спать. Все мы расположились на ночь в доме Чеппла, чтобы как можно быстрее получить от миссис Чеппл сведения о ее похитителях.

Однако она так и не появилась.

В девять утра завершал телефон. Звонили

Каллагену. Он выслушал, положил трубку и построил кислую мину:

— За деньгами до сих пор не приходили.

Чеппл вытаращил глаза.

— Значит, за этим местом следили?

— Разумеется,— ответил Каллаген,— но очень осторожно. Мы поставили наблюдателей с полевыми биноклями в зданиях по соседству. Их невозможно обнаружить.

Чеппл обернулся ко мне. Его лицо было охвачено ужасом. В этот момент позвонили в дверь. Чеппл бросился в прихожую и тотчас вернулся, разрывая нетерпеливыми руками конверт срочного письма. Нашим взорам предстал еще один листок, испещренный корявыми печатными буквами:

«Мартин Чеппл!

Мы получили деньги, но нынче в ночь должны получить от вас еще столько же, в то же время и там же, где вчера. На этот раз мы твердо обещаем отпустить вашу жену живой. Если вы сообщите хоть одно слово полиции, то знаете, чем это грозит.

Смерть и К°».

— Черт подери! — прорычал Каллаген.

— Эти наблюдатели совсем ослепли! — заметил Мур.

Я взглянул на почтовый штемпель. Письмо было отправлено рано утром.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я Чеппла.

— Я готов отдать все до последнего цента, лишь бы жена вернулась целой и невредимой.

...За полчаса до полуночи Чеппл опять понес пять тысяч. Вернувшись, он сообщил:

— Вчерашние деньги исчезли.

Эта ночь прошла так же, как предыдущая. С единственной разницей: надежда Чеппла на возвращение жены стала куда слабее. А хотя никто не говорил об этом, все были уверены, что наутро придет письмо с требованием очередных пяти тысяч.

И письмо действительно пришло:

«Мартин Чеппл!

Мы предупредили: полицию не впутывать. Вы не послушались. Теперь направьте полицию в 303-й номер отеля на Пост-стрит, 895. Там вы найдете обещанный нами труп.

Смерть и К°».

Каллаген бросился к телефону. Я положил руку на плечо Чеппла, ибо он шатался и, казалось, вот-вот упадет. Однако он взял себя в руки и со злостью повернулся ко мне:

— Вы убили ее!

— Заткнитесь! — оборвал его Мур. — Нужно идти.

Мур, Чеппл и я сели в машину Чеппла, которая обе эти ночи стояла возле дома. В последний момент к нам присоединился и Каллаген.

Путь до Пост-стрит занял не более десяти минут. Еще две минуты ушли на поиски хозяйки и получение ключей. Затем мы поднялись в 303-й номер.

На полу в гостиной лежала на спине стройная женщина с рыжими кудрями. Она была мертва уже давно, это было видно даже по цвету лица. Коричневый купальный халат явно мужского типа был задран, из-под него виднелось розовое белье.

Вскоре появились чины уголовной полиции и полицейские в форме. Мы приступили к обычному расследованию.

Хозяйка показала, что этот номер снимал мужчина по имени Гаррисон М. Рокфилд. Она описала его: лет тридцати пяти, ростом метр восемьдесят, худощав, по виду килограммов на семьдесят, блондин с голубыми, не то серыми глазами. Весьма любезен, хорошо одевался. Месяца три жил здесь в одиночестве. Утверждала, что не знала его друзей; ни разу не видела и миссис Чеппл. Последние три дня не встречала также мистера Рокфилда, но в этом не было ничего необычного: порой она не видела некоторых своих постояльцев неделями.

В комнатах мы обнаружили много одежды, и хозяйка заверила нас, что вся она принадлежала Рокфилду. Эксперты обнаружили немало

отпечатков пальцев; мы надеялись, что их оставил Рокфилд.

В соседних номерах не нашлось никого, кто слышал что-либо. В конце концов мы пришли к убеждению, что миссис Чеппл убита в ту же ночь, когда впервые не вернулась домой.

— Но почему же? — спрашивал Чеппл, совершенно подавленный всем происшедшим.

— Из соображений безопасности, — отвечали криминалисты. — Чтобы ее не обнаружили, пока не оберут вас до нитки. Она ведь не слабая и не хрупкая женщина; было бы затруднительно насильно удерживать ее в этом номере взаперти.

Один из детективов обнаружил пачку сто долларовых купюр, которые Чеппл минувшей ночью запрятал между кирпичами. Затем я направился вместе с Каллагеном в полицейское управление, чтобы порасспросить людей, наблюдавших той ночью в бинокли. Они клялись и божились, что там никто не появлялся, кого бы они не заметили, что ни одна собака даже не подходила близко.

— Вы уверены в этом? — подозрительно переспросил Каллаген. — Но тем не менее кто-то там побывал. Унес же кто-то деньги!

Меня позвали к телефону. Это был Чеппл.

— Они звонили, — прохрипел он в трубку. — Когда я входил в дом, телефон уже надрывался.

— Кто «они»?

— «Смерть и компания», — ответил он. — И они сказали, что теперь доберутся до меня. Они сказали: «Это говорит «Смерть и компания». Теперь твоя очередь».

— Сейчас приду, — ответил я. — Сидите и ждите меня.

Я передал содержание разговора Каллагену. Тот поморщился:

— Мы опять имеем дело с одним из проклятых сумасшедших убийц, — проворчал он.

Когда я пришел, Чеппл был в жалком состоянии. Он дрожал, словно бы замерзая. От страха у него перехватило дыхание.

— Дело в том... дело не в том, что я боюсь, — пытался он объяснить. — Дело в том... Я не такой уж трус, но... Но это, с Луизой... И еще шок... и я...

— Понимаю, — успокоил я его. — И вы, конечно, не могли уснуть в последние дни. Кто ваш врач? Я позвоню ему.

Он нехотя возражал, но все же назвал своего врача. Когда я направился к телефону, раздался звонок. Это был Каллаген.

— Мы установили отпечатки пальцев, — торжественно объявил он. — Они принадлежат Дику Молли. Знаете такого?

— Еще бы! — ответил я. — Не хуже вас.

Молли был игроком, отъявленным бузотером и был замешан в разных скандальных историях. К закону он относился с презрением. Но улик против него обычно не было.

— Итак, если мы его возьмем, предстоит борьба,— продолжал по телефону Каллаген.— Вы ведь знаете, какой это крепкий орешек. А если опять выйдет сухим, то еще посмеется над нами.

— Это мне понятно,— согласился я. И пересказал наш разговор Чепплу. Его лицо потемнело от ярости, голос задрожал, словно он услышал имя человека, совершившего убийство его жены.

— Вы когда-нибудь слышали о Молли?

Он отрицательно покачал головой и продолжал глухим хриплым голосом изрыгать проклятия.

— Хватит! — прикрикнул я.— Ругань не поможет. Я знаю, где можно найти Молли.

Он вытаращил глаза:

— Где?

— Хотите пойти со мной?

— Еще бы не хотеть! — заорал он. Вялости и слабости как не бывало.

— Возьмите шляпу,— посоветовал я.— Пойдемте.

Он помчался наверх за шляпой. Потом, по пути к машине, задавал множество вопросов, на которые я отвечал одно и то же: «Потерпите». Однако едва мы оказались в машине, он поник.

— Что случилось? — спросил я.

— Не могу,— пршептал он.— Помогите мне вернуться домой... Врача...

— Олл райт.— Мне пришлось почти втащить его в дом. Я уложил его на диван и попросил служанку принести воды. Затем позвонил врачу, но того не оказалось на месте. Спросил Чеппла, не вызвать ли другого врача. Он возразил слабым голосом:

— Не нужно. Обойдется... Поторопитесь... Этот дьявол...

Я вышел на улицу, взял такси и поехал. Завернул за ближайший угол и остановился.

...Двадцать минут спустя некто в сером поднялся по лестнице дома Чеппла и позвонил. Это был Дик Молли — он же Гаррисон М. Рокфилд, который нагрянул совершенно неожиданно. Я предполагал увидеть, как Чеппл куда-то отправится, но не думал, что придут к нему домой. Прежде чем я успел подняться, Молли захлопнул за собой дверь. Я стал трезвонить, как сумасшедший.

В ответ за дверью прогремел выстрел, потом еще один. Я разбил рукояткой пистолета дверное стекло, протянул левую руку и стал нащупывать замок.

Раздался еще один выстрел, пуля ударила в остатки дверного стекла, и осколки полетели в разные стороны. Но замок я уже открыл. Затем толкнул дверь и сделал несколько выстрелов наудачу. В темноте произошло какое-то дви-

жение. Что-то грузно упало. Я снова выстрелил, ориентируясь по звуку.

— Довольно! — раздался голос из глубины дома.— Перестаньте стрелять! Я потерял свой пистолет.

Я удивился: этот голос не принадлежал Чепплу.

Под лестницей я нашел выключатель. Загорелся свет. Дик Молли сидел в конце зала на полу и зажимал рукой рану на ноге.

— Паршивая служанка испугалась и заперла дверь,— проворчал он, как бы оправдываясь.— Не то я удрал бы через черный ход.

Я подошел к нему, держа пистолет наготове.

— Я ранил вас в ногу или еще куда-нибудь?

— Больше никуда,— ответил он.— Но я бы все же справился с вами, если бы не потерял в темноте пистолет.

— Если бы да кабы,— съязвил я.— Ну ладно. Рана на ноге — это пустяк. Об остальном можете не беспокоиться, если, конечно, вы не убили Чеппла.

Он засмеялся:

— Боюсь, что убил. Вряд ли он остался жив с двумя пулями сорок пятого калибра в голове.

— Довольно глупая выходка с вашей стороны,— заметил я.

— Это лучшая работа, которую я когда-либо выполнил,— похвалился он.

— Вы так думаете? — возразил я.— А если я расскажу, что только и ждал очередного хода Чеппла, чтобы арестовать его за убийство собственной жены?

Он вытаращил глаза.

— ...И вы своим появлением здесь все испортили,— продолжал я.— Надеюсь, вас за это вздернут.— Я наклонился над ним и перочинным ножом разрезал штанину.— Что вы, собственно, сделали? Вы смылись, когда обнаружили в своем номере труп Луизы Чеппл, ибо думали, что с вашим прошлым не вывернуться из этой истории. А когда слышали по радио, в чем вас обвиняют, то совсем потеряли рассудок и наложили дров.

— Пожалуй,— согласился он. Потом продолжал: — Но я все же не уверен, что чересчур ошибся. У меня такое чувство, как если бы я... воздал ему по заслугам.

— Вы — и ваши чувства! — съфронизировал я.— Он так и так был бы арестован. Он поступил бессмысленно, если не сказать неразумно. В первую ночь никто не забрал денег, но к следующей они все же исчезли. Так, по крайней мере, он утверждал. У нас ведь было только его утверждение, что он положил деньги и не обнаружил их в следующую ночь. Когда же он узнал, что за участком велось наблюдение, то на вторую ночь положил деньги и написал письмо, согласно которому «Смерть и компания» узнала, что он обращался в полицию. А ведь мы и это

хранили в тайне. А потом — способ, которым он попытался свалить вину на вас, когда запахло жареным. Нет, вы поступили глупо, Молли. Мы ведь тоже не столь наивны; оставь вы его в покое, он был бы арестован. Мы передали в газеты и на радио сообщение, а потом ждали, что вы объявитесь и дадите показания, освобождающие вас от каких бы то ни было подозрений. Кроме, конечно, соблазнения его жены — но ведь за это не наказывают. А его мы бы повесили. — Я наложил на его рану повязку из моего кашне. — Но вы просто не смогли оказаться столь разумным.

Появились полицейские, вызванные перепуганной служанкой.

— Вы полагаете, он с самого начала действовал по этому плану? — спросил Молли.

— Вряд ли. Я думаю, что он убил жену в порыве ревности, а уж потом придумал всю эту историю со «Смертью и К°».

УДАЧНЫЙ

Вор-домушник, высокий стройный мужчина лет тридцати, стал рыться в ящиках письменного стола, когда Арчер Требсон вошел в комнату, вошел неслышно, как кошка, словно он-то и был взломщиком. Вор настолько был поглощен изучением содержимого ящиков, что не услышал, как появился хозяин; лишь через несколько минут он каким-то шестым чувством ощутил присутствие постороннего; как хищный зверь ощущает присутствие другого зверя у него за спиной.

Сердцебиение взломщика участилось; в следующий момент оно участилось еще более: блестящий револьвер в руке вошедшего был направлен ему в грудь.

— Черт побери, — проворчал взломщик, — а ведь я был уверен, что дом пуст. Сначала я звонил по телефону, потом трезвонил в дверь...

— Я только что вернулся, — заметил хозяин, не опуская револьвера.

— Вот оно, мое счастье! И так всю неделю. Во вторник я разбил бампер на моей машине; позавчера налетел дома на аквариум и разбил его; все содержимое вылилось на ковер, и при этом погибла парочка африканских рыбок, таких редких, что у них до сих пор нет английского названия... Я уж не буду рассказывать вам, во сколько мне это обошлось...

— Не повезло, — согласился Требсон.

— А вчера, разжевывая пищу, я прокусил себе губу, — продолжал взломщик. — С вами такого не случилось? Ужасно, как мне не везет. А теперь еще эта история с вами, этот неудачный вечер...

— Этот вечер может для вас кончиться куда хуже, чем история с рыбками или бампером, — заметил Требсон.

— Если бы я знал! Как вы думаете, что мне осталось делать? Не валяться же всю неделю в постели! Я знаю одного медвежатника, специалиста по взламыванию сейфов, так он перед каждым взломом консультировался у астролога. Если Юпитер виден правее Луны, или Марс противостоит Сатурну, или что-нибудь в этом роде — он просто отказывался от взлома. Звучит дико. Но вот уже восемь лет, как он ни разу не попался. Может, вы знаете еще кого-нибудь, кого за восемь лет ни разу не сажали?

— Меня вообще никогда не сажали в тюрьму.

— Ну конечно, ведь вы же не из блатных.

— Я коммерсант, бизнесмен.

У взломщика вдруг мелькнула идея:

— Я разыщу этого астролога. И буду с ним консультироваться. Если, конечно, выберусь отсюда.

— Если выберетесь живым, — уточнил хозяин.

Подбородок взломщика задрожал. Черная дыра в стволе револьвера, все еще направленного в его грудь, словно бы стала шире.

— Нельзя ли попросить вас направить эту штуку

* «Советская Россия», 1986.

ВЕЧЕР БИЗНЕСМЕНА

куда-нибудь в другое место? — проговорил взломщик, все более нервничая.

— Другого места, куда бы я мог стрелять, пока не видно,— возразил хозяин.

— Не собираетесь же вы застрелить меня?

— Что?

— Не собираетесь же вы поднимать шум,— продолжал взломщик, постепенно успокаиваясь.— Да в этом и нет необходимости. Я полагаю, что мы, как два цивилизованных человека, уладим это дело полюбовно. У меня есть при себе немного денег, и я с удовольствием сделаю через вас небольшой вклад на благотворительные цели, которым вы потом распорядитесь, как сочтете нужным. Я надеюсь, нам не понадобится полиция, которая любит совать свой нос в личные дела джентльменов...

Взломщик внимательно следил за выражением лица хозяина. Такое предложение неоднократно приносило успех — особенно у людей с положением, не желающих привлекать к себе излишнего внимания. Но в данном случае он почему-то не был уверен, что хозяин согласится с этим предложением.

— Во всяком случае я надеюсь, что вы не захотите меня застрелить? — полувопросительно добавил он.

— Почему же не захочу?

— Фи, кровь на ковре, такая неопрятность в хорошем доме... Ваша жена придет в ярость... Попробуйте спросить ее, и я уверен, идею застрелить меня она сочтет диким бредом...

— К сожалению, я не могу спросить жену: ее нет дома. Полагаю, что ее не будет еще около часа.

— И все же вы могли бы учесть ее мнение. И потом, стрелять в меня — это противопоказано: ведь я же не угрожаю вам. Не говоря уже о том, что убийство ближнего — аморально.

— Ну, положим, все было бы законно.

— Почему это?

— Ведь вы — взломщик,— напомнил хозяин.— И совершили незаконное вторжение в мое владение. Вы вломились, воспользовавшись отмычкой. Вы вторглись в святая святых — в мой дом. Я могу застрелить вас на месте и не понесу никакого наказания. Даже не придется платить штраф, как, например, за парковку автомобиля в неуказанном месте.

— Конечно, вы могли бы застрелить меня при необходимой обороне...

— Ладно, оставим этот разговор. Что это у вас торчит в заднем кармане?

— Небольшой ломик. Фомка.

— Дайте-ка сюда... — Ломик оказался сделанным из массивной стали, весил больше двух килограммов и имел удобную рукоятку.— Да, довольно опасное оружие,— констатировал хозяин.— Я могу заявить, что вы грозили мне фомкой, и я стрелял в порядке обороны. Конечно, мои показания будут противоречить вашим. Впрочем, ваших показаний вообще не

будет, ибо мертвые молчат. Как вы думаете, полиция мне поверит?

Взломщик не ответил. Требсон улыбнулся и с довольным видом сунул ломик себе в карман.

— Зачем же вам нужно... Вы хотите... Застрелить меня?

— Может, я еще никогда никого не убивал.. Может, я хочу испытать удовольствие или удовлетворить любопытство... Или, может, я охотно убивал врагов на войне, а теперь ищу подходящую возможность убить кого-нибудь... Да мало ли может быть причин...

— Но...

— Вообще-то вы могли бы быть мне полезным,— перебил его Требсон.— Но в таком виде я не вижу от вас никакой пользы. И не соблазняйте меня благотворительным взносом — это наивно. Мне не нужны ваши деньги. Осмотритесь; вы увидите, что мой дом — полная чаша; денег у меня вполне достаточно. Если бы я был беден, вы не вломились бы ко мне. Да и какие деньги вы имеете в виду? Пару сотен долларов?

— Скажем, пять сотен.

— Мизер!

— Я тоже так думаю. Впрочем, дома у меня есть еще, но боюсь, что и это вы сочтете мизерной суммой.

— Конечно.— Требсон переложил револьвер в другую руку.— Вам сказано, что я — бизнесмен. Если бы живым вы оказались для меня полезнее, чем мертвым, я не стал бы...

— Вы — бизнесмен, а я — вор,— перебил вдруг взломщик, и лицо его озарилось надеждой.

— Верно,— подтвердил хозяин.— Ну и что же?

— Так я могу украсть для вас что-нибудь. Скажем, картину. Или производственные секреты конкурентов. Я действительно мастер своего дела. Я не берусь украсть портрет Моны Лизы из Лувра, но все остальное... Поручите — и я покажу, на что я способен!

— Да?..

— Автомобиль, меховое манто... бриллиантовое кольцо, инкунабулы, ценные бумаги, компрометирующие документы...

— Что еще?

— Коллекцию монет или почтовых марок, полицейские донесения...

— Я понимаю.

— Видите ли, когда я нервничаю, то становлюсь разговорчивым.

— Это я уже заметил.

— Если вы назовете любые предметы, я поставяю...

— Нет. Боюсь, что так мы не договоримся.

— Но почему же?

— Во-первых, не существует ничего, в чем бы я так уж нуждался. Можете вы украсть для меня

сердце женщины? Едва ли. А во-вторых: как я могу вам верить?

— Можете верить! — воскликнул взломщик. — Честное слово!

— Именно это я и имел в виду. Я должен поверить вам на слово, что ваше слово чего-то стоит... И мы попадем в порочный круг. А как только я выпущу вас из дома, вы сможете обмануть меня. Даже сейчас, когда я держу вас под прицелом, вы почему-то уверены, что я не могу безнаказанно застрелить вас. И поэтому как мне ни жаль...

— Нет!!

Требсон пожал плечами:

— Ну в самом деле, какую пользу вы можете принести мне? На что вы еще годитесь, кроме как в качестве трупа? Что вы еще умеете, кроме воровства?

— Изготавливать номерные знаки для автомашин.

— Тоже не очень-то ценный талант.

— Знаю, — кивнул взломщик. — Я часто думаю: почему наше государство не обучило меня более полезному ремеслу? На фальшивые номера почти нет спроса, а настоящие — монополия государства. Что я еще умею? Могу чистить вам ботинки, мыть вашу машину...

— Чем же вы занимаетесь, когда не воруете?

— О, тогда у меня много возможностей провести время с пользой: ухаживаю за женщинами, кормлю своих золотых рыбок, если они не задыхаются, выброшенные из аквариума на ковер... Езжу на автомобиле, если не гну бампер, выпиваю кружку-другую пива, делаю себе бутерброды, играю в шахматы...

— Хорошо играете?

— В шахматы? Неплохо.

— Я спрашиваю серьезно.

— Понимаю. Нет, я не просто передвигаю фигуры по правилам, если хотите знать. Мне знакомы все дебюты, и я разбираюсь в шахматной стратегии. Правда, чтобы стать мастером, мне не хватает терпения, но в городском клубе я чаще выигрываю, чем наоборот.

— Вы даже играете в городском шахматном клубе?

— Конечно. Не могу же я семь дней в неделю заниматься воровством. Ни один человек не выдержит такого стресса.

— Тогда вы могли бы быть мне полезны, — заметил хозяин.

— Вы хотите учиться играть в шахматы?

— Я умею играть. А теперь я хотел бы, чтобы вы поиграли со мной в течение часа. Или пока не придет жена. Мне скучно. Читать в доме нечего, телевизор меня не прельщает, а партнера моего уровня найти не легко.

— Значит, вы сохраните мне жизнь, чтобы поиграть со мной в шахматы?

— Именно так.

— Тогда позволите внести ясность: нет ли здесь подвоха? — забеспокоился взломщик. — Могу ли я надеяться, что вы меня не застрелите, если я проиграю или даже если я выиграю?

— Шахматы — это игра, которая выше всяких трюков.

— Я тоже такого мнения, — облегченно вздохнул взломщик. — А если бы я не умел играть, вы бы меня все же не застрелили?

— Этот вопрос вас очень занимает, не так ли? — уклонился от прямого ответа хозяин.

Они уселись в первой комнате, напротив прихожей. Гостю достались белые; он начал ходом королевской пешки и разыграл какой-то немыслимый вариант итальянской партии. Но на 16-м ходу Требсон пожертвовал качество, получил сильную атаку, и вскоре белым пришлось сдаться.

Черными гость разыграл незнакомый хозяину вариант сицилианской и получил преимущество. Потом он сумел создать проходную пешку, а когда она начала неудержимо двигаться в ферзи, Требсон положил своего короля на бок, признавая поражение.

— Вы неплохо играете, — сказал Требсон.

— Благодарю.

— Жаль только, что... — Требсон не договорил. Партнер вопросительно взглянул на него:

— ...что я растрчиваю свое время как обыкновенный преступник, так вы хотели сказать?

— Неважно, — поморщился Требсон. — Оставим это.

Когда они снова расставили шахматы, послышалось вращение ключа в дверном замке. Дверь открылась. Миссис Требсон пересекла прихожую и вошла в комнату. Мужчины поднялись. Распространяя запах французских духов, элегантная молодая женщина приблизилась, и по ее миловидному лицу пробежала усмешка:

— Ага, ты нашел себе нового партнера. Рада за тебя.

Требсон сжал зубы и вытащил отобранную у взломщика фомку. Рукоятка оказалась еще удобнее, чем ему показалось.

— Мелисса, — обратился он к жене, — я не стану тратить слов на перечисление твоих измен. Ты сама знаешь, чего заслуживаешь.

Ничего не понимая, она уставилась на мужа. Тот взмахнул фомкой и с силой опустил ее на голову жены. Затем ударил еще дважды и обернулся к оцепеневшему свидетелю.

— Вы ее убили, — растерянно проговорил взломщик.

— Ничего подобного, — возразил Требсон, вновь вынимая свой блестящий револьвер.

— Разве она не мертва?

— Я очень надеюсь, что мертва, — ответил Требсон. — Но это не я ее убил, а вы.

— Ничего не понимаю...

— Надеюсь, полиция поймет все, как нужно, — проговорил Требсон и выстрелил, ранив взломщика в плечо. Затем выстрелил более точно, и взломщик упал с простреленным сердцем.

Требсон тщательно протер шахматные фигуры и доску, убрал их и с трудом подавил в себе желание запеть. Он был доволен собой.

Для практичного бизнесмена не может быть ничего бесполезного. Если судьба посылает лимон — можно хотя бы сделать себе стаканчик лимонного сока.

Трудно найти сегодня человека, который бы не знал двух крылатых фраз, рожденных в огне Великой Отечественной войны: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва» и «Для нас за Волгой земли нет». Первая из них прозвучала в ноябре 1941 года, при обороне нашей столицы, вторая — год спустя, в дни Сталинградской битвы. И тот, и другой афоризм выражали чувства всех участников этих ожесточенных сражений, всех советских людей в то суровое время. Поэтому и живут они по сей день в памяти народа.

Как известно, слова «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва» сказал политрук, Герой Советского Союза Василий Клочков-Диев, который во главе 28 героев-панфиловцев принял смертный четырехчасовой бой с фашистскими танками около подмосковной станции Дубосеково.

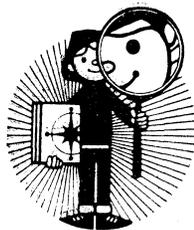
А вот был ли такой же конкретный автор у клятвы сталинградских защитников? Или она — порождение коллективного творчества, безымянного солдатского фольклора?

Нет! Этот пропахший порохом афоризм не безымянен. Его автор — наш земляк, уроженец Челябинской области, тоже Герой Советского Союза и тоже Василий — Зайцев Василий Григорьевич.

Двенадцатилетним пареньком он вместе с отцом и братом охотился в уральской тайге. Научился хорошо, метко стрелять. Позднее, после окончания Магнитогорского строительного техникума, по комсомольскому призыву служил на Тихоокеанском флоте. Когда началась Сталинградская эпопея, В. Зайцев вместе с группой моряков-комсомольцев, которые подали рапорт с просьбой направить их на фронт, прибыл в 62-ю армию, державшую оборону на берегах Волги.

Когда Василия Григорьевича принимали в партию, на его «лицевом счете» уже было записано 60 вражеских солдат и офицеров. Вот тогда снайпер-уралец В. Зайцев и произнес, как сказано в книге академика А. М. Самсонова «Сталинградская битва», те самые крылатые исторические «...слова, которые стали известны всей Советской стране: «Для нас, бойцов и командиров 62-й армии, за Волгой земли нет. Мы стоим и будем стоять насмерть!»

В. ДЕБЕРДЕЕВ

МИР

НА ЛАГОНИ

Кузины динозавров

Черепашки ползли в наше столетие из мезозойской эры медленно и настойчиво. Они так стремились к нам попасть, что за последние 200 миллионов лет почти не изменились. Старожилы животного мира похоронили почти всех своих товарищей по играм. Их достойные родители — котилозавры — оставили деткам в наследство исключительную выживаемость — черепахи могут жить столетиями. Растут они всю жизнь. Вот с кого можно брать достойный пример: необычайное спокойствие, почти вегетарианская пища, любовь к воде и вечное движение вперед. Безоблачная жизнь земноводных омрачилась лишь с открытием гастрономического чуда — черепашого супа.

Самый несравненный суп готовят из вкуснейшего мяса зеленой, или суповой, черепахи. Вес ее доходит до четырехсот килограммов. На заре развития мореплавания этот фактор сыграл огромную роль в географических открытиях. Какой же мужчина захочет надолго покидать родные края без куска свежего мяса? Черепахи стали живыми консервами. Ими набивали трюмы. Благо, животные обходились без пищи и воды по 14 месяцев. Это было то время, когда черепахами обедались. Удивительно, как они еще уцелели. Уничтожали их не только ради редкого мяса. Черепахи еще имели несчастье понравиться прекрасным роговым панцирем. Древний Рим признавал черепаховые изделия царским украшением.

Среди наземных черепах самые древние живут на Галапагосских и Сейшельских островах. Гиганты весом в 300—400 кг вырастают из 100-граммовых малюток за 300 лет. Совсем недавно они еще паслись огромными стадами, лениво передвигаясь в поисках корма. Но пришел человек и положил конец их безмятежности. Живые памятники природы ютятся теперь в недоступных уголках и продолжают надеяться на благоразумие человечества. То, что природа создавала миллионами лет, легко уничтожено за несколько веков.

В Африке и на Мадагаскаре живут черепахи, у которых края панциря могут загибаться вниз, закрывая «вход» и «выход». Чего только не придумает природа для защиты от врагов! А в Кении и Танзании прячутся эластичные черепашки, плоские и мягкие. Если внимательно присмотреться, можно увидеть, как они дышат. Обиженные судьбой животные ищут природные панцири и там живут. И так держатся за свое укрытие, что вытащить их можно только по частям.

Черепашки вздохнули свободно только тогда, когда парижский повар Аппер избрал настоящие консервы, когда появились холодильники и пластмасса, когда британский зоолог Гюнтер выступил в их защиту, а сын знаменитого исследователя Антарктиды Питер Скотт предложил завести «Красную книгу». Но и сейчас с ее страниц они вызывают сострадание своими слезящимися глазками и высохшими головками, невыносимо страдающими о тех временах, когда никто не вмешивался в их спокойную, размеренную жизнь. И куда только спешили!..

А. ЛЕЩЕНКО

Лягушачьи антифризы

Почему зимующие лягушки, спрятавшись в укромном местечке на суше, не погибают от мороза? А ведь холода бывают довольно крепкие. Как определил ученый-зоолог Миннесотского университета (США) Уильям Шмид, к началу зимы лягушки синтезируют в жидкой среде своего тела спиртовый антифриз. Он обнаружил три вида лягушек, «умеющих» производить глицерин, благодаря которому, спрятавшись в ямку под листья, они благополучно проводят время зимовки.

Е. ИВАНОВ

СДЕЛАНЫ ИЗ МЕДИ

Есть в Свердловском историко-революционном музее редчайшая коллекция изделий из меди. Подносы, ковши, стопы, кувшины, ларцы, изготовленные на уральских заводах в XVIII веке, по своей уникальности уступают лишь коллекции Государственного Исторического музея в Москве. Начата она была в конце прошлого века собирателями различных редкостных вещей, членами Уральского общества любителей естествознания.

Немало тайн хранит старинная коллекция, над разгадкой которых вот уже многие годы трудятся ученые. Рядом с древнерусскими типами и формами изделий соседствуют и заимствованные из искусства стран Востока и Западной Европы. Сказывалось влияние других культур. Но народные мастера творчески перерабатывали наследие прошлого, создавая свою Красоту.

Мало мы пока знаем о создателях медной утвари, выпускавшейся уральскими заводами. Оставили они потомкам ни с чем не сравнимые изделия да свои клейма на них: МАИ, МВС, МЕВ, МВГ... Десятки неразгаданных имен, судеб человеческих.

В начале XVII века Россия покупала медь и железо у Швеции. Северная война прекратила поставку «свейского» металла. Вот тогда-то и вспомнили об Урале и Сибири. Начался ускоренный поиск новых месторождений руд. Строились уральские заводы. По указу Сената (1728 г.) они должны были изготавливать и медную утварь. С этого времени медь, как и чугун, стала не только основой уральской промышленности, но и прикладного искусства.

Производство медной утвари одним из первых освоил Екатеринбургский казенный завод. Еще и строительство не было закончено, а рабочие уже выдали первую продукцию — памятный поднос. На нем выгравирована надпись: «Его величества императора и самодержца всероссийского нановостроящемся заводе Катерин БУРХЕ испервой пробы сибирской меди начисто в ковшу сде-

ланной вславу и имянн их величества тщанием генерала майора Вилима Геннина июня 8 дня лета 1723 го». Поднос был преподнесен Петру I. В настоящее время он хранится в Государственном Эрмитаже как один из интереснейших памятников декоративно-прикладного искусства Урала первой половины XVIII века.

В Екатеринбурге свозилась черновая медь со всего Урала. И не удивительно: здесь был крупнейший в России монетный двор и работали многочисленные фабрики. Бытовые изделия с 1729 года начали изготавливать из меди в большом количестве. В Екатеринбург были присланы мастера по этому делу Прокопий и Степан Мироновы из Казани, Федот Москвин из Олонца. В помощь к ним приставили нескольких малолетних учеников из местной цифирной школы. Уже в первый год было сделано 25 пудов медной посуды.

В 30-е годы своей бытовой медью славился Суксунский завод Акинфия Демидова. Лучшим мастером «при деле медной посуды» на заводе был Федот Киселев. Его изделия хранятся в Государственном Историческом и Свердловском музеях. Наиболее значительна его ранняя работа (1748 г.) — четвертина-куб. Сам М. В. Ломоносов пользовался ею, приспособив для своих лабораторных исследований — перегонки нефти. На кубе сохранилась надпись: «М. В. Ломоносов».

Бывший балахонский купец Иван Осокин за короткий срок сумел поставить несколько медеплавильных заводов в Оренбургской и Пермской губерниях. Самые крупные из них, с посудными фабриками, были Иргинский и Юговской. Посуда с клеймами ИЮЮЗ (Ивана Осокина Юговской завод) и ИЮИЗ (Ивана Осокина Иргинский завод) сейчас большая редкость.

В 1741 году Иван Осокин открыл на своих заводах «фабрики для делания из красной меди в зеленую латунь». Получение отечественной латуни — важный этап в технологии медеплавильного производства.

Но королем «медного дела» был все-таки Алексей Федорович Турчанинов — владелец Троицкого завода близ Соликамска. Была у него и фабрика по выделке медных и томпаковых изделий. Как отмечали исследователи прошлых столетий, здесь «...доделывали прекрасную посуду, посредством особенного искусства разными цветными видами испещренную». Турчанинов собрал у себя талантливых мастеров-медников. Они обладали филигранным искусством и безупречным художественным вкусом. Известны имена некоторых из них: Матвей Никифорович Большаков, его сыновья — Федор и Дмитрий, Степан Емельянович Стрежнин с сыном Михаилом, Пантелей Феклистович Суслов, Иван Алексеевич Чаплин...

Диковинную, жарким огнем горевшую медную посуду не раз посылали в Петербург. Она была необычной, вычурной формы, с хитроумно сплетенным орнаментом и росписью. Изделия в пору было соперничать с благородным серебром. Глаз не оторвешь!

Медные изделия с Урала расходились по всему свету. «И сколько какой посуды в год зделаетца... того познать невозможно...», — писал в свое время известный горный деятель В. Геннин. Действительно, чайная, столовая, кухонная утварь, шкатулки, ларцы — всего не перечесать! Изделия ценились за удобство и красоту не только в России. Медная продукция с клеймом «СИБИРЬ» была одной из самых ходовых в XVIII веке за границей.

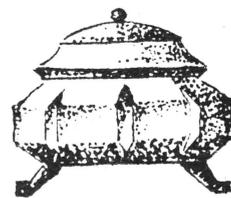
Но к концу XVIII столетия медную утварь потеснила более дешевая керамика. Лишь отдельные предметы быта из меди выполнялись по заказам. Какие фигурные столики и резные оправы для шуфов магнитного железняка делались мастерами! Увековечил свое имя екатеринбургский мастер Федор Денисов. Два его универсальных «общих и вечно нескончаемых» календаря-компаса, изготовленных из латуни, восхищают и по сей день ценителей прекрасного.

Фотографии и рисунки автора.

бокал

перогница

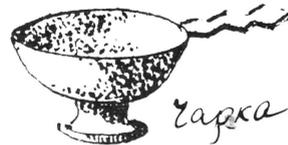
сахарница

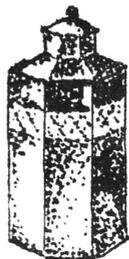
сидова

рукомой

тарка

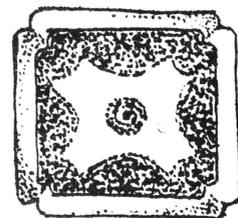
чайница

братина

стопка

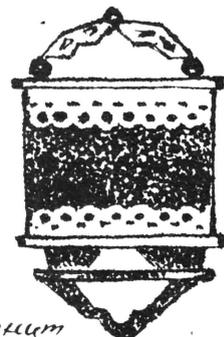

поднос

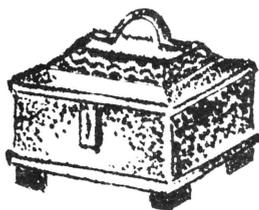
кувшин

кружка

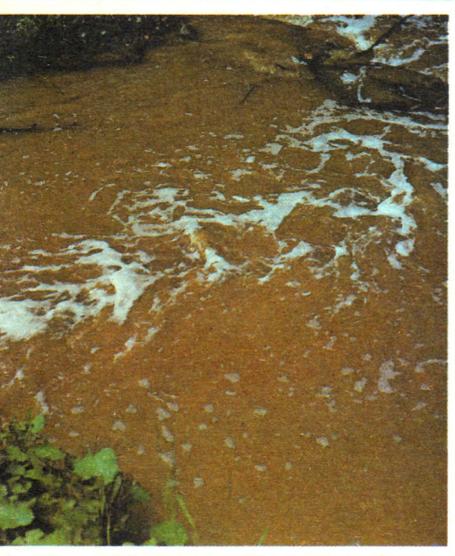
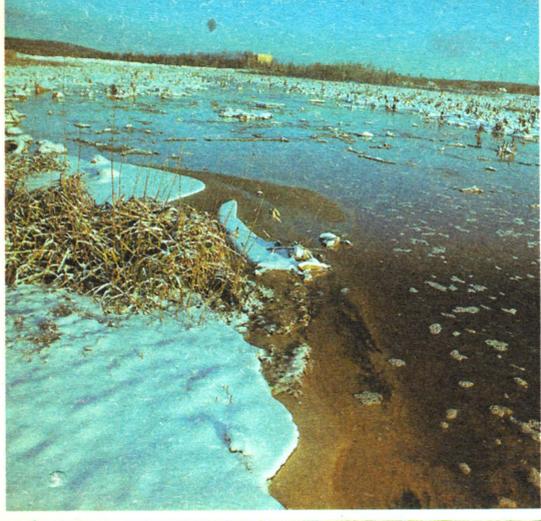
штучер магнит ного железника

шкапушка

корытик

ЖИВАЯ — МЕРТВАЯ ВОДА

Очерк ОЛЕГА КАПОРЕЙКО читайте на стр. 6.

Фото автора

